

**Подросток и работа. Фотоочерк
Анатолий Рыбаков. О времени и о себе
Группа «Алиса». Два полярных мнения
Евгений Винокуров. Новые стихи
Острые письма наших читателей**

СМЕНА²

ВЕРТИКАЛЬ СТЮРА

Александр КОБЕЦ.
Фото
Владимира ЧЕЙШВИЛИ.
Специальные
корреспонденты
«Смены»

Институт молодежных проблем был открыт в нашем журнале после XX съезда ВЛКСМ. К проведению исследований привлекаются философы, социологи, комсомольские работники, журналисты. Публикация в этом номере «Смены» посвящена комсомольской политической учебе. Как избавиться от стереотипов, заорганизованности и штампа в проведении занятий? Как привлечь их участников к заинтересованному диалогу и даже спору, в которых и рождается истина, формируется диалектический, свободный от догматизма подход к анализу явлений политической жизни? Свой ответ на эти непростые вопросы ищет горком комсомола города Волжского.

Зал на втором этаже волжского Дома культуры «Молодежный» постепенно заполнялся. Девушки из медицинского и педагогического училищ, искавшие свое отражение в зеркальной обшивке стен, прихорашивались; молодые люди с подшипникового завода и старшеклассники из местных школ рассматривали витраж над лестницей и спешили получить анкету участника заседания политклуба «Планета». Перед первым рядом кресел возвышался на хрупком штативе массивный микрофон, еще два чернели на столиках перед глубокими креслами, установленными у сцены. Эти места предназначались для американцев. Накануне они мне сказали, что собираются поведать разговор о перестройке и в два счета доказать советским оппонентам, что ничего-то за последние годы в нашей стране не изменилось и не перестроилось.

Из динамиков грянула бравурная музыка, и к микрофону подошел ведущий вечера Сергей Лиходеев, инструктор городского комитета ВЛКСМ.

— Сегодня у нас в гостях семья из Соединенных Штатов Америки, — начал он. — Она стала победительницей конкурса на лучшее знание Советского Союза. Эти люди вот уже две недели гостят в нашей стране и, помимо других городов, выразили желание побывать в нашем Волжском. Итак, мне хочется представить вам мистера Артура Карчела. Он сотрудник госдепартамента США. Его годовой доход — 3,8 миллиона долларов. Ему тридцать восемь лет.

Между рядами появился американец. Строгий костюм, галстук, безукоризненная прическа. Прошел к креслам, непринужденно сел, окинул чуть небрежным взглядом зал.

— Господин Карчел, скажите, пожалуйста, что вы ждете от встречи Рональда Рейгана и Михаила Сергеевича Горбачева? — обратился к нему ведущий.

— Если наш президент будет более сговорчивым, возможно, стороны к чему-нибудь и придут, — твердым тоном, без малейшего акцента по-русски ответил представитель госдепа.

Поблагодарив его, ведущий таким же образом представил миссис Карчел, домохозяйку, участвующую в различных добровольных благотворительных обществах, и дочь супругов Карчел, Джесси, студентку колледжа, подрабатывающую в свободное время официанткой в закусочной «Макдональдс».

От меня не ускользнуло, что девушки, собравшиеся в зале, с легким разочарованием изучают туалеты американок. Те были одеты подчеркнуто просто: бордовое платье с ажурной золоченой аппликацией на груди у старшей и свитер, черная длинная юбка, недорогая бижутерия и белые перчатки — у юной.

Тем временем мистер Карчел уже вступил в дискуссию, начав довольно-таки агрессивно:

— Мои жена и дочь впервые в вашей стране. Я же приезжаю в Союз уже в четвертый раз и вижу: вы семьдесят лет строили фундамент социализма, а теперь вдруг выяснилось, что ваша экономика в развале. О здравоохранении и образовании я уже и не говорю. Мне было бы весьма любопытно узнать, как советские люди сами оценивают свое нынешнее положение, что они думают о перестройке, гласности и так называемом ускорении.

Карчел отстранился от микрофона и с иронией взглянул на ведущего.

— Вопрос прозвучал. Кто ответит нашим гостям, что такое перестройка, каковы ее задачи, цели, какое место она занимает в жизни нашего общества? — обратился к залу Сергей Лиходеев.

Зал напряженно молчал. Карчелы, переглядываясь, посмеивались. Когда пауза стала принимать угрожающие размеры, к микрофону неуверенно вышел молодой человек в пятнистых «машировочных» брюках, серой сорочке и коричневой стеганой безрукавке. Начал он нерешительно и за все время своего долгого, но сбивчивого монолога эту нерешительность так и не преодолел. К тому же ему здорово «помогал» Карчел. Не успел паренек начать рассказывать о преобразованиях, проводимых в последнее время на его предприятии ГПЗ-15, и о немалых еще два-три года назад успехах молодых рационализаторов, как американец сбил его репликой:

— Минуточку, а это не из-за вашего ли завода на прошлой неделе целый день простоял конвейер московского автогиганта АЗЛК? Что-то вы им там недопоставили, верно? Ну, а насчет изобретательства-рационализаторства могу сказать одно — придумывать новое вы умеете, а внедрять?

Из зала на помощь растерявшемуся паренюк поспешил молодой человек лет двадцати пяти.

— Давайте немного вспомним историю — вашу и нашу, — сказал он. — За всю вторую мировую на вашу территорию упала всего одна, если не ошибаюсь, бомба. А у нас после Октябрьской революции интервенция, гражданская война, финская кампания, военные конфликты на Дальнем Востоке, Великая Отечественная война. И после всего этого мы не так уж сильно от вас отстаем. Действительно, наше слабое место — это внедрение изобретений и всего нового в жизнь. Тут нам до вас далеко. Но теперь, когда у нас идет перестройка, все будет внедряться значительно быстрее. Посмотрим, что вы скажете уже через год. Ведь с каждым днем перестройка набирает все большую скорость.

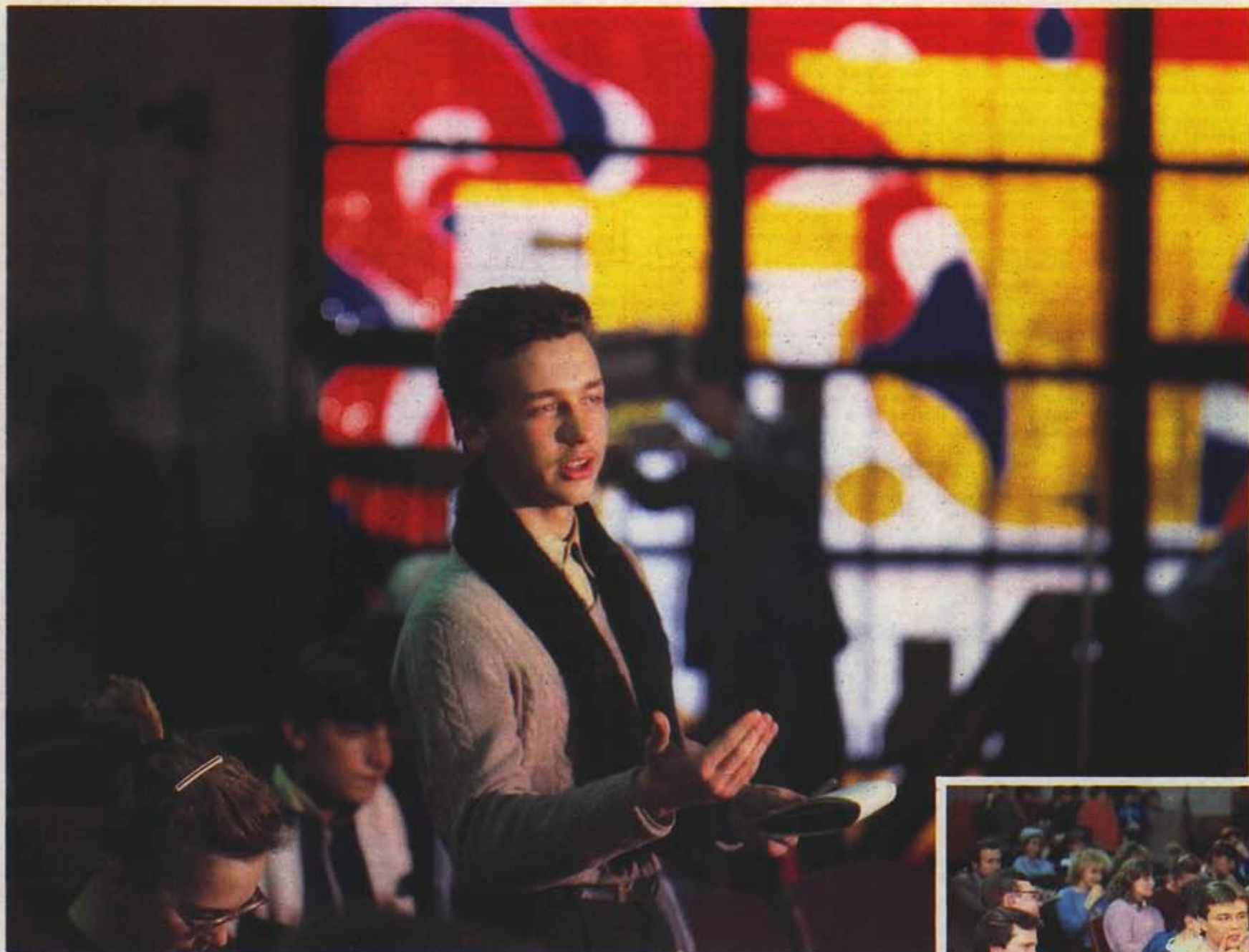
Зал облегченно вздохнул, но мистер Карчел тут же перешел в контратаку:

— Говорите, в условиях перестройки все будет внедряться значительно быстрее? Навивные вы люди. Я тут во время поездки иногда смотрю ваше телевидение. Уморительная, надо сказать, штука. Так вот. На днях довелось увидеть двух парней. Они додумались впаивать что-то в советские магнитофоны, отчего качество звучания вашей аппаратуры, которая, согласитесь, далеко не на ведущих позициях в мире, значительно улучшилось. Якобы даже превысило возможности японской техники. Но ни один завод не взялся новшество внедрить. И это при том, что ваша промышленность давно не может родить не только ничего конкурентоспособного по сравнению с образцами западной продукции, но никак не удовлетворит даже самых скромных потребностей граждан своей страны. Два года назад несколько советских заводов бросились выпускать так называемые плееры — переносные магнитофоны. И что же вышло? Все до одного проданные экземпляры вернулись назад, к изготовителям. Брак! Заводы были вынуждены свернуть производство. Такого случая мировая экономика, по-моему, еще не знала. В общем, это объяснимо.

Знаете ли вы, что на ваших предприятиях самое старое в мире оборудование? А Япония приобретает у вас лес и затем выжимает из него полезной отдачи на сто два процента.

В зале воцарилось молчание. Пока собравшиеся в нем ищут достойный ответ, давайте, читатель, на некоторое время их оставим. Раскрою секрет: все «американцы» — наши, советские ребята, участники политклуба «Планета». Почему до сих пор, называя их американцами, я обходился без кавычек? Да потому, что люди, собравшиеся в зале, узнают это лишь в конце вечера. А выдавать ребят, исполняющих роль семьи Карчел, сидя в зале, было бы неспортивно. Как показали предыдущие политбои, проведенные клубом «Планета», многие из участников подобных «международных встреч» бывали буквально поражены, когда им объявляли, что полемизировали с ними их соотечественники.

Однако давайте знакомиться. Мистер Карчел — Сергей Пономарев, мастер трудового обучения из средней школы № 25. Миссис Карчел — Ольга Пономарева, начальник бюджетного отдела Волжского горисполкома. Их «дочь» Джесси — Оксана Сучкова, десятиклассница, президент дискуссионного клуба «Диалог» школы № 1. Сегодня она впервые выступала в группе

«капиталистов», но рядом с таким опытным бойцом, как Сергей Пономарев, волноваться не приходится.

Первые политбои в Волжском начал проводить именно Сергей. Я попросил его вспомнить, с чего все началось.

— Идею политбоев я вынашивал давно, — сказал он. — Начал осуществлять ее в школе, где сейчас работаю. Постепенно, исподволь стал ребят поддразнивать: мол, считаете себя взрослыми, а вот в политике ничего не смыслите.

Давил на самолюбие, пока они не обиделись. Тогда я им сказал: мне нужны четверо помощников — два парня и две девушки. А через две недели мы будем готовы положить вас на лопатки в любом политическом вопросе. Предложил классу готовиться. Ребята только посмеялись. Ну, а я привел свою команду к себе в мастерскую и предложил такую игру. Говорим на определенную тему. Если они выдыхаются и переключаются на другую тему, я получаю очко. Если не могу ответить на их вопрос я, очко записывается им. В первой игре я был «капиталистом» и выиграл со счетом восемь — два. Затем мы поменялись ролями, и я, уже с позиций социализма, снова одержал верх: семь — три. Ребята поняли, что в политике «плавают». Дал я им литературу, стали заниматься. В классе об этом узнали, стали засылать к нам шпионов. А через некоторое время наши противники тоже засели за подготовку. И вот в декабре 84-го года на открытии кафе «Лири» состоялся наш первый политбой. Посмотреть на него приехали из горкома комсомола, члены совета молодых учителей, педа-

гоги нашей школы. Длился наш бой около двух часов с переменным успехом. В конце вечера объявили танцы, но никто на это не обратил внимания, все продолжали обсуждать закончившуюся дискуссию. А потом лешком отправились домой и по дороге спорили, спорили, спорили...

Через месяц мы провели новый политбой — и с таким же успехом. Правда, наша идея чуть было не погибла. Боязнь возможного выигрыша «капиталистов» повергала учителей в ужас. Это и понятно: многие из них и сами не могли ответить на наши каверзные вопросы. (Кстати, ответы на них мы всегда брали в нашей прессе.) Поддерживал меня лишь горно. Но что такое отдел народного образования? В городе есть инстанция и повыше... Во всех остальных находились люди, которые говорили: да, это хорошо, но... Нам повезло, что нас заметил горком комсомола.

Как-то Сергей Лиходеев пригласил меня на дискуссию «Идеал — деньги — человек». На ней обсуждалось письмо фарцовщика, опубликованное в «Комсомолке». Спора как такового не было. Когда все дружно нападают на отсутствующего противника, это скучно. Тогда я встал и сказал, что очень рад тому, что попал в такую теплую, дружескую компанию. Если вам не нужны деньги, сказал я им, несите их мне, я живу там-то и там-то, не бойтесь побеспокоить меня ночью, дверь будет открыта. Я очень ратую за духовные ценности, но прекрасно осознаю, что и за них приходится платить. Вот тут-то и начался спор. Меня, конечно, разнесли в пух и прах, ведь я был один против

всех. Но зато этот вечер до сих пор памятен и моим тогдашним противникам. Впрочем, теперь мы уже друзья и коллеги: с того вечера я вошел в политклуб «Планета». Предложил ребятам в качестве одной из форм работы политбои. Они с удовольствием согласились, и с тех пор где мы только с политбоями не побывали!..

Читатель может поинтересоваться: а зачем они вообще нужны, эти политбои? Какой от них прок? Что, больше в этом самом Волжском других развлечений не имеется?

Отвечаю. Насчет развлечений в небольшом городке под Волгоградом все в порядке. Одно лишь хозрасчетное объединение «Поиск» при горкоме ВЛКСМ предоставляет такой спектр услуг по организации активного досуга, которому в пору позавидовать и столичному сверстнику молодых жителей Волжского.

Но политбои, проводимые здесь, отнюдь не развлекательные мероприятия. Пономарев сразу и четко поставил перед своей группой цели, которых она придерживается при взаимодействии с любой аудиторией и поныне. Во время политбоев воспитывается прочная гражданская позиция собравшихся на диспут людей, которых тут же наглядно обучают логически отстаивать свою точку зрения и которым прививается вкус к чтению политической литературы.

Как видите, читатель, дело куда серьезнее, чем можно было предположить на первый взгляд. Особенно важным оно кажется, если вспомнить, в каком безрадостном состоянии находится у нас комсомольская политучебка.

Причин этому множество. Здесь и десятилетиями не менявшиеся формы и принципы работы, и унылое однообразие «обязательных» тем, и, что называется, принудительное привлечение к пропагандистской работе людей незаинтересованных. Общественное, комсомольское, партийное поручение... «Нагрузка». Как часто непосильным и ненавистным грузом становится для какого-нибудь имарека общественная должность агитатора, политинформатора, навязанная ему ежегодным профсоюзным или каким-то иным собранием. Может, и вовсе обойтись без такой политучебки? Что, кроме вреда, может она принести? Может быть, стоит приглашать лекторов из общества «Знание»? Но молодежи интересно спорить со своими сверстниками.

Задавались ли вы, читатель, таким вопросом: а умею ли я спорить? Нет, не до хрипоты, не переходя на крик, а спокойно, хладнокровно выбивая из-под ног противника его опору — доводы? Если и задавались, то не уверен, что ответили на него утвердительно. В нас слишком развита нетерпимость к чуждому, отличному от нашего мнению и недостаточное умение логически мыслить. Это не наша вина. Нас этому почти не учили. А жаль. В английских и американских школах и колледжах регулярно устраиваются диспуты по самым разнообразным вопросам. В том числе

и политическим. И, представьте, ведут полемику, разумеется, заочную, с нами, «советскими». Готовятся к подобным играм серьезно. Отстояв свою точку зрения, затем меняются и так же отстаивают противоположную.

Будет ли когда-нибудь введена дискуссионная форма обучения в наших школах? Станут ли обучать науке спорить пусть не нас, наших детей? В Волжском решили не дожидаться рекомендаций или команды сверху и стали действовать. У энтузиастов не было никакого опыта, но они умели размышлять и делать выводы. Что нужно для того, чтобы пробудить интерес к политическим знаниям? С этим вопросом я обратился ко второму секретарю горкома ВЛКСМ Виктору Добросоцкому.

— Политика должна быть интересной и ненавязчивой, — считает он. — Комсомольская политическая учеба в нынешнем виде результаты дает мизерные. Поначалу и у нас дело продвигалось со скрипом. Но мы постоянно искали интересные формы занятий. Стремилась чем-нибудь удивить наших слушателей, поразить, выбить их из равновесия, вывести из спячки. С первого же занятия был снят вопрос явки. Мы решили: посещение только на добровольных началах. Никакой обязательности, никаких галочек, цифр и тому

подобного. Политклуб нами рассматривался как творческая политическая лаборатория по работе с молодежью. Цель была — попробовать собрать самые сильные молодые умы города, с их помощью выработать новые виды и формы работы, а затем внедрять эти формы на различных предприятиях Волжского через сеть политклубов. Одной из самых удачных находок считаю политбой. Уметь обстоятельно выстроить систему доводов — это ли не важно? Быть убежденным — это хорошо, но надо уметь свои убеждения отстаивать. Одними эмоциями аргументы и факты не осилить. Знания — замечательно. Но в споре нужна еще и изворотливость ума, необходимо ассоциативное мышление. А с этим у нашей молодежи да и педагогов слабовато. Почему так много протестов против наших политбоев раздавалось именно из стен учебных заведений? Да потому, что преподаватели общественных дисциплин боялись предстать перед ответственностью города во всей их беспомощности. В педучилище, студентов которого наши ребята-десятиклассники обыграли шутя, с одним из педагогов случилась истерика...

Чтобы с нами не было истерик, давайте учиться спорить с достоинством. Так, как это делают ребята из полит-

клуба «Планета». Кстати, чтобы успокоить ханжей, скажу: «ветераны», хотя и прекрасно подготовлены, ведут себя достаточно корректно, оппонентов своих подчистую не растаптывают и в особых случаях приходят залу на выручку — с помощью приглашенного ими же специалиста в области рассматриваемой во время дискуссии проблемы. Чересчур добренькими, считают они, быть тоже нельзя. Иначе публика не проснется, не разозлится, не ввяжется в спор и не откроет в этот же вечер предложенную в конце политбоя литературу. После каждого боя его организаторы объясняют, с помощью каких источников можно было ответить на скользкий вопрос «капиталистов»; у входа в зал выставляется стенд с новинками Политиздата.

Вам, вероятно, хотелось бы узнать, как завершился политбой, на котором мы побывали? После нелегкой полемики стороны разошлись с миром. Ничья. Анкеты показали, что у политклуба появилось много новых друзей, желающих принять участие в его работе.

Может быть, и вы, читатель, заинтересовались деятельностью политклуба из Волжского? Возможно, вам захочется провести политбой в своей комсомольской организации? Что ж, как это делается, вы узнали. Дерзайте!

ДАВАЙТЕ ПОСОВЕТУЕМСЯ

Комментарий заведующего
Отделом пропаганды и
агитации ЦК ВЛКСМ
Владислава Фронина

Что смущает, так это категоричность. В свое время категоричность привела к «политбоям», «политоблавам», «политудочкам». Да, пусть не обижаются волжане: задолго до них все это было. И отказались в свое время потому, что эти формы «подменяли планомерное изучение революционной науки эпизодическими наскоками». Оставим в прошлом эмоциональность «политоблавы», отметим для себя подмену: вместо изучения — наскок. Это, согласитесь, уже серьезно.

В мире мудрых мыслей есть такое утверждение: учение без размышления вредно, размышление без учения опасно. Положим и его на наши весы.

«Давайте разберемся» — под такой рубрикой в одной из газетных публикаций авторы тоже разбирали волжские политбои и в отличие от нашего восторженного «Дерзайте!» пришли совсем к другому, не менее категоричному выводу: это провокация. Со студентом-вечерником, игравшим роль капиталиста и угодившим за это под рубрику «Давайте разберемся», в институте долго не церемонились. Быстро приклеили к нему приставку «анти», хотели было исключить, но нашлись другие взрослые, телефонный звонок оставил студента в звании вечерника, а поиск горкома комсомола был продолжен. Так давайте разбираться, а не приклеивать приставки «анти».

Давайте разбираться...

Убежден в одном: сегодняшний репортаж из Волжского вызовет самые полярные мнения, суждения, оценки. Вот они-то, их анализ и важны для нас, для всех, кто участвует в начавшейся перестройке политической и экономической учебы молодежи. Есть на этот счет постановление бюро ЦК ВЛКСМ. Но хочу подчеркнуть: речь не идет о директиве из центра, наоборот, постановление всячески поощряет самостоятельность, творчество, поиск.

Обсуждали как-то проект этого доку-

мента с комсомольскими работниками с мест, поднялся один из них и говорит: «У нас в республике, в горах молодые ребята берут ручку в руки раз в году. Так что предлагаю: в документе разрешить нам не политшколы открывать, а политячейки». Больше всего обрадовала реакция его коллег: «Чудак-человек, никто не запрещает, открывай».

Когда не запрещается сверху, вот тогда-то и боязно бывает нарушить, открыть, провести... Не за кого спрятаться, не на что сослаться. А потому есть два метода перестройки политической учебы. Один: искать, пробовать, ошибаться, исправлять ошибки — двигаться вперед. Другой метод: не сидеть сложа руки, бурно предупреждать об опасности эксперимента, проводимого соседями. Без первого не бывает второго. Без первого **не будет перестройки**.

Бюро ЦК ВЛКСМ, обсуждая работу волжан, поддержало линию горкома комсомола на перестройку своей работы в свете решений XX съезда ВЛКСМ. Подчеркнем — линию! Не ждате указаний, действовать творчески. Наряду с ломкой устоявшихся стереотипов экспериментировать. Учиться преодолевать трудности, учиться на ошибках, неизбежных в любом, действительно новом деле.

Вдумаемся в само слово — «слушатель». Так именовали в политучебе молодого человека, решившего овладеть революционной наукой. В противовес проповеди сегодня все больше утверждаются диспут, дискуссия, диалог. Утверждаются подчас без перехлестов, но без максимализма в отрицании полезного и важного.

Волжане не одиноки в своем поиске. В Домодедове Московской области задумали районный турнир политзнатоков. В Новгороде — политвикторины. В Минске в одном названии соединяются «Поэзия и политика». Но, пожалуй, самое популярное новшество — политклуб. Он открывается на заводе, в го-

роде, селе, студенческой аудитории, на страницах газет, выходит в радиозфир. Давайте разбираться...

В Валдайском политклубе после бурных первых заседаний наметился спад, ребята выговорились: спорить есть о чем, а вот аргументов не хватает. Почувствовали нехватку знаний и решили чередовать дискуссии с занятиями. Обратились к книгам.

Пропагандист из Электростали Сергей Румненко, исходя из опыта своей работы в политклубе, замечает: «Сейчас многие слишком уповают на новые формы, забывая о том, что, прежде чем спорить, молодежи надо дать знания, чтобы было о чем спорить».

Нельзя видеть в политбоях, дискуссиях и политклубах единственно верное лекарство от скуки и принудиловок. Вряд ли оправданно ввязываться в политбой, не будучи к нему подготовленным. Размышление без учения, вспомним, опасно.

Опыт волжан, других пропагандистов подсказывает: без планомерного обучения не может быть эффективного политбоя, диспута, дискуссии. Не случайно заинтересованный разговор шел в ЦК ВЛКСМ с пропагандистами именно о политических школах и политических семинарах как основе политической учебы. Только получив знания в политшколе, молодой человек приходит в политклуб. Приходит не зрителем, не слушателем — бойцом.

Часто слышишь вопросы: какая точка зрения ЦК ВЛКСМ — нужны ли нам политинформаторы в век телемостов и «прямых линий»? Авторам таких вопросов нужны... директивы. Ну, если есть мосты и вам не требуются политинформаторы, значит, не назначайте. А если у вас в цехе толковый человек, увлекающий всех своим рассказом о событиях дня, почему он не может быть политинформатором?

Главный вопрос — какие? Какие политбои, какие дискуссии, какие политклубы нам нужны? Давайте посоветуемся.

СМЕНА

Уважаемая редакция!

Как-то, участвуя в турпоездке по Волге, я посетил около полутора десятков крупных городов Поволжья и везде заходил в книжные магазины. Кстати, их очень много. Прекрасно оборудованы, с огромными торговыми площадями. А картина везде удручающая! (К таким магазинам-близнецам я с полным основанием отношу и магазины моего Севастополя.)

Я не являюсь книжным гурманом, не гоняюсь за нашумевшими бестселлерами и книгами скандального содержания, интерес к которым порой подгребают наше телевидение и печать, обсуждая книги, которые никто не читал, которые никто не видел.

У нас дефицит бумаги? Нет! Ее в избытке! У меня дома, к примеру, лежит 140 кг. Я не могу ее сдать потому, что у нас в городе макулатуру меняют на крышки для консервирования, на туалетную бумагу. Тысячи магазинных полок забиты справочниками, которые никому не нужны, аляповатыми плакатами с давно устаревшими (уже и вредными) лозунгами, книжонками и брошюрами, которые всучиваются в нагрудку книголюбам. Забиты книжные полки трудами, посвященными творчеству классиков и современных писателей, и нет, собственно, самого их «творчества». Здесь необходима переоценка ценностей. Никакие книжные распределители и общества, никакие абонементы не помогут. Просто нужно много хороших книг. Может, тогда и наполнятся несколько иным содержанием голловы «металлистов», «панков» и т.д. Если они сейчас не читают, то потому, что и читать нечего.

Нам очень нужны книги классиков и современников, русских и зарубежных писателей. Мы не будем ими спекулировать, они не будут пылиться на полках, дополняя интерьер. Это, мне кажется, версия, надуманная ответственными работниками, для того, чтобы объяснить свою бездеятельность. Хочется верить, что мы самый читающий народ в мире не потому, что больше всех издаем, а потому, что больше всех читаем хороших и умных книг.

В. П. УДАЛОВ,
Севастополь

Прочитал очередной номер журнала и решил написать.

Во-первых, о «золотых» щепках. Цифры, которые приводятся в статье, страшны, они холодят сознание. Становится жутко, когда осознаешь полностью то, что происходит в «процессе освоения»! Ох, уж сколько об этом написано, показано... Так вот, не будут ли ответы министерств и других организаций на вопросы, поставленные журналом, чем-то вроде «поставлено на вид», «указано» и т.д. — дабы успокоить прессу?

Во-вторых, хочется просто поблагодарить редакцию за истинное открытие — открытие рубрики «Интимная жизнь молодых». Ведь как знать, не будь у нас той самой «закомплексованности» в вопросах секса, может, и не было бы валютных проституток, пятнадцатилетних любителей «острых ощущений», которых потом надо предохранять от «непредвиденного» и так далее. Так что разговор этот просто необходим! И примечательно то, что начался он именно в молодежном издании, а не в «ходовых» и «необычайно популярных» книгах, которые, правда, нигде купить. Да и, как правило, материалы в них сухи, скучны.

Андрей БЕЛЬШЕВ,
Ленинград

Хочу поделиться своими мыслями о журнале. Мне двадцать девять лет, работаю наладчиком радиоаппаратуры на «Позитроне». Удивляют меня письма «одиноких» товарищей, которые через журнал решили заявить об этом на всю страну. О каком одиночестве идет речь? По-моему, все это глупости и желание пофасонить своей оригинальностью. Дать им в руки кирку да лопату, так все их одиночество как ветром сдует. А так сидят и дурью маются.

Дальше. Не кажется ли вам, что детективы в «Смене» в основном из жанра трамвайной литературы? А фантастика? Повесть-сказка братьев Стругацких производит впечатление бреда.

Конечно, вы можете сказать, что легко ругать, ничего не предлагая взамен. Поэтому предлагаю серьезно поговорить о хамстве нашей захваленной молодежи. Сейчас у нас стало очень мало интеллигентной молодежи. Очень. Отыскать настоящего интеллигентного молодого человека так же трудно, как найти алмаз на улице Горького в Москве. Зато хамов у нас с избытком. Они могут спокойно пройти по ногам, как по асфальту, плюнуть чуть ли не на брюки, а уж в выражениях и матерщине совсем не стесняются. Но это, так сказать, хам малкий. Другие тянут свои руки к памятникам искусства и архитектуры. Живя в Ленинграде, где почти каждый камень — это история страны, с болью наблюдаю, как страдает город от этих подонков. Примеров тому много. Представьте себе, однажды ночью кто-то снимал решетку ажурной ковки у Эрмитажа! Молодые хамы, включающие усилители выходной мощности 50—100 ватт в квартире, орущие под окнами, гоняющие по городу на мотоциклах по ночам, — обычное и, я бы сказал, привычное уже явление. Не оскорбительно ли это?

Вот на эти темы «Смене» и надо обратить самое пристальное внимание.

Владимир ПАЛЕВСКИЙ,
Ленинград

В детском доме я работаю пятый месяц и понял, что одна из проблем детских домов — их заброшенность. Взять, к примеру, наш дом. В двухэтажном обгоревшем корпусе живут малыши, спят в двух комнатах. Не лучше и другой деревянный корпус. В одной комнате спят мальчики (15 человек), в другой — девочки.

Еще весной, летом как-то можно жить. А зимой? Горячей воды наши дети никогда не видели. Пол замерзает, и по нему можно кататься. В комнате холодно. А как дети одеты! Какие-то старые куртки, пальто. Правда, иногда виноваты воспитанники. Не приучены они беречь: могут курточку бросить среди поля, потому что стало вдруг жарко. И будут требовать новую. А где ее взять? Но мне кажется, если были бы нормальные условия жизни, то внешность и культура воспитанников изменились бы в лучшую сторону.

О наших трудностях мало кто знает. Мне кажется, что у каждого детдома должен быть свой участок работы, где бы дети учились осваивать профессию и получали деньги, но обязательно только на сберкнижку. Посвящать бумажки на территории, полить клумбы — разве это настоящий общественно полезный труд? Это же насмешка! Естественно, что после такого «труда» ребята на головах ходят, так как совсем

не устают, а энергию хочется израсходовать.

Главным в воспитании детей должен быть труд. А у нас, да и не только у нас, но и в других детдомах — сила! Не так посмотрел на воспитателя — подзатыльник, слово не то сказал — по щеке. Недавно воспитатель разбил парню, своему воспитаннику, нос об асфальт за то, что тот обратился к нему на «ты». Дети боятся воспитателей. Это уже страшно. Страшно, когда воспитатель чем-то похож на чеховского Беликова. «Как бы чего не вышло». Дети и так угнетены старшими, а старшие — бывшими выпускниками, а тут еще такой воспитатель. Для работы в детском доме надо очень и очень любить детей.

Во многих детдомах нехватка кадров, особенно молодых. И я знаю, что есть парни и девушки, в том числе и бывшие воспитанники детских домов, которые хотят здесь работать. Но вот приходят они в райком или обком ВЛКСМ за комсомольской путевкой, а их сразу спрашивают об образовании. Если нет педагогического образования, значит, ты не подходишь. Но вспомните Пирогова и Корчака. Какими они были педагогами! А ведь их основная работа — врачебная практика. Хорошо бы организовать клубы педагогов, работающих в детских домах, школах-интернатах, чтобы можно было обменяться опытом, взять что-то полезное для своего детского дома от соседа.

Хотелось бы, чтобы наши писатели больше писали о детях из детских домов. Я недавно прочитал своим детям роман Анатолия Приставкина «Ночевала тучка золотая...». Они плакали. Роман и меня потряс, но чтобы так же потряс детей, не ожидал.

Детдомовцы очень ранимы, часто чужая боль их больше тревожит, чем своя. Все они смотрели «Чучело», «Игры для детей школьного возраста», «Легко ли быть молодым?», «Детская площадка». Побольше бы таких остропроблемных фильмов. Надо наконец и детям рассказывать правду о жизни. Хочу поблагодарить журнал за оказанную мне помощь. В седьмом номере «Смены» было опубликовано мое письмо «Чувствую себя стариком». Я получил больше сотни доброжелательных писем, благодарен всем за поддержку. В Вознесенский детский дом я приехал работать по комсомольской путевке. Работой счастлив. Вот отслужу в армии и снова вернусь в свой детский дом. Надеюсь, меня здесь будут ждать. Да и что я без детей! Сказать, что бросив компанию, я сильно изменился, наверное, будет неправда. У меня остались еще кое-какие старые замашки, но не могу же я при детях курить, ругаться. Дети научили меня сдерживаться.

Анатолий КОСТЫШИН,
Вознесенск Пермской области

Обком комсомола совместно с комитетом комсомола Восточно-Казахстанского машиностроительного завода обсудил статью «Ржавчина» («Смена» № 11 за 1987 год) на собраниях в трудовых коллективах предприятия. Проведена внеочередная переаттестация комсомольско-молодежных коллективов. В настоящее время на заводе работают 13 комсомольско-молодежных коллективов (в 1986-м было 23), являющихся коллективами нового типа, решающих производственные вопросы.

Решение проблем организации труда токарей цеха № 2 позволило исправить имеющиеся в коллективе негативные явления, отмеченные в статье, — равнодушие, неравномерность распределения заданий и другие. Морально-психологический климат в комсомольско-молодежных коллективах стабилизировался.

Администрация, партийная, профсоюзная организации стали уделять больше внимания комсомольско-молодежным коллективам, условиям труда и быта молодежи на заводе.

На предприятиях области проводится работа по совершенствованию деятельности комсомольско-молодежных коллективов.

Ю. СКОРОПАД,
секретарь Восточно-Казахстанского
обкома ЛКСМ
Казахстана

Уважаемая редакция!
Я учитель сельской школы и верный подписчик «Смены». Материалы «Смены» во многом помогают мне в работе со школьной молодежью. В частности, я использую в преподавании курса «Этика и психология семейной жизни» в 9-м классе рубрику «Интимная жизнь молодых».

И вообще читаю журнал «от альфы до омеги», многое мне в нем нравится: темы, проблемы, красочное оформление... Я часто показываю журнал «Смена» в школе своим коллегам и ученикам, кое-кто стал вашим подписчиком в этом году, и надеюсь, что в 1988 году их число увеличится.

Я за то, чтобы вы продолжали печатать в журнале больше остросюжетные произведения. Наряду с другими интересными материалами они украшают журнал. Ведь нельзя забывать, что журнал-то молодежный, а молодежь любит фантастику и детективы. И хорошо, что вы предоставили им больше места. Желаю вам (и нам), чтобы «Смена» оставалась такой же интересной!

Юрий ТЕРЮКАЛОВ,
Одесская область

Еще свежи впечатления о последнем экзамене... И вот мы — гордое пополнение рабочего класса.

Прошло всего несколько рабочих месяцев, но уже каждый из нас, а мы по профессии продавцы — то есть люди, которых учили дарить «тепло и радость!» — задумываемся: а как «дарить»? Но главное, не можем ответить вот на такие вопросы: почему мы должны обманывать покупателей? Почему нас заставляют продавать плохой товар? Почему на испорченные продукты отводится столь малый процент, в который мы должны «влезть» любой ценой, то есть обвешивать, подкладывать гниль и плохой товар нашим покупателям?

Видимо, складывается впечатление, что мы «стараемся» в свой карман, но никто из нас не желает уносить продукты бесплатно. Разве ж этому нас учили в училище?

Дожили до того, что дефицитом считается сахарный песок. Да нет такого дефицита. Просто не хватает рабочих рук для фасовки, потому что платят за эту нелегкую работу 80 рублей в месяц.

Все уже смирились с образом продавца, обманывающего, обвешивающе-

го покупателей. Об этом много пишут, много говорят, но никто не задумался и никто не сказал вслух, что же понуждает этого продавца обманывать и обвешивать, ради чего он это делает, может быть, это кому-нибудь выгодно? Ведь не все продавцы нечестные люди.

А какая польза от книги жалоб? При разборе жалобы вопрос ставится только так: какое бы придумать наказание провинившемуся? А как исправить положение, мало кого тревожит.

Да, книга отзывов и предложений нужна, но не только для того, чтобы покарать продавца, а и для того, чтобы исправлять серьезные ошибки, допускаемые в торговле всеми, кто имеет к ней отношение. Если не будет этих ошибок, то не будет и грубости.

Больно и стыдно за себя и за других продавцов. Вот и бегут молодые кадры из магазинов. А кто остается за прилавком? Почему? В магазине, куда нас распределяют после окончания училища, заводится трудовая книжка со стажем три года, и мы обязательно должны отработать два года. Уйти из торговли — значит потерять стаж. Да и просто так не уйдешь, только со скандалом. Многие остаются потому, что привыкают к этому обману, другие потому, что работать больше негде — причин много.

В этом году наше училище так и не смогло набрать группу продавцов. Вышли из положения тем, что привезли девочек из Туркмении, но они в нашем городе оставаться не собираются. Что же делать?

Марина ЛЕБЕДЕВА,
Оксана СОЛОВЬЕВА

Сейчас много пишут о детях, живущих в детских домах при живых родителях, о всенародной помощи этим обездоленным. Читаешь, и сердце рвется на части: неужели такое возможно? Да, мы, благополучные семьи, тоже виноваты, что равнодушно отворачивались, молчали. Ведь, наверное, многие из нас знакомы с семьями, где родители пьют, а малолетние дети становятся узниками этого семейного кошмара.

Я сама бывала в таких семьях, ужасаясь тому, в каких условиях живут дети. Беседовала, просила, стыдила матерей-пьяниц. Но все впустую. Я работала в комиссии по подготовке документов о лишении родительских прав. Видела, как эти опустившиеся мамы цепко держатся за свое юридическое материнство. Я бы сказала, что дети для них — это заложники, детьми прикрываются от закона и продолжают катиться по наклонной. Значит, надо менять закон!

Прошу вас: ходатайствуйте перед теми, кто меняет законы. Пусть в нашей стране будет объявлено всенародное обсуждение закона об ответственности родителей за воспитание своих детей!

Пусть ответит перед этим законом мать, бросившая своего ребенка. Пусть ответит отец, избивающий своего ребенка.

И еще. Надо учить родителей (всех!) искусству воспитания, азам воспитания, педагогики. Ведь как часто мы, даже беззаветно любя свое дитя, совершаем много ошибок в воспитании просто по незнанию. Кто у нас отвечает за то, чтобы молодые люди были готовы стать родителями? Возможно, нужен курс молодых родителей в вашем журнале? Возможно, нужен цикл передач на ТВ?

Наталья СТАНКЕЕВА,
г. Плуңге Литовской ССР

ЗАРПЛАТА ДЛЯ СЕМИКЛАССНИКА

СОТНИ ПРЕДПРИЯТИЙ
НУЖДАЮТСЯ В КАДРАХ.
МИЛЛИОНЫ ШКОЛЬНИКОВ
ЖЕЛАЮТ ТРУДИТЬСЯ.
ОНИ СОГЛАСНЫ
НА ЛЮБУЮ РАБОТУ —
У СТАНКА, В ПОЛЕ,
В БУЛОЧНОЙ, НА ПОЧТЕ...
И СТРАНЕ — ВЫГОДА,
И ИМ — ПОЛЬЗА.
НО, УВЫ, ШКОЛЬНИКИ
ПОЧТИ НЕ РАБОТАЮТ.
ПОЧЕМУ?

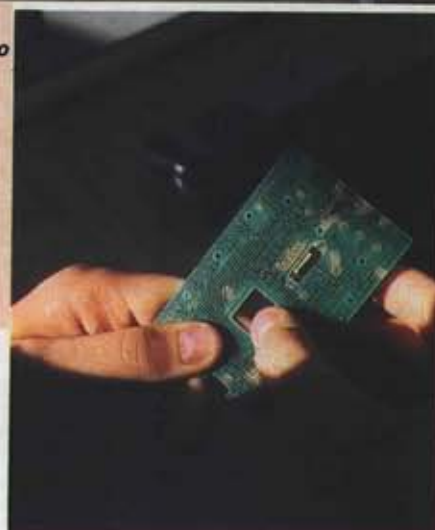
Школьник Владислав Кузьмичев работает радиомонтажником (фото слева).

На смену.

С электроникой на «ты».

«Контакты надо паять аккуратней».

В роли бригадира.

Сергей ЛИТВИНОВ.
Фото
Владимира ВАСИЛЬЕВА.
Специальные
корреспонденты
«Смены»

ОАЗИС ДЕЛА

В подмосковном Зеленограде я долго искал нужный мне дом. Когда наконец указали на двухэтажное здание в центре одного из жилых кварталов, окруженное со всех сторон девятиэтажками, не поверил, три раза переспрашивал. Все-таки ехал я хотя и на школьный, но ЗАВОД, который, как я знал, выпускает в год продукции больше чем на три миллиона рублей. Да и внутри на завод было мало похоже. Пять светлых комнат размером с класс — пять участков. Склоненные над микросхемами мальчишечьи и девчоночьи затылки, детские руки, ловко управляющиеся с паяльниками и винтовтерами.

Делают, оказывается, на заводе электронную игру «Тайны океана», которая в магазинах нарасхват. Спрос, как заверяет торговля, неограничен. Школы и частные лица бомбардируют завод письмами: «Помогите приобрести!»

Завод еще не вышел из младенческого возраста — первую продукцию он дал в октябре 1986-го. На его создание базовое предприятие затратило 120

тысяч рублей. Расходы окупилась за полгода, завод уже приносит прибыль.

Трудятся здесь ученики седьмого — девятого классов. Каждый работает по два-три часа в неделю, получает около десяти рублей в месяц. Все выпускники приобретут диплом радиомонтажника второго разряда, а кроме того, будут владеть еще четырьмя специальностями.

Школьники не знают обыкновенной для производства раскочки-горячки: на заводе всегда месячный запас заготовок.

— Чем вам нравится (или не нравится) школьный завод? Как вы распорядитесь своей первой зарплатой? — спрашивал я у школьников. На одном из участков, услышав последний вопрос, дылда с «камчатки», явно примеряющий маску отплетого, выкрикнул: «Сигарет накуплю!», вызвав бурный восторг мальчишек, молчаливое осуждение девочек и шок мастеров. «И вина!» — восхищенно поддакнул сидящий рядом подражатель. Эх, ребята, какой вы козырь давали тем, кто считает, что карманные деньги — даже и заработанные — вредны! Впрочем, в письменных ответах ребята выглядели гораздо целомудреннее.

«Надо помогать матери. Нас у нее трое, а отца нету» (Андрей Платонов).

«Целую неделю я жду понедельника, потому что нам идти сюда. Дома у меня много свободного времени, а здесь оно проходит быстро и незаметно. А деньги думаю потратить на кино, на дискотеки» (Оксана Степанова).

«Работать здесь очень интересно, потому что я знаю — моя работа нужна людям. Зарплату свою я пока тратить не буду. В марте у меня день рождения, и я оставлю все деньги на него. Я хочу пригласить ребят из класса, просто своих друзей» (Лена Казакова).

«Довольно интересно понять, что стоит за внешне чистой и нетрудной работой. Многие, играя в «Тайны океана», не знают, как они делаются. А я знаю» (Роман Рысиков).

«Хорошо, что научишься паять — может, впоследствии станешь радиомонтажником» (Павел Бакеев).

«Здесь намного интересней, чем в УПК, куда мы раньше ходили. Там мы ничего не делали. А эта работа приучает к ответственности, работаешь, как взрослый, нельзя не прийти или просто не сделать» (Таня, фамилия неразборчива).

«Деньги отдам родителям. Они наверняка лучше знают, куда их распределить. Так будет вернее» (Аня Бубнова).

«Мне не нравится, что работаем всего один день в неделю, а хочется почаще. Мне нравится, что есть где прило-

жить свой труд, как-то внедрить себя, что можно что-то заработать на личные расходы, а не просить в 15 лет у мамы: «Дай на мороженое!..» А зарплату потрачу так: куплю три гвоздики (маме и сестре) и еще торт (очень вкусненький). Ведь это первая зарплата, и ее надо чем-то отметить» (Максим Буров).

Во всех ответах было: работа нам нужна. А нужны ли они, подростки, работе? Разве можно им, четырнадцатилетним, доверять настоящую электронику? Наверняка ведь деталь за деталью летит в брак! Да, летят. В первые две, от силы три недели сентября, когда приходят новички, ничего не умеющие. А сейчас, в середине учебного года, ребята сдают с первого предъявления 99,5 процента изделий. Галина Леонидовна Журавлева, Любовь Павловна Кудряцева и другие технологи, которые раньше трудились на «взрослом» заводе, в один голос сказали:

— Школьники работают лучше взрослых. Почему? Во-первых, основную долю премии им платят в отличие от настоящих рабочих за качество. Во-вторых, оценки в дневник мы ставим опять-таки за качество, а не за «вал». И они, в-третьих, куда старательнее — они уважают работу.

Всем хорош завод. И все-таки: что такое для старшеклассников, две трети из которых ростом выше своих мастеров, работать три-четыре часа в неделю? Мизер! Им бы в день три-четыре часа. И почти все старшеклассники, с которыми я говорил, хотят этого!

В подтверждение — ажиотаж, который случился вокруг завода в летние каникулы, тогда школьников брали на месяц, и зарабатывали они по восемьдесят — сто рублей. Директора тогда останавливали на улице родители: «Возьмите моего оболтуса!». Школьники скромно, но настойчиво отирались у кабинета. Звонили из райкома комсомола. Милиционеры приводили за руку «трудных»... Конкурс был, правда, поменьше, чем в Институте кинематографии — всего три человека на место, — однако же больше, чем в ином техническом вузе... Три человека на место — конкурс на завод?! Где еще в стране увидишь подобное?

Почему не берут на работу всех желающих? Завод, увы, не резиновый. Рабочих мест всего 75. А охватить трудовым обучением надо как минимум 600 школьников. Вот и приходится ограничивать ребят четырьмя часами в неделю... Эх, когда б в Зеленограде было пять, а то и десять таких заводов!

Однако попробуем разобраться: а нужен ли вообще грандиозный охват? Что, все работающие на школьном заводе станут радиоэлектронщиками? Да нет, конечно... Согласно союзной статистике, только один из семи выпускников идет работать по специальности, которую он приобрел в школе, и только один из двадцати подтверждает полученный во время учебы разряд. Ну, положим даже, что радиоэлектронщиками станут не тридцать зеленоградских выпускников, а, скажем, все сто. Но главное ли для школьного завода — обучить профессии? Наверное, важнее научить трудиться, и отвечать за дело, и зарабатывать деньги, и помогать товарищам...

И все-таки директор завода Алексей Иванович Калинин с азартом говорил мне о преимуществах школьного завода (а позже примерно то же самое, но с научно-педагогических позиций повторила кандидат педнаук Валентина Алексеевна Кальней, сотрудник Института трудового обучения и профориентации АПН СССР):

— Вот приходит школьник на практику на настоящий завод. Он там новичок, мальчишка. Он теряется среди взрослых. И поэтому что у него за работа? Пойди, подай, принеси... А на школьном заводе все новички, все на равных. Значит, отличная возможность организовать самоуправление. Старшеклассник может стать не только рабочим, но и бригадиром, начальником участка, главным специалистом, даже директором, как, например, это принято на школьном заводе при объединении «Ожужбассуголь». Помимо «школы менеджеров», это прямая финансовая выгода: можно держать минимум взрослого персонала. Правда, в Зеленограде директором ученика не поставишь, опять же потому, что школьник приходит сюда лишь раз в неделю. Но здесь уже выбрали из ребят бригадиров, помощников мастеров...

И самое главное. Школьный завод дает прибыль в отличие от УПК, подавляющее большинство которых убыточны. А когда базовые предприятия переходят на хозрасчет, это ой как немаловажно! Сейчас УПК переживают настоящий кризис. Базовые предприятия, которым раньше было почти все равно, сколько там их работников организуют труд школьников, теперь, начав считать деньги, отзывают с учебных комбинатов своих мастеров. (Об этом мне с горечью, тревогой и растерянностью говорил там же, в Зеленограде, директор УПК Юрий Иванович Семенов. Как, озабочен он, его УПК и сотням других теперь работать?)

Убыточность УПК и прибыльность школьных заводов приводят к тому, что директора базовых предприятий относятся к ним совершенно по-разному. Учебным комбинатам дают оборудование, которое попримитивней да поплотнее. А директор Калинин как о деле решенном говорил мне, что в нынешнем

году школьный завод переедет в новое, куда более просторное здание. Что станет он выпускать едва ли не в два раза больше электронных игр. Что откроется школьный кооператив ремонтников. Что появятся на заводе и АСУ, и роботы... Для УПК вещь невиданная!

...Когда уходил с завода, остановился на крыльце поговорить с ребятами. Спросил:

— Как ваши друзья из других школ относятся к тому, что вы здесь работаете?

Пожали плечами. Потом в один голос сказали:

— Завидуют...

ПУСТЫНЯ БЕЗДЕЛЯ

Давайте задумаемся: один человек завидует другому. И чему? Джинсам? Магнитофону? Личной библиотеке? Нет. Простому, обыденному и далеко не всегда приятному — тому, что тот работает. И это у нас? Где каждая пара рук на счету?

Нет, не от сытости и недостатка родилось утверждение: ПОДРОСТОК НЕ ДОЛЖЕН РАБОТАТЬ. Она от нехватки, горя и нечеловеческого напряжения. И выносил эту идею, верно, парнишка, который, подставив под ноги ящик изпод снарядов, работал у станка, а после 12-часовой смены валился на телегрейки в голодный полуобмороке-полуспне. И выходила эту идею девочонка, которая впрягалась вместе с матерью в плуг и тащила окаянный по полю, натываясь на стреляные гильзы и каски...

Но вот выросли хлебнувшие войны мальчишки и девочки, и они не хотели, чтобы дети повторяли их судьбу. А это означало: учишься, сынок, развлекайся, дочка, нарабатывай еще успеешь.

Вот и следующее поколение — дети детей войны, — выросшее в сытости, относительно достатке — и увы! — безделье, вступило сейчас в активную жизнь. И они — мы! — стали понимать, чем аукается бездельное детство: долги и порой бесплодными поисками себя, тридцатилетними ленивцами и недорослями, все тянущими и тянущими родительские денежки...

А вот теперь уже у этого поколения появились дети, внуки детей войны, и они пошли или скоро пойдут в школу, и мы тоже не хотим для них повторения своей судьбы. Не хотим бездельности подростков и их опеки. И уже считаем: пусть школьники работают, нет, не на пределе, не до кровавых мозолей, но не болтаются без дела, приносят пользу, узнают, почем он, рубль. Уже качнулось, похоже, мнение большинства, за исключением немногих ортодоксов, все твердящих, что учеба и есть труд, в другую сторону; и мы выстрадали понимание мысли Маркса: «При разумном общественном строе каждый ребенок с 9-летнего возраста должен стать производительным работником... Он должен работать...»

Должен... Но вот может ли? И почему у нас так мало — по данным Академии педнаук, не больше двадцати — школьных заводов? И почему зеленоградским мальчишкам завидуют сверстники?

С этими вопросами я отправился в Минпрос СССР, в управление трудовой и профессиональной подготовки учащихся.

Начальник управления Юрий Петрович Аверичев и его заместитель Геннадий Григорьевич Богомолов сперва пояснили мне, что, собственно, то, что существует в Зеленограде, не есть школьный завод и называть его так неправильно. Это, вразумили меня, цех базового предприятия, в котором трудятся школьники. В крайнем случае его можно назвать филиалом «взрослого» завода. После того как была внесена терминологическая ясность, я спросил: «Почему же так мало в стране школьных заво... простите, школьных

цехов?» И мне ответили вопросом на вопрос: «А что, по-вашему, их организацией должна заниматься школа?.. Значит, на директора учебного заведения, и без того занятого справками, краской, шифером и отчетами так, что порой некогда об учебно-воспитательном процессе подумать, надо повесить еще снабжение, сбыт, дисциплину, хозрасчет, соревнование и уйму других вещей, от которых у начальников «взрослых» цехов голова кругом идет? Разве так надо?» — «Наверное, не так», — сказал я совершенно искренне. А потом в конце разговора мне привели статистические данные. Оказывается, 97 процентов старшеклассников в течение учебного года постоянно работают. Два миллиона — на учебно-производственных комбинатах, миллион — в цехах заводов и фабрик, остальные — в школьных мастерских. Это впечатляло. Уходя из министерства, подумал: может, и вправду в трудоустройстве подростков никаких проблем?

Чтобы разрешить сомнения, обратился к учащимся школы юного журналиста при факультете журналистики МГУ. По моей просьбе они написали репортажи на тему «Я и работа». Для публикации выбрал отнюдь не самые критические, но типичные.

«Мы собрались всем классом съездить на каникулы в Ленинград. Где взять деньги? Заработать! Две наши девочки пошли устраиваться. Говорили: согласны на любую работу. Обошли у нас в Зеленограде три магазина, все почтовые отделения, два дсада... Нигде нас не взяли. Так и сорвалась поездка» (Настя Солодихина, девятиклассница 842-й школы).

«...Вошла классная руководительница Елена Ивановна, объявила: «Итак, кто чем будет заниматься в УПК. Кулькова — санитарка. Бокарев — оператор ЭВМ. Сверчков — слесарь...» Когда она дочитала, поднялся страшный шум: «Я не хочу в больницу, я хочу машинисткой!.. На операторов ЭВМ хотим!..» Елена Ивановна развела руками: «Ничего не получится. Списки уже составлены».

Кому это нужно — учить нелюбимой профессии? Пустая трата времени и денег...» (Таня Морозова, девятиклассница 230-й школы).

«Нам повезло. Молодой учитель истории Сергей Валерьевич Малахов взялся за наше трудоустройство. И хотя он член бюро Киевского райкома комсомола, ему пришлось нелегко. На фабрике «Большевик» и в гастрономе «Новоарбатский» ему отказали, хотя и нуждались в рабочих руках. Наконец Сергей Валерьевич устроил желающих в поликлинику. Работают четырнадцать человек. Сортируют карточки, убирают в кабинетах. Трудятся по шесть — двенадцать часов в неделю. Получают по пятьдесят рублей в месяц.

Аппетит приходит во время еды. Возникла идея: а что, если всему классу взять, скажем, участок одного дворника? Так можно было бы подражаться на любую работу. Но... не положено! Инструкция...

И еще. На работу берут только тех, кто в девятом или десятом. Хотя непонятно, почему в пятнадцать мыть лестницы уже можно, а в четырнадцать еще нельзя» (Сергей Скатерщиков, девятиклассник 91-й школы).

Будущие журналисты, кроме того, опросили пятьдесят восемь старшеклассников из тридцати семи школ Москвы и области. Выяснилось, что удовлетворены своей трудовой практикой только девять. Двое из них работают на зеленоградском школьном заводе...

А вот мне, когда я был школьником, повезло. Нас, четверых друзей-девятиклассников, взяли в студенческий стройотряд Московского энергетического института. Теперь, вспоминая те летние месяцы, понимаю, как много они мне дали. Нет, я не стал мало-мальски пристойным каменщиком, бетонщиком или плотником — хотя за-

бить гвоздь с тех пор не проблема. Но была настоящая работа — не игрушечная, как в школе, когда мы делали, а после выбрасывали в мусор гайки. Впервые понял я тогда цену денег: цена им, оказалось, преодоление себя и пот. Помню до сих пор трепет, с которым получал первую в жизни зарплату. И гордость, когда покупал на свои кровные магнитофон IV класса «Дайна». Еще я понял тогда, что могу, черт возьми, быть полезен чем-то. Мы бетонировали теплицы и на свежем бетоне оставляли автографы (сейчас их уже пожалуй, смыло дождями — но теплицы-то, верно, стоят). Еще мы усвоили, что когда трудно, не стоит хныкать, а желательно шутить. Что человек ценится главным образом не по изыскаемому разговору, а по работе и по тому, готов ли он помочь товарищу... А однокурсники, с которыми мы были в отряде — до сих пор самые близкие мои друзья. И в конце концов первые в жизни репортажи я написал тогда — в отрядную стенгазету...

Почему же так тяжело школьникам работать по-настоящему? Наверное, одно из объяснений: до этого никому нет дела — ни, как мы увидели, Министерству просвещения, ни учителям, ни директорам школ, ни руководителям предприятий.

Допустим, даже и захотели последние организовать школьный завод, или ученическую бригаду, или просто взять на работу подростка. И что же? В-первых, явно устаревшая инструкция не позволяет принимать человека моложе шестнадцати (в исключительных случаях пятнадцати) лет. Во-вторых, школьник не на всяком месте сможет трудиться — значит, готовь ему что-то специально. В-третьих, опаска: а вдруг с подростком что-то случится? В-четвертых, для того, чтобы создать, скажем, школьный цех, нужны вложения, деньги. У многих предприятий их просто нет. А многие другие сомневаются: а окупят ли подростки затраты?

Однако попытки выхода из тупика есть. В ЦК ВЛКСМ сейчас заканчивается разработка документов по трудоустройству школьников. Среди них — положение о школьных заводах. Центральный его пункт — норматив отчислений с прибыли школьного завода намного ниже по сравнению с нормативом базового предприятия, которое его организует. Создает заводы для подростков станет выгодным!

Кроме того, появится положение о центрах общественно полезного труда и комсомольского призыва (они будут хозрасчетными организациями при обкомах, райкомах и горкомах комсомола). Туда сможет обратиться любой школьник, студент, трудовой отряд старшеклассников, студотряд с просьбой устроить на работу; в свою очередь, центр будет собирать и удовлетворять заявки предприятий на рабочую силу.

Предполагается также снизить — до 13 лет — «возрастной ценз» при приеме на временную работу по многим специальностям.

Есть надежда, что эти и другие документы будут приняты уже в первом полугодии 1988 года.

А что потом? Разве мало раньше появлялось прекрасных решений, которые так и оставались на бумаге? Вот и эти, станут ли они работать? Или осядут в архивах? Чтобы этого не произошло, требуется помощь комитетов комсомола — заводских, школьных, райкомов и горкомов. Давайте поможем подросткам обрести работу! Вполне комсомольское, нужное дело.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Мы лишь очертили проблемы, связанные с трудоустройством и профессиональной подготовкой школьников. Разговор этот собираемся продолжить. Естественно, с вашей, дорогие читатели, помощью. Ждем писем.

Фото Игоря ГАВРИЛОВА

Михаил БЫКОВ,
специальный
корреспондент
«Смены»

«Очень прошу вас, помогите! Два года назад со мной случилась беда — потеряла возможность двигаться, и я уже привыкла к мысли, что с тех пор навсегда прикована к постели. Кто-то из великих людей сказал, что если бы он лишился рук и ног и мог бы только смотреть на солнце, то и тогда бы радовался жизни. Эти слова раньше поддерживали меня в минуты отчаяния. А недавно я узнала, что где-то во Владимире делают хорошие инвалидные коляски, только достать их очень трудно. Умоляю, подскажите, как это сделать. Мне только двадцать три года, я очень люблю жизнь и не хочу быть обузой родным и друзьям, не хочу хоронить себя заживо». Н. Кузнецова, Красноярский край.

«Не откажите, пожалуйста. Недавно в наш дом пришло страшное горе. Мой муж попал в автомобильную катастрофу и лишился обеих ног. Здоровья ему, конечно, уже ничто не вернет. Но я узнала, что во владимирском объединении «Автоприбор» делают очень хорошие коляски для инвалидов. Попыталась купить, но мне сказали, что сейчас это невозможно, нужно ждать, потому что хорошие инвалидные коляски — это дефицит. Я понимаю, что не всегда хватает у нас очень красивых, модных вещей, так называемых дефицитных, но без них-то можно прожить. Но как же может быть дефицитом инвалидная коляска, так необходимая людям и без того много перенесшим?! Пожалуйста, помогите купить ее. Прошу от своего имени и от имени детей — их у нас двое. Мужу решила пока не говорить, чтобы не расстраивать зря, но верю, что можете». Семья Коваленко, Донецкая область.

Дефицит, о котором идет речь в письмах, редко выпячивается на всеобщее обозрение. Тем, кто пытается его достать, не до соображений престижности. Встретишь выходящую из аптеки женщину, заметишь мимоходом слезинку на щеке и пойдешь дальше. Здоровому человеку этот ассоциативный ряд не осилить: ну плачет, ну аптека, ну мало ли что... А для многих, особенно пожилых людей, подобная цепочка состоит из намертво спаянных звеньев. И холодное слово «дефицит» становится синонимом слову «горе».

Откройте наугад любой номер «Рекламного приложения» к газете «Вечерняя Москва» и просмотрите колонку под рубрикой «Куплю». Редкий случай, если не попадет на глаза объявление о желании приобрести инвалидную коляску. Этот единственно действенный на сегодня «медикамент» для потерявших возможность самостоятельно передвигаться — товар повышенного спроса. В общей массе населения люди с нарушениями опорно-двигательного аппарата как бы и не замечаются. Тем более что на улицах, в общественных местах они появляют-

УНИЖЕНИЕ ПО ПЛАНУ

ся крайне редко. Но в масштабах страны каждый год не менее полумиллиона человек теряют трудоспособность, становятся инвалидами.

«Вы видели когда-нибудь инвалидные коляски, которые предлагают в продаже магазины «Медтехники»? С их управлением, пожалуй, не всякий здоровый человек справится. Как не совестно заводам-изготовителям из года в год поставлять в магазины товар такого качества! Неужели в стране некому заняться введением прогрессивной технологии изготовления изделий, спрос на которые сегодня в тысячи раз опережает предложение? Или вместо того, чтобы попытаться хоть в какой-то степени облегчить жизнь несчастным людям, их будут продолжать обрывать на новые страдания? Что может выглядеть кощунственней, чем очередь за заводом негодными инвалидными колясками». Н. Зубков, Москва.

Казалось бы, не такая это гигантская проблема — обеспечить рынок несколькими десятками тысяч колясок. Но и в этом вопросе, колуарность постановки которого так легко объяснить соображениями морально-этическими, чиновники умудрились создать массу препятствий для быстрее его разрешения.

Механические коляски для инвалидов выпускают несколько заводов. Продукция Львова, Куйбышева не выдерживает никакой критики. Только Ставропольский завод автотракторного оборудования — филиал владимирского производственного объединения «Автоприбор» налаживает выпуск колясок на современном уровне. О том, как это удалось, несколько позже. Важно, что качество ставропольских колясок удовлетворяет потребителя. Но потребителя не удовлетворяет ничтожный объем их выпуска. Тут-то и проявился в полной мере долгий довлеющий над производством ведомственный бюрократизм.

...Сразу после войны, в 1946 году, ожил на берегу небольшой владимирской речушки Колокши полузаброшенный поселок Ставрово. В помещениях, принадлежавших некогда купцу-фабриканту Белову, закипели восстановительные работы, и спустя считанные месяцы появился на экономическую карту страны еще один завод — Ставропольский АТО. Пошла по стране нехитрая на первый взгляд, но нужная продукция: масляные шприцы, вело- и автотасосы. Вряд ли кто, накачивая футбольный мяч, интересовался заводским клеймом на насосном корпусе. Завод делал свое дело и на известность не претендовал. Не претендует он и сейчас. Она пришла к нему сама, независимо от чьей-то воли.

В феврале 1984 года, реконструировав несколько цехов, АТО приступил к производству инвалидных кресел-колясок. Первая партия в количестве 10 штук была выпущена к 40-летию Победы. Годом позже мощности завода позволили сделать уже 5 тысяч колясок. И вместе с увеличением мощностей стал расти поток писем со всех концов страны.

— Эти письма нельзя читать спойкойно, — сказал секретарь комитета комсомола завода Виталий Черников, передавая мне пачку свежих конвертов. — Разные люди пишут, из разных городов, а просьба у них, в сущности, одна: пришлите, продайте, подарите! И вопрос один: почему так мало делаем колясок? В 1987 году мы выпустили по плану 15 тысяч штук, а их все равно не хватает...

Что-то в этой фразе комсомольского лидера резануло слух. И постепенно в ходе бесед с директором АТО Владимиром Алексеевичем Чернодаровым, секретарем парткома Петром Петровичем Васильковым, во Владимирском обком ВЛКСМ, на головном предприятии это «что-то» отряхнулось от простых человеческих слов и тяжело веесно выдвинулось на передние рубежи. Его величество План!

Никак не вязалось это понятие с чередой человеческих несчастий, с тысячами изломанных судеб, с измученными душами больных, обнадужен-

ных слухами о чудо-колясках и отвергнутых всеильным планом. И тем не менее...

— Завод уже сейчас может выпустить 25 тысяч колясок в год, — без тени сомнения утверждает его директор, — а план 1987 года нам увеличили только на две с лишним тысячи. Итого 17 407 штук. Ощутимая разница?

Владимир Алексеевич не стал ждать ответа:

— Перевыполнить план мы тоже не в состоянии, как бы ни хотели. Коляска в основном делается из наших же деталей. Однако есть несколько комплектующих, в частности резиновые шины, на которые строжайший лимит.

Нетрудно понять, что завод в увеличении плана заинтересован и к этому готов. Значит, мешает что-то на стороне. Вычислить оказалось нетрудно. Производитель — «за», потребитель — «за». Остается заказчик.

— Как и другие предприятия, план мы получаем из Госплана СССР, — пояснили мне в плановом отделе головного завода «Автоприбор». — Разрядка на коляски составляется в Минмедтехнике СССР и основывается на суммировании заявок, поступивших из облсобесов. Вот и выходит, что искусственно занижают план в отдельных отделах социального обеспечения. Почему это происходит, мы понять не можем.

Ясно, что плановому отделу объединения не до скрупулезного анализа действий организаций Министерства социального обеспечения. Поэтому попробуем поразмышлять самостоятельно.

Может, облсобесы составляют заявки, но располагают исчерпывающей информацией? Но это как-то не вяжется с функциями этих учреждений. Если на местах не знают точно, сколько людей нуждается в инвалидных колясках, вывод один — недобросовестное отношение к своим обязательствам. Даже в том случае, когда человеку нелегко обращаться за помощью, работники собесов, по-моему, сами должны проявлять инициативу.

Возможен и другой вариант: урезанные заявки — следствие финансовых трудностей. Оптовая цена коляски — свыше 400 рублей. Оплачиваются они из фондов социального обеспечения. А выдаются инвалидам бесплатно. Так что сумма набегает солидная. Но почему тогда не реализовать разумную идею, предложенную самими заводчанами? А именно: разрешить АТО сверхплановый выпуск, повысить лимит на комплектующие детали, и продажу колясок через магазины «Медтехника» в розницу за наличные деньги. Причем оптовая цена на коляску практически равна розничной. Государство при такой системе ничего не теряет.

Вот, казалось бы, отличный повод проявить гибкость в решении экономических задач, о которой так много говорится в последние годы! Но «бумаги давно ушли «наверх» и легли на столы руководителей Министерства социального обеспечения РСФСР, а решения до сих пор не видать. Предложение «заморозили».

При желании в пользу «замораживания» можно привести такой аргумент: в магазинах «Медтехника» стоят кресла-коляски для инвалидов производства других заводов. Раскупают их неохотно. Но ведь приобретать их не хотят не потому, что не нужны, а потому, что плохие. В отличие от ставропольских.

Пожалуй, самое время рассказать, почему продукция Ставропольского АТО пользуется таким спросом.

Многие годы приоритет в производстве колясок на мировом рынке сохраняет за собой западногерманская фирма «Майра». И когда зашел разговор о перевооружении цехов АТО техникой для выпуска новых изделий, в Ставроле решили «не изобретать велосипед». У фирмы «Майра» были запатентованы две модели колясок с ручным приводом. Руководители завода и владельцы компании заключили контракт на поставки из ФРГ производственных линий и станков. В декабре 1984-го прибыли первые партии оборудования, и немец-

кие специалисты совместно с заводчанами приступили к его монтажу. Как уже говорилось, меньше года понадобилось для выпуска первых колясок.

— Деловой контакт с «Майрой» дал огромный толчок развитию завода, — рассказывает В. А. Чернодаров, — гарантировал высокое качество изделий. Судите сами: за все время мы не получили ни одной рекламации или жалобы. В определенной степени этому способствовало и то, что контроль за качеством на первом этапе осуществляли представители фирмы. В чем, в чем, а в отсутствии заводского патриотизма сотрудников «Майры» не упрекнешь. С их же помощью в 1986 году мы начали подготовку к производству новой модели — кресла-коляски с электроприводом. Опытная партия закончена в 87-м. Испытания пройдут в Крыму, в специальном санатории для людей с недостатками в опорно-двигательном аппарате. В сущности, создан микроэлектромобиль. Внешне он мало чем отличается от механических колясок. Управление осуществляется просто: через компактный электронный блок. Запас хода электроколяски — 50 километров, скорость — до 18...

Ставропольский завод работает так, что не возникает сомнений: качественно электроколяска не уступит обычной механической. Но директора беспокоит другое. Стоит запустить ее в серию, и сразу же возникнет проблема с эксплуатацией. Коляска предназначена в основном для езды по улицам. Но как быть, если на наших дорогах место находится только автомобилям? На этот вопрос стоит, наверное, обратить внимание в ГАИ.

Однако разговор о завтрашних проблемах пока оставим — сегодняшние еще не решены.

— Отказать людям, пишущим письма на завод, — секретарь комитета ВЛКСМ Виталий Черников с заметным трудом подбирает слова, — то же самое, что обидеть ребенка. Рабочие понимают, что производственные отношения в нашей ситуации уступают место человеческим. И стараются использовать малейшую возможность помочь. Из сэкономленных материалов делаем несколько колясок и с невероятными сложностями (оформлять их приходится дифференцированно) отправляем самым нуждающимся. Недавно секретарь комитета ВЛКСМ голвного предприятия — «Автоприбора» — сам ездил в Одессу, отвезил коляску бывшему летчику Андрею Шишкину, потерявшему после аварии обе ноги. Как обрадовал Андрея подарок заводчан, видно из его ответного письма, полного теплых, дружеских слов. Неподдалеку от Ставрола расположен дом-интернат, где живут дети с нарушениями опорно-двигательного аппарата. Комсомольцы завода не раз принимали участие в субботниках, на которых собирали внеплановые коляски для подшефных детей. Но это, как вы понимаете, капля в море. Большого сделать мы не в силах. Проблему надо решать принципиально.

О том, как выйти из создавшегося положения, уже говорилось. Но есть и другой, не менее важный вопрос: ко-

гда с дефицитом кресел-колясок для инвалидов будет покончено? 1988 год переломным не станет, это уже ясно. При планировании исходили из «бумажных» выкладок работников отделов социального обеспечения, а не из реального положения дел. И в результате около восьми тысяч человек так и останутся прикованными к постели по крайней мере еще на год. По крайней мере...

— Если бы не дружеская помощь комсомольцев завода, — сказал Андрей Шишкин, с которым мы связались по телефону, — не видать мне было бы коляски лет десять. У нас в Одессе на их получение огромная очередь. Испытываю какую-то неловкость, что неожиданно оказался в привилегированном положении...

Вот даже как! Человеку, потерявшему ноги, но продолжающему работать (Андрей издал уже несколько книг), не по себе при мысли о том, что он находится в лучших условиях по сравнению с другими больными. В последнее время очень расхожим стало понятие «престиж». Нелегко некоторым нашим согражданам мириться с тем, что у соседа или сослуживца «шмотки» пофирменной и аппаратура помощнее. Потребителям продукции Ставропольского АТО не до престижа. Из-за равнодушия и халатности некоторых здоровых они, неизлечимо больные, лишены элементарных жизненно необходимых «лекарств». И ведь не редких препаратов или приспособлений, производимых только за границей и покупаемых только на валюту. У себя же в доме не можем разобраться в задачке на уровне школьной арифметики.

Собираясь в командировку, долго думал над тем, как писать о теме, главное место в которой занимают люди, лишённые радости владеть своим телом. О болезнях с социальным подтекстом мы говорим научились. Но алколизм, наркомания, СПИД — «приобретения», за которые можно винить только самого себя. А как сказать о людях, не виноватых в своем горе? Среди потерявших способность двигаться большинство — жертвы несчастных случаев, ветераны войны, представители профессий, сопряженных с опасностями и риском. Есть среди них воины-интернационалисты, прошедшие суровую школу Афганистана. Одним словом, люди, честно выполнявшие свой долг.

Значит, и писать об их сегодняшних трудностях нужно честно, не пряча за паутиной замысловатых фраз суть. А она, суть, проста: помочь инвалидам почувствовать себя полезно и интересно живущими можно только конкретной и оперативной заботой.

...Прощаясь с директором Ставропольского АТО Чернодаровым, мы, как и положено, обменялись бодрими заверениями и пожеланиями успехов в работе. Уже в дверях директорского кабинета Владимир Алексеевич вдруг оставил меня и по-житейски добавил:

— Надо что-то делать... За пять минут до вашего прихода секретарша опять принесла письмо. На этот раз из Казахстана, из города Светловодска...

ОТ РЕДАКЦИИ

Председателю Госплана СССР тов. Талызину Н. В.

Уважаемый Николай Владимирович!

Мы понимаем, что несколько десятков тысяч инвалидов колясок — проблема не столь глобального масштаба, какими занимается Госплан страны. Возможно, что и наш корреспондент проанализировал не все причины, из-за которых происходят описанные задержки и несогласования. Но речь идет о больных людях, страдания которых мы в силах облегчить, о людях, которым мы можем вернуть веру в себя. Такие проблемы не бывают локальными.

Если сейчас же, немедленно не помочь инвалидам, то в ближайшем будущем нехватка насущно необходимого им транспорта примет еще более угрожающие размеры. И потому мы обращаемся лично к Вам, Николай Владимирович. Помогите. Инвалиды больше не могут ждать.

что был абсолютно уверен в своей правоте. А потом, потеряв интерес к «бурде» в своей чашке, стал выжидать, когда Жена отвлеклась бы (не на глазах же у нее это делать!), чтобы самому взглянуть на злополучную башню, грубо отодвинувшую от семьи возможность мирного сосуществования. «Проклятая башня!» — думал он, боковым зрением уцепившись за позеленевший от времени циферблат.

Жена и не думала отступать.

«Что же ты молчишь, а-а?» — повторила она с нарастающим раздражением.

Он промолчал и на этот раз, хотя ехидное «А?» будто когтями вцепилось в его голову. Он мог бы заговорить, сказать что-нибудь, отшутиться, наконец, — ведь говорил же он всякую всячину в те недавние счастливые времена их совместной жизни, ведь говорил же. Откуда в нем эта густая неповоротливая смесь желаний: с одной стороны, все вернуть, возвратиться к счастливому беззаботному времени, дыхания которого еще ощутимо за спиной; с другой — это настырное, вроде бы ничем не оправданное сопротивление этому же желанию, которое не преодолеть, не перешагнуть.

А ведь могло быть все совсем по-другому...

И он стал представлять себе, как оно могло быть в их семье. И представил, и порадовался, и улыбнулся — прятая улыбку от той, о которой только что думал.

...Додумывал он уже в одиночестве. Жена и Дочь ушли, громко закрыв за собой дверь. Он подбежал к окну, уставился на зазеленевший от времени циферблат. «Ерунда какая-то», — раздалось в пустой комнате.

2

На улице среди людей горб исчезал. И когда Якоб проходил мимо какой-нибудь витрины и поглядывал на свое отражение, он не видел его.

Но сегодня ему некогда задерживаться у витрин — перед глазами у него была заплесневелый циферблат проклятой башни, из-за которого трещина в его отношении с Женой сделалась еще глубже.

У него не было часов — он только копил на них, но если бы они у него были, он, как и все, в то злополучное утро перевел бы стрелки. И все, и не было бы этой дурацкой ссоры. Ведь сделали же так многие в городе, и ничего.

Но у Якоба не было часов. Он сам чувствовал время. И в этом все дело. Не мог же он перевести себя самого, какая бы башня того ни потребовала.

В следующий момент ему захотелось предостеречь людей от слишком явной, как ему казалось, ошибки. — Послушайте, — обратился он к молодому человеку, смешно задравшему голову и вглядывавшемуся в часы на злополучной башне, — что вы собираетесь делать в следующую минуту?

Молодой человек недоуменно взглянул на Якоба и безо всякого взялся переводить стрелки наручных часов.

— Подождите, — попытался остановить его Якоб, — не делайте этого. Это ошибка. Разве вы не видите? Часы сломались или испортились, я точно не знаю, но время они показывают неправильно — я в этом абсолютно уверен, потому что я чувствую время и ни разу еще не ошибался.

Человек отдернул руку, словно прикосновение к ней Якоба сопровождалось электрическим разрядом. Якоб взял его за локоть.

— Я вас прошу, — как-то жалобно вышло у него, — это ведь в ваших собственных интересах, вот вам моя визитка, — закопался в карманах, — вот, и будьте уверены, к вечеру все выяснится, позвоните мне и скажите, что я был прав. Просто время на башне сбилось, произошла какая-то поломка...

— Да отстанешь ты от меня или нет, ненормальный какой-то! — Молодой человек отдернул локоть.

— Но ведь... — словно споткнулся обо что-то смущенный Якоб.

— А то ведь и схлопочешь! — И тот пригрозил ему кулаком.

— Но вы не должны этого делать, — продолжал сконфуженный Якоб, подходя вплотную к молодому человеку, — вы не...

Шляпа слетела с его головы и, покотившись на ребре по кругу, упала в грязь.

«Да где же это блюстители порядка? Куда запропастились?» — бросилось Якобу в голову. Но только откуда было ему знать, что все до единого стражи порядка в городе были срочным порядком «брошены» на охрану башни — таких, как Якоб, чувствующих время, оказалось довольно много. А в этом городе, как, впрочем, и во всяком другом, побаивались «последствий».

— Ну что, добавить? — спокойно спросил его молодой человек, занеся кулак над непокрытой головой Якоба для нового удара.

— Нет, не надо, — ответил ему ничуть не испугавшийся Якоб и решил: пусть тот идет на все четыре стороны.

— А! То-то, смотри, в следующий раз будь осторожнее.

— Ну, беги, беги. Что же ты стоишь? — обратился к нему Якоб. — Ты по новому-то времени опаздываешь.

— И пойду, — буркнул тот. — Не твоего ума дело. Якоб поспешил домой: надо было сменить шляпу, не ходить же по городу сбитым с толку неправильным временем да еще и без шляпы — пусть хоть что-нибудь в этот злополучный день останется на своем месте. Отворяя калитку, он услышал голос соседа:

— Ты не слышал, в честь чего это сегодня все как с ума похосидили...

— Да часы на башне сломались, вот и... — начал было объяснять Якоб.

— Не может этого быть, — даже испугался сосед. — Ты что такое делаешь? И почему у тебя синяк под глазом и не покрыта голова? Да ты, братец, я вижу, того. Вот и мерещится тебе черт знает что, а? Прав я или нет? — И он весело подмигнул ему.

Якоб не стал спорить.

Сосед пожал плечами, усмехнулся.

— Вроде бы за ним такого раньше не замечалось, — проговорил уже сам себе. И пошел, поглядывая то и дело на собственные часы и пожимая плечами (такая у него была привычка — пожимать плечами по любому поводу).

Из зеркала на Якоба глядела чужая, словно раскрашенная в фиолетовый цвет физиономия. Он даже испугался. Но все-таки это был он. Ничего не оставалось делать: время хоть и было сбито с толку, но работа оставалась работой и к ней надо было поспешить во избежание еще больших неприятностей.

Он намочил полотенце, приложил его к лицу, на заметную ссадину прилепил крест-накрест пластырь. «Пусть думают, что я боксер». И, хотя он и недолюбливал новую шляпу, которую достал из коробки, с сожалением посмотрел на измятую, перепачканную грязью старую — любимую, — надел новую и вышел из дому.

3

Товарищи по работе не поняли его. Те самые товарищи, с которыми столько ежено по командировкам, где в тиши гостиц особенно спланивается дружба и цементируются отношения, эти самые товарищи по работе, с которыми пито-перепито на днях рождения, на свадьбах, на торжествах и без них, наконец, на поминках, как это ни парадоксально, те самые товарищи, с которыми действительно съеден пуд (а может, и того больше) самой настоящей соли — и это уже съедено, а сколько еще предстоит — жизнь, ведь она всегда только начинается. Не-е-ет, товарищи, которые поддерживали его в трудные минуты его непростой, как, впрочем, и у каждого из нас, жизни, которых и он сам поддерживал, когда случалась такая необходимость, люди, которые давным-давно, казалось — да что там казалось, — стали для него почти родственниками, и он в силу этого хорошо знал теперь, какими словами продолжить извечное «человек человеку...», потому что в нем не было все это время и тени сомнения на этот самый счет, — так вот эти самые люди, эти самые товарищи по работе встретили его на пороге всеми ими горячо любимого учреждения ледяными взорами, потому что он, естественно, продолжал жить по своему, данному ему от природы ощущению времени, ступил на его порог не вместе со всеми, успевшими сверить свое время по часам на старой башне и перевести стрелки своих часов.

«Уж лучше бы они меня избили, как тот оболтус на улице, чем так вот...» — не раз потом думал Якоб, стоя, как провинившийся школьник, перед собранным по такому случаю собранием, председателем которого, как показалось Якобу, слишком преждевременно заявил в своем сверхкратком вступлении, что он уже давно заметил, что Якоб с недоверием нет-нет да и поглядит в сторону городской башни. «Да, да-а-а. А ведь если каждый из нас...» — Тут он обвел присутствующих взглядом, который предполагал абсолютное взаимопонимание и единодушие и ничего другого, и потому не удостоил им самого Якоба, стоявшего перед лицом осуждавших его товарищей и портившего нервными пальцами вторую (а больше у него не было) шляпу, то смывая ее, то расправляя в неугодных руках. Говоривший больше не смотрел в сторону провинившегося Якоба, как будто простился с ним холодно и навсегда (и это после стольких лет дружбы!). До слуха Якоба доносились в различных вариантах слова его товарищей по работе, которых председательствующий призвал осудить виновного: башня, башни, башне, башней, о башне...

Странно, но все больше отчитывали Якоба казавшиеся ему столь близкими люди, которые, чтобы сильнее вышло у них, извлекали, как они это называли, «факты» из самых доверительных когда-то разговоров, интимных бесед и откровений, что в свое время произносились чуть ли не шепотом. Сейчас же они звучали громкозвучно здесь, в мраморном конференц-зале, усиленным до отталкивающей обnoxiousности каждое слово. И чем больше отчитывали они Якоба, тем больше он успокаивался внутренне, обретая, как ему казалось, сладкое и никогда до этого им не испытываемое чувство независимости, свободы. Потому что каждый из говоривших как бы отрезал возможность восстановления каких бы то ни было отношений, и, уходя из жизни, Якоб, как это ни странно, облегчал ее. Он словно снимал с себя, со своих натруженных плеч груз, лежавший на нем всю его жизнь, натрудивший и сгорбивший спину. Снимал

и снимал. Он так и воспринимал их, уже не вслушиваясь в то, что они там говорили. Он поворачивался к ним то одним боком, то другим, и ощущение освобожденности от гнета спины все больше и больше нравилось ему.

«Странно, как неожиданно приходит к нам ощущение свободы, — прикидывал он, подставляя себя новому оратору. — Ведь вот никогда бы ни подумал, что в такой день, когда...» Когда председательствующий повторил (в который раз, Якоб не знал, потому что был занят в это время своими необычайными размышлениями) и когда до слуха Якоба донеслось: «Может быть, нам взять его на поруки?» — он испугался, потому что за этими словами ему показалась возможность возвращения к прежней жизни, той, со сгорбленной спиной. Но испытывая радость распрямления от гнета, вкусивший ее прелести — уже другой человек. Он улыбнулся им открытой, широкой улыбкой, надел тут же перед всеми мятую шляпу на голову и, поиграв на невидимой дудочке, приставив растопыренные пальцы к заалевшим губам, подпрыгивая, как в детстве, выбежал из мраморного зала, оставив за собой распахнутые настежь двери, словно приглашавшие всех присутствующих здесь последовать за ним — Якобом, — освободиться так же, как он, от пут, сковывавших движения, от обязательств, от свинцовых колод условностей.

Никто из них не шелохнулся. Председательствующий закрыл за ним дверь и поспешил на свое место, чтобы ни у кого не оставалось сомнения в отношении к «случившемуся».

4

Родившееся в нем ощущение начала какой-то новой жизни увлекло его все больше и больше.

Он уже не мог жить по-старому: не обращать внимания на юных женщин (на которых он последнее время перестал смотреть; не до них было: дела) — и он теперь смотрел на них, и они отвечали ему кокетливыми улыбками, как бы благословлявшими его на новом пути к новой, только что возникшей в нем жизни; не любоваться окружающим его миром (какое ему было дело до него еще вчера, даже еще сегодняшним утром; не до него: все те же дела) — и он любовался мелькавшими за окном — а он и не замечал их до сих пор — деревьями, аккуратно остриженными кустами вдоль ровных — он раньше никогда не видел этого — улиц; собиравшихся где-то там впереди, куда они все устремлялись подобием сходившихся солнечных лучей и завязанных у самого солнца ярким галстуком; не быть беззаботным, веселым (смешно было говорить об этом еще сегодня утром) — и он, как ребенок, вытянув руку в окно, подставил ее навстречу теплоте упругому ветру, растопырив пальцы, которые воздушный поток так приятно обтекал, рассекаясь и проносясь между ними невидимыми лентами. Он радовался неизвестно чему, но ведь радовался же! И да здравствует сегодняшний день, когда на городской башне сломались (у него не было в этом никаких сомнений) старинные часы, когда он свалил со своих плеч давно мучивший его груз. Вот он сидит сейчас в движущемся по его заказу троллейбусе, едет неизвестно куда. И он снова молодой, энергичный, умный, красивый. Никто не мешает ему в этом его движении.

А потом — ну и натура! — ему стало жалко ехавших с ним пассажиров троллейбуса. Он сочувственно глядел на них. «Бедолаги. А ведь и надо-то всего — самому слышать время, — глубокомысленно рассуждал Якоб, и ему нравился ход его мыслей. — Истина не в движении каких-то заплесневевших от времени стрелок. — И он опять вспомнил про ненавистную ему башню, поморщился, но тут же продолжал думать дальше, позабыв про нее, о сговоре товарищей по работе, и тут он скривился как от горчицы... — Нет, нет и нет. Истина в истине. И сколько бы вы ни переводили стрелки своих часов по чьей-то команде — вы все равно будете заблуждаться и уходить от нее дальше и дальше. Ну и идите, и будьте мрачными и серыми, какими вы едете сейчас вместе со мной — счастливым, радостным. Потому что за мной правда. А за вами? Ну вот что за вами, например? — Якоб мысленно обратился к сидевшему напротив него старику. — Или вот вы с сумками, авоськами, пакетами да свертками, — обратился он к сидевшей рядом со стариком женщине. — Да не переведи вы этих злополучных стрелок, вам еще целый час ходить без авосек да сумок. А вы нет — вы, как все. Как же, иначе нельзя. А вот, оказывается, можно — гляньте на меня. А я ведь в одном с вами городе, я такой же, как и вы все, и вы, и вы, и даже вы, — прошелся он взглядом по пассажирам, — а ведь мое теперешнее состояние не сравнить с вашим. Да, мне можно позавидовать, а вам...»

Он перевел взгляд на группу стоявших рядом молодых людей и хотел мысленно побеседовать на эту же тему и с ними, но взгляд одного из них, очень похожего на того верзилу, который уже оставил в это утро отметину на его лице, напомнил, чем может заканчиваться подобный диалог. Он отвел глаза, отвернулся, потрогал рукой наклеенный пластырь крест на подглазье, и ему захотелось не дискутировать с ними, а поскорее выйти из мчавшегося во весь опор троллейбуса, и он стал осторожно пробираться к выходу.

У стен старой, повидавшей виды башни была выстроена охрана. Стоявшие в ней переговаривались, шутили друг с другом, нет-нет да и раздавался дружный мужской смех. Парни из охраны все как на подбор — крепкие, здоровые, молодые, краснощекие. Были тут и другие, у которых, как и у Якоба, особой приметой выделялись на лицах лейкопластырные кресты, словно кто-то их таких крестиками отметил, чтоб не спутались с остальными.

«Если бы ничего не было, — взялся рассуждать стоявший поодаль от всех Якоб (он и тех, в охране, побаивался и к этим, «крестоносцам», так он называл своих собратьев по несчастью, не решался подойти, хотя и был отмечен одним с ними знаком, — очень уж откровенно посмеивались над ними парни из охраны), — если на самом деле ничего не было, то зачем здесь эта охрана? Неспроста она тут. И потом эти, — он перевел взгляд со стрелок старинных часов на собравшихся, — бедолаги». Пожалел их Якоб, а потом зашел глубже в густую тень вековых деревьев, ясно почувствовав при этом, что он словно бы предает их. А те под откровенные насмешки дюжих охранников собрались кучкой, глядели вверх, указывая на невозмутимый циферблат (тут Якоб заметил, что у одного из них был оторван рукав и из разрыва, как из раны, вылезали наружу неестественно белые внутренности), — он еще раз посочувствовал им, но тем не менее остался в густой тени и даже сделал шаг назад, в глубь своего укрытия. «Значит, часы на самом деле сломаны, но не надо, чтобы об этом кто-то знал. Посвоему даже логично. Действительно, зачем же весь город сбивать с толку? А этих — все чувствующих — всего ничего: вон сколько... Значит, я был прав, прав».

6

Якоб не сразу узнал его. А когда узнал, бросился за ним вслед, потому что он был единственным, кто знал про все, что случилось в тот день, правду. Якоб бежал следом за сторожем старой башни. Он увидел его из своего укрытия, когда тот предьявлял охране документы. Глядевший в них молодой слепец фотографировал старого сторожа с его настоящим лицом, которое делалось при этом неподвижно-безжизненным — никаким. А когда старый сторож наконец прошел мимо них и, взглянув украдкой на старинный циферблат, на собравшихся людей, на охранников, пошел прочь, Якоб, осторожничая, скрываясь от вездесущих глаз краснощеких, поспешил следом за ним.

Сторож, не глядя на него, не поворачивая головы, сам заговорил с ним, когда они прощались, и Якоб уже собрался задать ему свой главный вопрос: «Что случилось с часами, почему они...» Но старый сторож не дал ему продолжить, перебил: «Да, вы правы, случилось, но я ничего вам не говорил... — И, не глядя на собеседника, добавил: — А теперь здравствуй, и привет вашему почтенному папаше...»

Он стал переходить мощеную улицу, так и не взглянув в его сторону.

«Ну старик. Ну молодец. Снял камень с души... Выручил. Не испугался!»

7

Старый сторож удалился, напоследок бросив в сторону Якоба едва уловимый взгляд. Поведение сторожа согрело его душу, испытанную в тот день совсем другим отношением людей, не позволило ей замкнуться в себе, думать о людях дурно. Старик растопил залегшие в сердце Якоба льдинки, которые уже намеревались заморозить его сердце, отгородить ледяной коростой от всего живого. А с другой стороны, не появились эти кусочки холода в его разгоряченном сердце, не притупили его раненую душу, все его существо, трепетное и уязвимое (впрочем, как и у всех у нас, у людей), не появились они — неизвестно, что бы с ним стало. Он уже почувствовал в тот день, как вырастает в его душе горькое на вкус, но тем не менее непреодолимое желание не замечать в людях ничего другого, кроме чинимого ими зла по отношению друг к другу. Он уже готов был потерять надежду на возвращение того отношения к миру, которое с самого его детства состояло, как бусы, нанизанные на череду прожитых им дней, из множества восторгов и радостей от соприкосновения с миром — с деревом, которое одушевлял, с животными, которых очеловечивал, с природой, в которой для него всегда билось людское трепетное сердце. Что значило бы для него разувериться во всем этом, сменить в себе на жестокое, грубое! А ведь было же в том дне для Якоба сколько угодно для этого поводов. Да и день тот еще не дотянул даже до полудня, еще продолжался, и кто знает, что там еще впереди. Он уже успел отведать отвратительный вкус недоверия к себе. Он уже не раз в этом прожитом лишь наполовину дне отдергивал протянутую по забывчивости к людям руку, отдергивал, словно касался оголенного электропровода, отдергивал, потому что в самый последний момент вспышкой в его сознании появлялось никогда им еще не испытываемое СОМНЕНИЕ в необходимости обращения к человеку, страха в ответ получить в протянутую руку камень, вымазанный чем-нибудь непотребным, услышать в ответ недостойный смех, который бьет куда больнее.

Как можно было совместить в себе эти противоположности? Ему, Якобу, возвращенному и уцелевшему среди людей на вере, надежде, любви? Но чем-то,

видно, дорог был Якоб белому свету, чем-то мил ему, и тот решил сохранить его, вот и стал обкладывать льдом отчуждения его нежное сердце, загоразивать его от людей, их недостойных обид, оскорблений. Пусть хоть такой, с оледеневшей душой, да останется жить...

Но старый сторож растопил замерзавшее сердце Якоба своей добротой, потекли по нему горячие потоки живительного умиления, вернули к жизни.

«Ах старик», — под его лукавыми со смешинками взорами, брошенными невзначай, вернулся к жизни подраненный человек.

«Ах старик», — благодаря тебе выстояла среди людей еще одна достойная душа, вернулась к нам, к людям.

«Ах старик», — не будь тебя, и еще одно сердце превратилось бы в кусок холодного, бесчувственного льда.

И Якоб воспрянул духом.

Он готов был обнимать проходивших мимо него, разъясняя каждому, что он оказался прав, что все кругом поначалу никак не хотели поверить ему, да и не все до сих пор верят, но он-то теперь знает наверняка, что он прав и что скоро они все узнают об этом, все откроется, что они были введены в заблуждение, ошиблись по своей доверчивости и добродушию... Скоро, очень скоро все откроется. А пока об этом знают только двое: удалившийся старый сторож да он, Якоб. Но ведь и это много.

И он готов был, не откладывая, здесь же, сразу рассказывать людям обо всем случившемся в это утро.

«Да мои ж вы хорошие...» — было у Якоба наготове, но его еще раз словно коснулся последний взгляд старого сторожа, приложившего палец к сомкнутым накрепко губам.

А радость распылила его, делала ребенком — он, подпрыгивая на одной ноге, словно на квадратиках извечных дворовых «классиков», пробежал мимо изумленных прохожих, а потом опять бросился в милую его сердцу толпу — она больше не пугала его. Он видел всю глубину заблуждения людей и жалел их.

8

Букетик цветов, который Якоб держал в руке, казался ему фонарем, освещавшим каждый его шаг по новой, открывшейся ему только что жизни. Он знал — как бы там ни было, — что без людей ему не прожить, и он стал искать к ним пути.

Он решил проложить новую связь с заблудшим человечеством не через чужих (хотя какие они чужие — все люди друг другу братья), а через своих — через Жену. Дочь. Пусть они станут мостиком между ним и новой жизнью, в которой ему предстоит наладиться радостью тех, кого он станет выводить из мрака заблуждения на путь истинный. Да, да. Он уже полагал, что никакое другое из отведенных ему назначений не сможет сравниться с тем, предчувствиями которого он был переполнен в эти минуты по дороге домой. Они рождали в его возбужденно-праздничном воображении реальные образы — он уже ясно видел, как повинится перед ним Жена, конечно же, не сразу, он позволит ей потянуть с этим, он все понимает. И он представлял себе, как он будет свидетелем ее колебаний, которые естественны в такой ситуации, и вполне допустимы, и даже позволительны, тем более рядом с ним — с Горбуном, который, являясь полномочным представителем Истины, тем не менее не собирается стать жестоким, карающим, как это водится. Нет, он сделан из другого теста — он, постигший сокровище от людей, не перестал их любить, не разуверился в Добре, не стал менять к ним отношения, хотя имел на это полное право — еще бы: ведь он предупреждал, он останавливал, но они отвергли его, они пытались расправиться с ним физически... Тут он нащупал рукой крестик пластыря на лице, словно удостоверился, так ли действительно складывались события сегодняшнего дня. Ему вдвойне стало радостнее оттого, что он представил на своем теперешнем месте другого человека: — Тот не стал бы вести себя, как он, Якоб. Тот бы начал с расправы над теми, кто надругался над ним, мучил его физически, подвергал унижениям, оскорблял. Да, тот поступил бы именно так. Никто другой этого бы не простил, получив столько полномочий от так внезапно открывшейся только ему Правды... И он какое-то время живо воображал себе, каким бы мог быть день отмщения. Но ведь это только могло быть так — могло! — оказаться Истина в других, не его руках. А у него будет не так, потому что он не такой, как все, потому что он беспредельно добр и, разуверившись, справедлив. Да разве он опустится бы до наказаний! Нет, конечно, он никого не станет карать. Он великодушен, щедр, потому что он познал Истину и возвысился.

«Только бы никто не переставил стрелки часов, тогда...» — Он даже остановился, внимательно посмотрел на хорошо видимую старую башню. Но все там было по-прежнему. Часы беззастенчиво продолжали врать, а люди делали вид, что ничего не замечают.

«Ну и прекрасно, — ликовав Якоб — значит, достанется кесарево».

Он уже любил себя в отпущенной ему свыше роли и ясно различал слова признательности, благодарно-

сти, которые очень скоро будут принадлежать ему.

«А достоин ли?» — пришел к нему на вершине его ликования и такой вопрос. И тогда он перебирал прожитую им жизнь, придирчиво пересматривал с высоты своего сегодняшнего положения (а оно позволяло сделать это) каждый прожитый им день. Прошли перед его глазами детские деревенские счастливые дни, пронесли школьные удачливые годы, институтские студенческие благоденственные времена, добровольный отъезд из родного города в дальнюю незнакомую сторону — так надо было, и он так сделал, — накапливавшие усталость годы работы... Нет, не было в них ничего, что могло задержать хотя бы на минуту его сегодняшнее стремительное движение к столь благородной цели: нигде он никого не подвел, где надо было быть смелым — был, честным — был, не был хитрым, не лукавил, не приспособлялся к жизни — жил. Чего ж еще! Высота, на которую возносила его правда, была для него вполне заслуженной, и он смело шел ей навстречу. Букетик, на который прохожие по-прежнему обращали внимание, он поднял над собой, над своей радостью, над счастьем. Как факел.

9

Ощущения вырастающего на спине горба, которое раньше появлялось на пороге его дома (почему он и называл сам себя Горбун), на этот раз не было. Сегодня он вошел в свой дом, не согнувшись как всегда.

В квартире никого не было. «Ах да, — вспомнил Якоб, — ведь я ушел с работы не как обычно...» Он улыбнулся, вспомнив все случившееся на собрании. Вспомнил он и то, что ушел от них навсегда. Вспомнил, и ему, и без того счастливому в этот день, стало еще лучше.

Ему хотелось пронести свою радость как можно подальше, не расплескать ее, не растратить до прихода Жены. Да, да, он обьявит ей сегодня: хватит им дуться друг на друга безо всяких причин. Довольно. Он первым протянет руку. Ему теперь ничего не стоит сделать это — он великодушен, и всемогущ, и не держит старых обид, он их готов забыть все до единой, все. Да и разобраться, какие это обиды — мелочи. Стоит ли теперь после всего этого обращать на них внимание! Давно надо было начать новую, счастливую жизнь. Хватит!

Якоб, сжимая в руке букетик ярких цветов, пододвинул на середину комнаты удобное мягкое кресло с высокой спинкой (сейчас оно напомнило ему трон), устроился в нем поудобнее: перед глазами была дверь — он увидит их сразу же, как только они войдут, и бросится к ним навстречу, и пусть порог их дома станет порогом новой для них, счастливой жизни.

...Неестественно крепко для спящего человека он держал цветы в подрагивавшей, словно не уснувшей еще руке. И снилось ему, будто входят в дом его Жена и Дочь в слишком простых («Надо обязательно купить новые!») платьях. Взглянув в глаза друг другу, он и она смеются беззаботно и весело, и Дочь смотрит то на одного, то на другого и смеется вместе с ними, и он еще раз замечает, что на его Дочери слишком простенькая одежда, и от этого у него сжимается сердце, но он ставит первым же делом их новой жизни купить им все, что они захотят, и на этом успокаивается, возникшая боль отпускает его и не мешает радоваться, смеяться вместе с Женой и Дочерью.

А потом они садятся за стол и, подперев руками головы, смотрят друг на друга, как будто не виделись сто лет и необычайно рады встрече.

«Ты уж извини нас, глухих», — говорят они ему в один голос, и это выходит смешно, и они опять смеются.

Бросив случайно взгляд на приоткрывшуюся в коридор дверь, он увидел там что-то вроде очереди. Он даже вздрогнул от неожиданности — он узнал верзилу, который избил его сегодня утром, за ним стоял сосед, стыдливо опуская глаза, виновато поглядывая в его сторону, за ним с виноватым видом стояли товарищи по работе, за ними какие-то незнакомые ему люди. На их лицах было одно и то же: «Мы виноваты, прости нас...» Подняв взор, он увидел контуры заволакиваемого лиловыми густыми сумерками города со знакомыми с самого детства очертаниями, силуэтами. И вот тогда он вдруг увидел, как от хорошо знакомого с детства силуэта вечернего города отделилась какая-то его часть и, ломая пропорции, стала удаляться. Он не поверил своим глазам — это была злополучная башня. Стоявшие в очереди не смотрели больше в ее сторону.

«Подождут», — подумал он и перевел довольный взгляд на смеющихся Жену и Дочь.

...Со стола, на который он оперся локтем и елозил по скатерти, ворочаясь во сне, слетел и упал на пол листок из ученической тетрадки, подставив всему белому свету написанные на нем слова: «Мы уходим от тебя. Не обижайся. Твои бывшие Жена и Дочь».

Краешки подрагивавших губ, уже уложенные прожитой им жизнью в нерасправимые складки, против всех правил поднялись, расправились, обозначив на его усталом измученном лице первую в его новой жизни улыбку.

Однажды Чюрлениса попросили объяснить одну из своих работ. Мастер ответил: «Дело художника — выразить, дело зрителя — понять».

«Витражи и медали, gobелены, театральные макеты, живопись и ювелирные изделия, скульптура и графика, декоративные композиции, изделия из кожи... Как разнообразна, как содержательна художественная жизнь сегодняшней Литвы! Все самое лучшее, что было создано мастерами республики, собрала выставка, посвященная 70-летию Октября. Проходила она в Москве, на Крымской набережной.

И вспомнились слова Чюрлениса при знакомстве с работами его земляков. В этих работах история и современность. Жизнь во всем многообразии: свершения и поиски, заботы и праздники, встречи и расставания, любовь и огорчения. Героическое и будничное соседствуют. Но нет диссонанса, нет ощущения неуместности, ведь мир не делится на четкие грани — темного и светлого. Все переплетено.

Память возвращает нас к тем, уже далеким дням, суровым, полным боли и гнева. «Вдовы войны» Сильвестраса Джайкштаса. Черные и красные тона. Никаких конкретных образов. Но как ошутима и скорбь,

НАЛИТРА
ЛИТВИ

и гнев, и пламя любви. Это комок слез, крика и яростного проклятия злу. На картине Леонардаса Тулейкиса «Письма деда» треугольники писем лежат на столе рядом с хлебом. И это, видимо, не случайно. Ведь хлеб — символ мира, жизни, добра.

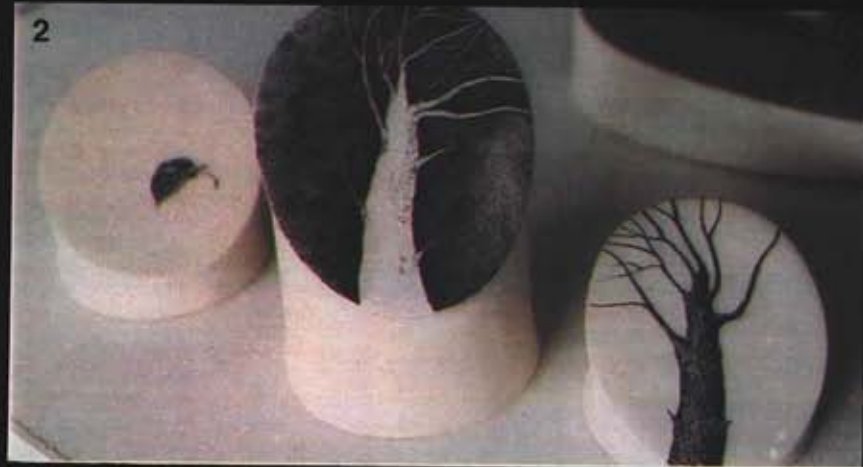
И рядом бытовые, жанровые сценки, названия которых говорят сами за себя: «В больнице» Марии-Тересе Рожанскайте, «Семейный портрет» и «Молодая семья» Софии Веиверите-Люгаилене. Простой и будничной, такой реальный, такой «заземленный» мир, который, собственно, и есть сама жизнь... Теплая, безмятежная картина Гедрюса Казимеренаса «Воскресенье». Здесь нет загадок, различий, обобщенного образа. Все предельно просто. Незатеиловые радости летнего, солнечного дня, когда тревоги и заботы недели позади. И как хорошо и спокойно друзьям сидеть за неторопливой беседой, чашкой чая... Мягкость, простота линии и цветовой гаммы привлекают задушевностью и уютом.

Гячас Винцентас, Йенас Чепонис, Леопольдас Сургаилис... «Шестидесятники» — так их называют в Литве. Опыт прогрессивного мирового искусства и его воплощение в собственном творчестве объединяет художников. Но их изобразительный язык различен.

Не подражательство, а создание своего уникального живописного

мира видим на полотнах Антонаса Мартинайтиса «Весна у реки» и Леопольдаса Сургаилиса «Деревенские музыканты». Хотя влияние старых европейских мастеров очевидно в удивительном, точечном мерцании красок на картине «Весна у реки». С ожиданием будущих интересных открытий отходишь от таких замечательных в своем поиске работ молодых художников, как «Музыканты на свадьбе» Ионаса Даниляускаса или «Репетиция хора» Слижиса Раймондаса. Во многих работах молодого поколения живописцев ощущается стремление сделать рывок, обойти тех, кто уже давно в пути, но наступающих сил на это пока маловато.

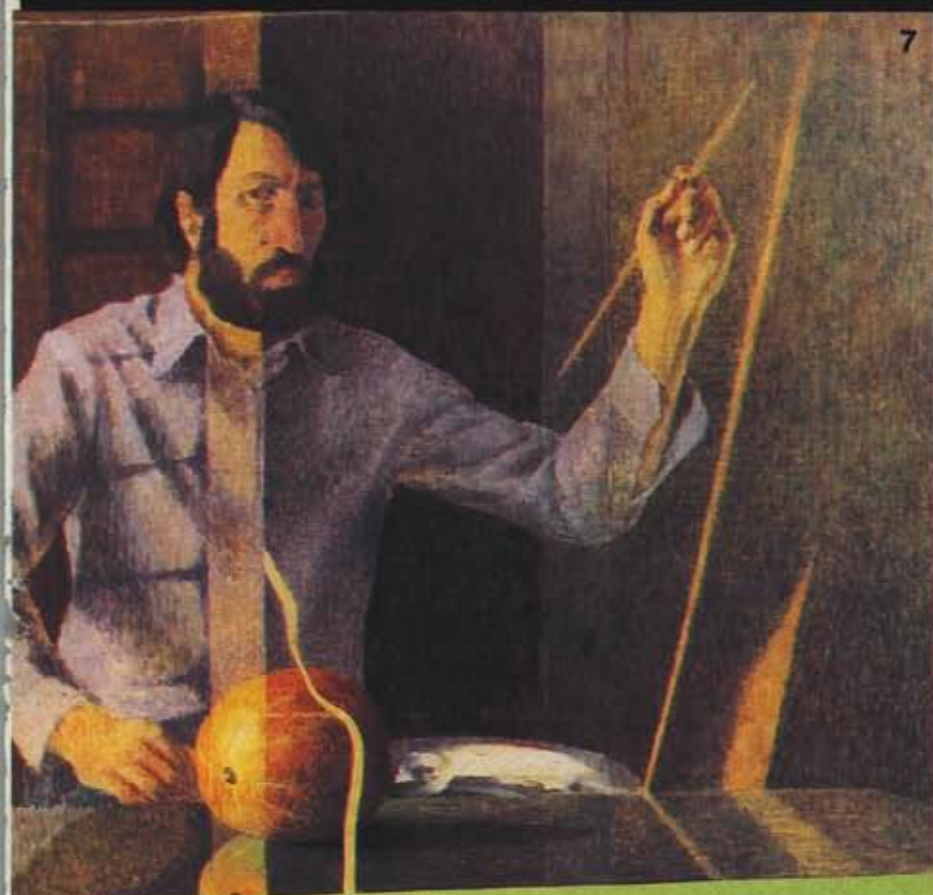
Щедрыми, яркими красками наполнен зал прикладного искусства. Слово попадает в сказочный мир, так фантастично и причудливо их сочетание на gobеленах литовских художников, которые по праву считаются непревзойденными мастерами в этой области. Но сюжеты gobеленов далеки от прекрасного, «сиропного» мира волшебства. Густая вязь цветочных пятен, контрастных и взаимопроницающих, затягивает, как глубокий омут воспоминаний... «Скорбь осенних дней» Дануты Кветкявичюте. Светлая и тревожная круговерть голубых, желтых и зеленых тонов. «Весенняя метель» Виты Балакуаскайте, одной из самых молодых участниц выставки.

Витаутас ЮЗИКЕНАС.
Пьющий мальчик.
Рита-Мария ПИЛКАЙТЕ-БУТВИЛЕНЕ.
Белый свет.
Данелюс РАМЯЛИС.
Песочные часы.
Альгис КАРИНЯУСКАС.
Буратино. Макет декорации.
Мария-Тересе РОЖАНСКАЙТЕ.
Рентгенотерапия.
Гедрюс КАЗИМЕРЕНАС.
Воскресенье.
Швежда АЛЬГИМАНТАС-ИОНАС.
Автопортрет с дыней.
Ромуальдас МИЗГИРИС.
Декоративные сосуды.

Фото Евгения Стецко и Владимира Чеишвили

7

Молодое поколение литовских художников, работающих в жанре прикладного искусства, удачливо. Ведь школу прикладников всегда отличала свобода творческого поиска. А ее традиции, передаваясь от поколения к поколению, не стали догмой, но сохранили динамичность и демократизм.

Богатство и смелость тональных переходов, новизна композиционных решений присущи работам мастеров старшего поколения: Мариты Шважене и Мины Бабяскене... Смотришь на их работы, и возникают богатые ассоциации образы, которые волнуют подчас не меньше, чем живописные полотна. Это понятно: абстрактный образ на гобелене более открыт и доступен для восприятия,

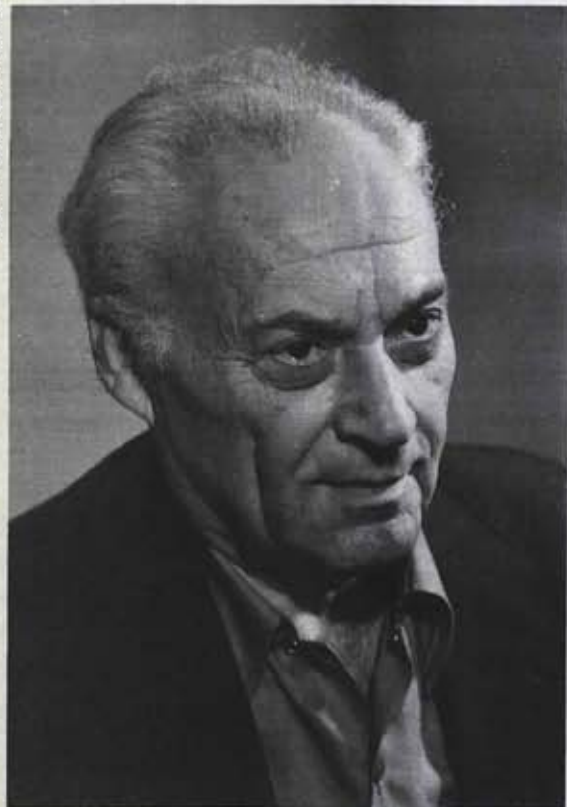
8

чем на полотне, ведь абстракция всегда была в природе декоративно-го искусства.

Конечно, рассматривая на выставке гобелены, трудно в полной мере оценить их достоинства, ведь их назначение — интерьер.

Лет двенадцать назад у молодых скульпторов Литвы появилась интересная традиция. Каждое лето они собираются в Клайпедском парке. Собираются не только для того, чтобы поделиться планами, новостями, профессиональными заботами. Главная причина встреч — украсить парк своими работами. И появляются — из дерева, камня, металла — парковые скульптуры.

Окончание на IV обл.

Имя Анатолия Рыбакова хорошо известно читателям. «Кортик» и «Бронзовая птица», «Выстрел» и «Каникулы Кроша» — многие поколения ребят зачитываются его книгами, остроумными, пленяющими непредсказуемостью сюжетов.

Но Анатолий Рыбаков писал не только для детей. В свое время были популярны его романы «Водители», «Екатерина Воронина». Увидевший свет в конце семидесятых годов роман «Тяжелый песок» был издан в двадцати трех странах.

Прошлой весной в журнале «Дружба народов» был опубликован роман «Дети Арбата»: о времени, которое оставило глубокий след в жизни нашего общества, о нравственном климате предвоенных лет, о культуре личности Сталина.

И до сих пор еще лихорадит сотрудников библиотек: десятки, сотни людей записываются на очередь в абонементы, к дверям читальных залов приходят ни свет ни заря...

В чем причина такой популярности романа?

Что заставляет писателя обращаться к трудным страницам нашей истории?

И, наконец, какие уроки должно извлечь из прошлого?

Мы беседуем об этом в кабинете писателя. Анатолий Наумович сидит в кресле. Невысокий, крепкий, смуглый. Выжидающе поглядывает на магнитофон, чертит пером на бумаге какой-то орнамент...

Что мы выяснили в нашей беседе, до чего договорились? Трудно сказать. Ведь живая речь обладает коварной способностью отклониться от заранее намеченного маршрута. Но на пленке записан весь разговор, со всеми нашими оговорками и недомолвками, с телефонными звонками, с отдаленным гулом аэродрома. Сейчас нажму на клавишу, и вы все услышите сами.

Анатолий Рыбаков: ВОСПИТЫВАТЬСЯ НА ПРАВДЕ

— Анатолий Наумович, расскажите, пожалуйста, о замысле вашего последнего романа, об истории его написания...

— Видите ли, в чем дело... О замысле романа ничего сказать не могу. О замысле говорят, когда роман еще не написан, а когда он написан — слово уже за читателем. Писатель пишет то, что знает, что видел, что пережил.

Самая крепкая память та, что оставляет рубцы на сердце. Тридцатые годы оставили большие рубцы на сердце, и на моем, и на сердце народа. Роман «Дети Арбата» во многом автобиографичен. В каком смысле? Ведь все книги автобиографичны в той или иной степени. Даже если писать о Юлии Цезаре — все равно: или писатель пишет себя, или своих знакомых, или свое к нему отношение... Автобиографичными мы называем такие произведения, где события жизни героя внешне совпадают с событиями жизни народа. В этом смысле мой роман автобиографический. Я жил и вырос в этом доме № 51, на Арбате, он и сейчас стоит: большой восьмизэтажный дом, где видеотека, рядом с Пушкинским домом, № 53...

— А в Богучанах вы были?

— Был там в тридцатых годах, потом ездил в 1967-м. Когда написал первую часть и приступил ко второй, ездил в Богучаны, в Кежму... Так вот...

— После XX съезда партии делались попытки художественного осмысления сталинской эпохи. Как вы сами оцениваете свой роман в ряду этих произведений?

— Оценивать произведение в ряду других будут критики. Они и скажут, достойно оно стоит в этом ряду или не достойно.

— Но критики существуют потому, что существуют писатели, а не наоборот.

— Я просто говорю, что оценивать положение ро-

мана в ряду других произведений должны читатели и критики, а не я.

— Однако против писателя всегда работает то, что написано до него...

— Нет, никогда. В 1964 году я написал «Лето в Сосняках», роман о тридцатых годах, и опубликовал его в «Новом мире». Его не переиздавали восемнадцать лет и только сейчас включили в собрание сочинений. Хороший роман, кстати сказать. Я уже тогда писал о тридцатых годах. А то, что написано... Сколько о войне написано, об Отечественной. Десятки книг, сотни. Вот роман Бека «Волоколамское шоссе» — настоящая книга. И другие книги есть, тоже настоящие. Но тема-то не закрыта... Все писатели пишут о любви. Так что же, после «Ромео и Джульетты» о ней и писать нельзя?

— Можно, конечно. О любви будут писать всегда. Но будут иметь в виду, что «Ромео и Джульетта» уже есть.

— Да, но писать-то будут! Правда, один писатель как-то сказал: «Вот написал — закрыл тему». Тема в литературе не закрывается. Никогда. Тем более такая тема, как тридцатые годы...

И потом я не исследую сталинизм. Я даже не знаю, что это за явление. Надо подумать насчет правомерности такого термина. Я писал Сталина, его еще никто так не писал. Поэтому ставить свое произведение в ряд с другими я не могу. Не потому, что оно лучше других, а просто оно совершенно о другом. Писали о каких-то явлениях, порожденных тем временем, а я попытался рассказать о Сталине, раскрыть его изнутри. Каков он есть, сам для себя, для окружающих. Поэтому я не вижу аналога в нашей литературе.

— В журнале «Литературная учеба» был опубликован «круглый стол» на тему «Правда в литерату-

ре». Там собрались молодые писатели, историк пришел. Тоже молодой, но очень грозный. Когда писатели стали жаловаться, что их не пускают в архивы, историк этот сказал, что доблесть исследователя заключается в его находчивости, в умении обходить «белые пятна». И тогда возник спор о степени достоверности. Что знают сами историки, каким документальным материалом располагают?..

— Я согласен с этим историком. Я не знаю, в каких архивах бывал Шекспир, когда писал о Ричарде III, и очень много написал, кстати. Или Вальтер Скотт, или Александр Дюма... Я не уверен, что они ходили в архивы.

— Но вы пользовались архивными материалами?

— Зачем мне ходить в архив? Никакими архивами я не пользовался. Я пользовался имеющимися официальными документами, собраниями сочинений В. И. Ленина, И. В. Сталина, разговаривал со многими людьми.

— С людьми, знавшими Сталина?

— Да, с людьми, знавшими Сталина и пережившими все это... Вы верите в моего Сталина?

— Пожалуй. Но помимо вашего Сталина существовал еще и настоящий Сталин.

— А вы уверены, что Борис Годунов говорил: «...и мальчики кровавые в глазах»?

— Слишком для него поэтично.

— А вот Пушкин сказал, и мы верим этому образу. И Петра I знаем таким, каким его описал Алексей Толстой. В этом магия, волшебство искусства. Есть законы искусства, есть законы перевоплощения самого автора в своего героя. Если он сумел перевоплотиться, сумел им стать, тогда все хорошо...

— Но ведь Пушкин и Толстой не брезговали архивами.

— Пушкин изучал архивы, когда писал «Историю Пугачевского бунта», то есть выступал как историк. А как писатель, создавший «Бориса Годунова» и «Капитанскую дочку», не пользовался архивами. Так же и Толстой.

— Анатолий Наумович, в связи с публикацией вашего романа вас в последнее время посетило много западных корреспондентов. Что их интересовало в первую очередь?

— У меня было двенадцать телекомпаний, три — американские. Сейчас весь мир интересуется, что происходит в нашей стране, всерьез ли это, надолго ли? Вот что они хотят понять.

Я беседовал с госсекретарем США Шульцем. Он дипломат, говорит корректно. Он задал вопрос, что такое гласность. Я понимал подтекст его слов и некоторые замечания, и я ему сказал: ваша революция произошла в 1776 году, вы провозгласили Независимость, Билль о правах приняли. Самая свободная страна в мире, видите ли! Под вашим влиянием совершилась французская революция... А негров у вас освободили в 1865 году, через 90 лет.

Как это совместить: рабство и свободу личности?.. Революция идет большими зигзагами. В каждой стране есть что вспомнить: и хорошее, и плохое. И с гордостью, и со стыдом. Такой период был и у нас, и мы должны смотреть на это прямо. Надо говорить о своей Истории, с народом нужно говорить, как с людьми, — вот что такое гласность.

— Есть ли границы у гласности?

— Только правда! Какая еще может быть граница у гласности? Вот вы, задавая вопрос и вызывая меня на ответы, все время держите в уме то, что вы будете печатать.

— Журналист всегда держит это в голове. Но мы хотим вас понять, хотим в связи с вашим романом выйти на молодежные проблемы. Какие из них представляются вам существенными, а какие «высосанными из пальца»?

— Я комсомолец с 1925 года. В двадцатых годах молодежи жила политической жизнью.

Мы принимали участие в обсуждении политических вопросов, в дискуссиях, которые были при Ленине и после Ленина. У нас было школьное самоуправление, директор школы был членом учкома. Мы обсуждали государственные проблемы, нравственные проблемы — это свойственно подросткам. Они ищут свое место в обществе... А сейчас в классе комсомолом руководит педагог!

У меня есть несколько телефильмов о Кроше: «Приключения Кроша», «Каникулы Кроша». Сейчас написал новый, который называется «Университет, половина четвертого». Крош в нем кончает университет, он юрист. Попадает на следственную практику и сталкивается с современными подростками 15—16 лет. Там убийство...

И вот, работая над сценарием, я занялся подростками. Понимаете ли, все эти «панки», «металлисты» малоинтересны. Нацепил себе собачий ошейник — «металлист», побрился — «панк»... Я не раз бывал за границей. Там эти движения носят политическую, философскую, религиозную или иную окраску, подростки поддерживают ту или иную партию, выступают против войны в Никарагуа, и так далее. А у нас за этим ничего не стоит. Что они исповедуют? Да ничего, чисто автоматическое подражание.

Мы не давали им пицци духовной, правды не говорили. Человек, воспитанный на правде, — нравственный человек. Он ищет нравственный идеал, нравственные критерии. Человек, воспитанный на лжи и полуправде, — безнравственный человек. Он уже не ищет никаких нравственных идеалов, это ему только мешает. Так и общество...

Ведь что такое новая психология? Это и есть перестройка сознания, перестройка мышления и духовного облика наших людей. Для того чтобы говорить правду, нужно воспитываться на правде. Для этого нужна гласность. Вот что такое гласность — воспитание на правде. И чем больше этот процесс будет идти, тем больше мы будем раскрепощаться...

— Но их учителя воспитаны не на правде.

— Правильно. А теперь вынуждены будут воспитывать на правде. Вот девятиклассник, прочитавший мой роман, а юноши его читают, скажет: «Позвольте, здесь написано по-другому...»

— «В книжке написано?»

— Да, мне это рассказывали... Современные подростки ищут нравственный идеал. Их много. Это для них главное. Вот увидите, увидите, что я прав.

— К сожалению, у некоторых людей очень короткая историческая память. В противном случае первой же войны в истории человечества хватило бы, чтобы люди навсегда зареклись воевать. А это не так... Но отсутствие исторической памяти отлично заменяет приспособленчество, умение ориентироваться в современности, выкручивая эту современность себе на пользу...

— Вы не правы. Вот будет моя книга, телефильм, еще какие-то вещи, не пройдет и года-двух, как все

это будет преобразовано, потому что молодежь чуткая и она очень быстро перестраивается.

— Анатолий Наумович, ваши ранние произведения сделали классикой детской литературы. Как вы к ним относитесь сейчас?

— Я отношусь к ним очень тепло. У меня есть для детей «Кортик», «Бронзовая птица», «Выстрел». Это двадцатые годы, мое детство. Кстати, в «Выстреле», в последней части трилогии, уже есть Саша Панкратов. Я хочу подчеркнуть преемственность...

К «Кортику» отношусь очень хорошо, потому что это моя первая книга. В нее я вложил все свои надежды стать писателем. «Кортик» был написан и издан, когда мне было тридцать семь лет. Видите, как поздно я начал.

— Для нашего времени это, увы, нормально. В сорок лет — первая книжка...

— В тридцать семь умер Пушкин... До войны у меня были сложные обстоятельства — о них вы читали в романе. Потом война. Я закончил ее в Берлине в 1945 году. Был строевым офицером. А после войны задумал написать «Кортик»... Почему я ценю эти книжки? Не только потому, что они написаны интересно, захватывающе. Они, так же как и моя трилогия о Кроше, нравственны. В них суть — нравственность... Я не знаю, как это выразить. Критики скажут лучше, хотя критики и не занимаются моими вещами...

Мои герои — нравственные ребята. Крош, пусть он немного инфантилен, несет в себе начало нравственности. Ребята из «Кортика» — другое поколение, дети революции. Они были бескорыстны, очень идейны, пуская в чем-то нетерпимы, но честны. Ненавидели карьеристов, приобретателей. Они несли в себе черты Революции.

Крош — другое поколение, поколение 60—70-х годов, которое искало несколько другой нравственный идеал, идеал человеческой правды, совести.

Я люблю писать эти вещи... Вот, собственно говоря, мои ребята. Вот мой Саша Панкратов. Это не я. Я, думаю, был хуже, чем он. Но он продолжатель эстафеты. Почему такой большой успех «Детей Арбата» у молодого читателя? Потому отчасти, что мой Саша Панкратов — продолжение героев «Кортика», Кроша.

Когда вышел «Кортик», проводился конкурс детской книги. Я не получил ни первой, ни второй, ни третьей, ни первой поощрительной премии. Получил вторую поощрительную... А потом, через много лет, я беседовал с Пискуновым, директором издательства «Детгиз». Он говорил: «Что осталось от всего списка премированных детских книг, кроме «Кортика»?» А «Кортик» остался... (Смеется.)

Вот так я отношусь к своим книгам. Рад, что на них воспитывалось много поколений, что их читают до сих пор, издают. Они предвдарили «Детей Арбата».

— Анатолий Наумович, позвольте задать вам два странных вопроса. Что вам больше всего мешало в жизни и что помогло?

— В жизни? (Пауза.) Тут нужен такой ловкий, афористичный ответ... Больше всего мешал я сам. И помогал тоже я. (Смеется.)

— Расскажите, пожалуйста, о своем детстве, о школьных товарищах. Кто были ваши учителя?

— Мое детство прошло, как я уже говорил, в Москве, на Арбате. С первого по пятый класс я учился в Кривоарбатском переулке. Я рос в семье крупного инженера. Арбат был улицей интеллигенции, и даже сама школа, в которой я учился, находилась под эгидой ЦКУБУ — Центрального комитета улучшения быта ученых. Я поступил в школу в 1919 году. Страна жила политической. Мы были очень впечатлительными детьми, и все, что происходило вокруг, происходило на наших глазах.

Москва была разрушена, заводы не работали... Что я запомнил? Запомнил очередь в булочную, на ладони было написано: «№ 221». Выдавали пайки, осьмушку хлеба на день... Школа была хорошая. Старая хвостовская гимназия. Это была семья прогрессивных педагогов, Луначарский оставил Хвостову директором школы. Я был пионером. Мы с сестрой ходили в пионерский отряд при фабрике имени Свердлова. Пионерские организации создавались тогда не в школах, а на заводах. Так, наверное, было лучше...

— А чем занимались пионеры в то время?

— В основном мы работали с беспризорными. В двадцать первом был голод в Поволжье, и массы беспризорных хлынули в Москву. Мы собирали их, вытаскивали из этой грязи, из уголовного мира, вовлекали в общественную работу. Сложно было, все ж таки дети... Мы принимали участие во всех кампаниях: в подготовке к праздникам, в сборах на строительство воздушного флота, военно-морского флота. Кружечные сборы тогда были. Ходишь, кричишь: «Создадим наш советский, наш красный могучий флот!» Пристанешь к прохожему: «Дяденька, давай на флот!» И дяденька бросает монету в кружку...

После семилетки перешел я в другую школу. Это была очень интересная школа. Называлась она МОПШКА, а нас, ее учеников, называли «мопсами». МОПШКА — это Московская опытно-показательная школа-коммуна Наркомпроса. Она была создана как общежитие для комсомольцев, вернувшихся с фрон-

та, ребят 15—16 лет, красных бойцов и командиров. Полуграмотных, понимаете ли... У них интернат был. Жили, начинали учиться с азав. В МОПШКЕ были прекрасные преподаватели. Физику нам читал Перышкин, математику — Березовская, тоже автор учебника. Лучшие из лучших... Директором был Пестрак. Его расстреляли в тридцать седьмом. Великолпный, крупнейший педагог своего времени.

Это была школа с большим, если так можно сказать, общественным уклоном. Вся наша жизнь была пронизана комсомольским духом. Поскольку в МОПШКЕ был очень сильный педагогический состав, туда потянулись дети из Кремля, много детей наркомов. Но мы не всех принимали в комсомол. Было, безусловно, и пуристанство своего рода. Это неизбежно. Но хорошие черты преобладали: врать нельзя было, говорить можно было только правду независимо от того, в чьих это интересах. Самым оскорбительным словом было слово «карьерист». «Он — карьерист!» Такой человек подвергался обструкции...

— Скажите, а за какой отрезок времени произошла перемена в нравственном климате страны?

— Я считаю, что с конца двадцатых годов. Началась она с укрепления Сталина, его аппарата, его единомыслия... Ведь нэп — это не только частное предпринимательство. Ленин намечал нэп как широкую, большую политику построения социализма экономическими средствами. А Сталин считал, что он может построить социализм административными средствами, средствами силовыми. Для этого он создал бюрократическую машину, которая под его руководством осуществляла реконструкцию страны. Это помножилось на его тщеславие, подозрительность, культ личности, беззаконие. Ленин всеми силами стремился к тому, чтобы Сталин не был у руководства. Проживи Ленин еще полгода, и все пошло бы по-другому. Он сумел бы отстранить Сталина от руководства партийным аппаратом, история пошла бы по ленинскому пути...

— Каковы, по вашему мнению, результаты такой политики? Живы ли отголоски «культы» в нашем общественном сознании?

— Результатом всего этого явилось одностороннее развитие экономики, диспропорции, которые мы ощущаем до сих пор, миллионные жертвы. И самое страшное — изменение психологической атмосферы общества, сознания людей, которые стали жить в страхе, за них решал и думал один человек. Сами они решать не имели права. Ведь любое мероприятие в то время было «по инициативе товарища Сталина». Что ни возьми! Рукавицы сшить — и то: «по инициативе товарища Сталина».

Сейчас, на новом витке научно-технического прогресса, когда каждый на своем месте должен быстро решать, не ожидая приказа «сверху», когда так необходима нам самостоятельность мысли, смелость поступка, эта страшная психология, порожденная культом личности, тормозит развитие нашего общества. Мы должны изменить психологическую атмосферу в стране. Поэтому мы начали с культуры, с литературы, с кинематографа, со средств массовой информации. Они создают духовную жизнь в стране. А экономические результаты придут — они не заставят ждать.

— Анатолий Наумович, в обществе всегда были и есть думающие, честные люди. Как могли они смириться с происходящим, как допустили...

— А что может противопоставить человек лавине массовой дезинформации? К тому же с конца тридцатых годов Сталин стал применять репрессии. Начался страх. Всё, люди уже молчали! Это очень быстро пошло. Но что интересно, когда началась война, то перед лицом смерти, перед лицом опасности люди опять стали другими. Да, освободились от гнета, от этого доносивательства, подозрительности, недоверия: война вернула людям настоящие человеческие качества, они же не были задушены. Ничего человеческого задушить нельзя. Имейте это в виду. Никогда.

— Грустные вещи вы говорите... А есть ли у вас читательские отклики на роман «Дети Арбата»? Какова реакция старшего поколения и как его встретила молодежь?

— Я приведу вам два письма. По-моему, интересных... Вот первое: «Известно, что В. И. Ленин сетовал на инертность и на малограмотность мужаика, с которым надо было строить социализм. Считаете ли вы, что у руководства партии, страны в 30-е годы не было трудностей в решении проблем социалистического строительства в смысле подготовки человеческого фактора?.. Были ли жертвы без причин?» Вот. И подпись: «Кандидат исторических наук, доцент, автор книги и глав в «Истории КПСС», в «Истории второй мировой войны», автор нескольких десятков статей, журналист и т. д. Вот вам ученый, который считает, что мужик был у нас такой темный, что его нужно было уничтожать миллионами для его же пользы! И этот человек пишет «Историю КПСС», исторические труды, понимаете ли, на которых должна воспитываться молодежь. Как может нормальный человек сказать: Окончание на 18-й стр.

Неистощимы на выдумки самодеятельные конструкторы! Когда видишь автомобили, построенные ими, поражаешься смелости замысла, оригинальности технических решений, интересному дизайну. Но тут же встает вопрос: почему отличные новинки, сделанные, кстати говоря, кустарным способом, в непригодных помещениях, не могут освоить наши заводы? Почему изобретения молодых «самодельщиков» не внедряются в промышленность? Может быть, они держат их под большим секретом? Нет никаких секретов! Просто, оказывается, никто не хочет признавать самодеятельных конструкторов...

СМЕНА

днжды к зданию редакции журнала «Техника — молодежи» подкатил странный экипаж, чем-то напоминавший перевернутую ванну. Передние колеса от инвалидной коляски, задние — от грузового автомобиля. В железном ящике без лобового стекла и крыши горделиво сидел седобородый старик.

— Глеб Мартынов, — представился он, — совершаю автомобильный пробег Алма-Ата — Мурманск.

Мы склоняемся над автомобилем странной конструкции. Все сделано руками автора, который, видимо, больше думал о технических достоинствах, чем о внешней отделке. Дизайна — никакого: железный ящик на четырех колесах. А вот двигатель необычный — 5-цилиндровый воздушного охлаждения. Сомнений быть не может: и двигатель самодельный.

Изобретатель открывает багажник, поясняет: — Здесь у меня еще два запасных двигателя — трехцилиндровые...

А уже после своего пробега Глеб Мартынов письмом сообщил: «...первый мотор прошел 9 тысяч километров, второй — 5, а третий я даже не трогал. Моторы без всякого принудительного охлаждения работать могут (не менее пяти перевалов попало в пути, и ни

САМОДЕЛЬЩИКИ

Василий ЗАХАРЧЕНКО.
фото
Александра КУЛЕШОВА

на одном моторы не перегревались). Этим летом я поеду в Ригу, но уже северной дорогой, через Челябинск».

Я начал свой рассказ с самоделщика лишь потому, что в судьбе Мартынова, как в капле воды, просматриваются страдания и радости огромной армии талантливых умельцев. Рано или поздно перед многими встает извечная проблема: внедрение изобретения.

Эта проблема особенно остра именно в области любительского автомобилестроения. В самом деле, самодеятельная постройка автомобилей в нашей стране началась не сегодня и не вчера. Сколько за это время мы узнали талантливых ребят, сколько было идей, оригинальных новинок!.. Позади годы, десятки лет, а идеи энтузиастов-самоделщиков, увы, по-прежнему не находят своего признания. Быть может, они не представляли и не представляют интереса, не имеют практической ценности? В том-то и дело, что самоделные модели зачастую не только не уступают промышленным легковым автомобилям, но и превосходят их. Вот только несколько примеров.

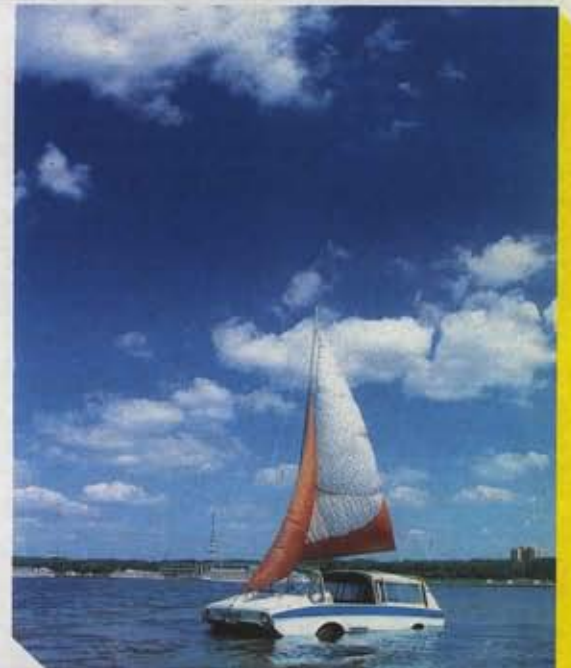
Александр Кулыгин назвал свой автомобиль необычно — «Панголина» (панголина — мелкий зверек, обитающий в Южной Америке). Автомобиль Кулыгина поражает не только своей формой. Дверей в привычном понимании нет: нажатие кнопки — и автоматиче-

ски поднимается вся крыша с передним стеклом и боковинами. Нажатие еще одной кнопки — поднимается передний щиток, появляется доступ к приборам и двигателю. Фары выплывают из корпуса автомобиля тоже при нажатии кнопки. Удобные, анатомической формы кресла. Материал кузова — пластмасса. Диски колес самодельные, рассчитанные на спортив-

«Мария-2» — так назвал свою вторую конструкцию Вахтанг Двалишвили из Кутаиси.

Автор этой элегантной модели — москвич, слесарь-механик Юрий Алгебраистов. При изготовлении кузова он воспользовался матрицами профессиональных художников братьев Щербининых.

Анатолий Дорошенко из города Сумы решил сконструировать автомобиль из модульных элементов. Как видите, ему это удалось.

ВОСПИТЫВАТЬСЯ НА ПРАВДЕ

«Разве можно без жертв?» Так ты сам иди на лесоповал, сам!..

И другое письмо, рабочего-электрика: «Уважаемая редакция! Вот уже пять дней прошло со времени прочтения начала романа «Дети Арбата». Я не могу объяснить свое состояние. Это невыразимо. Это торжество ленинских идей. Еще год назад я не мог представить себе, что мы можем надеяться на такие вещи...» Длинное письмо, прекрасное письмо. Все понимает...

Вот реакция кандидата исторических наук, нелюдя, который смеет говорить о необходимости жертв, и вот реакция молодого человека.

— Анатолий Наумович, хочу задать вам один вопрос, чтобы закончить сталинскую тему. Хочу вам задать этот вопрос потому, что многие просили его задать. Ваше отношение к фильму «Покаяние»?

— Положительное, как ко всякому прогрессивному явлению в искусстве... Хорошо сделан, квалифицированно... Другое дело, что по манере моего письма мне чужда аллегория. Я пишу просто. Писать сложно очень легко...

— Наверное, сложно и то, и другое, если писать по-настоящему.

— По-настоящему трудно писать просто. В противном случае читатель начинает разгадывать ребусы, а я не люблю ребусов, не люблю загадок... «Тяжелый песок» написан просто...

— Из чего возник «Тяжелый песок»?

— Из чего возник? Я хотел написать о любви. У меня был товарищ. До войны он работал на автобазе в Рязани. И он мне рассказал эту историю. Его отец приехал из Швейцарии. С отцом своим приехал, гулял по Симферополу. Видит, стоит девочка... А крымские еврейки очень красивые... Он был сыном известного в Цюрихе профессора, а она — дочь сапожника. Она не захотела жить в Швейцарии. Вернулись в Симферополь, нарожали детей. Его посадили, потом выпустили...

А после войны я этого своего товарища встретил, и он мне рассказал, что его родителей расстреляли немцы. Меня поразила эта верность, эта любовь: ради нее он бросил свою страну, оставил карьеру и погиб вместе с нею во рву по дороге на Судак. Я хотел написать короткую новеллу о любви. Приехал в Симферополь и вижу, что там все реалии чужие, я не дышу этим воздухом. Тогда я решил перенести действие в городок, где жил мой дедушка. Такой могучий дед был. Он жил в маленьком городке на Украине, и когда в Москве голод был в 21, 22, 23-м годах, мы с мамой ездили туда подкормиться. Еще жива была моя тетя, старуха 80 лет, но с ясной головой. Она рассказала мне семейные предания. И, когда я переместил эту пару туда, возник роман.

— Анатолий Наумович, «Тяжелый песок» принес вам мировую известность. Пытались ли вы опубликовать первую часть «Детей Арбата», используя успех этой книги? Ведь первая часть написана еще в 60-е годы...

— Действительно, первую часть «Детей Арбата» я написал двадцать лет назад. И Твардовский делал все, что мог, чтобы напечатать роман в «Новом мире». Но не получилось. В 1978 году я закончил вторую часть. Когда вышел «Тяжелый песок», я решил: «Ага, чего-нибудь добыю!» И вот пожалуйста. Опять не напечатали! Тогда я написал третью часть. «Заграница» знала, мне предлагали напечататься за границей. Я не сделал этого. «Таймс», «Геральд трибюн», самые крупные газеты мира вынесли мой ответ в заголовки: «Этот роман нужен моему народу, моей стране и прежде всего должен быть опубликован дома». Я дождался своего часа. В этом я вижу долг писателя: работать для своего народа и быть с народом, когда плохо, когда хорошо. Я верил, что «Детей Арбата» опубликует, рано или поздно, пускай даже после моей смерти.

— На чем основана ваша вера?

— Мы обязаны идти вперед. Мы — великая держава, и мы должны быть на уровне века. Есть инстинкт национального самосохранения, он сильнее любых обстоятельств. А для того, чтобы нам идти вперед, чтобы быть на уровне прогресса, необходимо свободно мыслить, творить, действовать. Для этого нужна гласность. Гласность означает прежде всего возможность говорить правду. Конечно, правда не всем по душе. Вспомните письмо, которое я вам читал здесь...

— Кандидата исторических наук? Что ж, тон у него очень уверенный... И все же уверенней звучит голос молодого электрика. Разве не так, Анатолий Наумович?..

— «Рифмой через поколение» назвал бы нашу беседу Герцен. Выросли дети Арбата, выросли и состарились. «Живите по правде», — говорят они своим внукам в надежде, что те поймут их. И внуки должны понять.

Беседу вел
Алексей ЗАЙЦЕВ.

ную резину. И так все не по заводскому стандарту, а по-своему, с выдумкой, по-кулыгински.

Когда главный инженер АвтоВАЗа увидел «Панголин», он обратился к ее создателю:

— Я предлагаю вам место конструктора на нашем заводе.

— Извините, я должен подумать, — отшутился Кулыгин. — Дело в том, что я уже получил аналогичное предложение еще от двух заводов.

А ведь Саша Кулыгин — двадцатипятилетний парень, без высшего образования. Он техник-электрик. Но человек, безусловно, талантливый.

Я вспомнил, как в 1986 году на Рижском взморье во время пробега многие обратили внимание на шестиколесную вездеходку Кулыгина. Автомобиль запросто поднимался на песчаные дюны, влезал по лестнице и разворачивался на площадке, спускался на воду... На мокром песке автомобиль вращался на месте и делал плавные зигзаги в такт музыке, звучащей из репродуктора. Вездеход был первым детищем Александра Кулыгина. Теперь вот «Панголина».

...Машина Д. Кудрячкова напоминает одновременно и катер, и автомобиль. Этот необыкновенный аппарат — земноводоход под названием «Тритон» — передвигается по асфальту со скоростью до ста километров в час и может почти мгновенно перейти на воду, глиссируя со скоростью свыше пятидесяти километров.

Это кажется почти непостижимым — ни одна амфибия в мире не обладает такими возможностями. «Тритон» Д. Кудрячкова безо всякой технической перестройки переходит с земли на воду и обратно.

Машину спроектировал и построил профессиональный музыкант, солист оркестра театра имени К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко. Кудрячков в свободное время вынашивал, а потом и решал технические задачи, реализовывал идеи, которые по плечу разве что высококвалифицированному бюро.

— Чтобы земноводоход скользил по воде, — рассказывает Кудрячков, — нужно было как-то полностью отделиться от колес, рессор, надо было создать абсолютно гладкое днище, необходимое для глиссирования. Я спроектировал колеса, которые при помощи рычагов поднимаются вверх под углом 90 градусов, и таким образом они, колеса, оказываются над водой выше ватерлинии, что и требуется при глиссировании.

Но как управлять ими на земле, в опущенном состоянии? Передние, связанные с рулем, должны поворачивать машину. Задние — ведущие, им необходим привод от двигателя. Надо подвести тормозное устройство ко всем четырем колесам...

Кудрячков блестяще справился с труднейшей задачей, используя гидравлику и цепи Галля, заключенные в масляные кожуха, ведь вся система должна быть герметичной.

— На создание «Тритона», — рассказывает изобретатель, — потребовалось почти пять лет. Использовал агрегаты «Запорожца», «Жигулей». Двигатель от «Волги», водомет собственной конструкции. Главным помощником была моя жена.

С Владимиром Мироновым мы познакомились на стадионе, где шел показ самодельных автомобилей. Владимир шел по футбольному полю и на тонкой рыболовной леске вел за собой автомобиль, словно собаку на поводке. За рулем никого не было. Миронов побежал — машина не отставала. Он остановился — замерла и машина. Никакого чуда здесь нет. Просто на автомобиле установлен автоматический регулятор передачи конструкции Миронова: без коробки, без сцепления, без дифференциала. Он лишь с помощью тоненькой лески управляет акселератором автомобиля — все остальное происходит само собой. В зависимости от оборотов двигателя самостоятельно переключается передача, меняется скорость автомобиля.

— Я не автомобилист, — рассказывал позже Миронов, — Как инженер работаю в другой отрасли. Но строил автомобиль по-своему. Вот и изобрел для автомобиля автоматический центробежный регулятор клиноремной передачи. Даже авторское свидетельство получил. И, представьте себе, регулятор оказался исключительно удачным и дешевым, в двадцать раз дешевле существующих.

— Смотрите, — продолжает Владимир, — в моем автомобиле нет педали сцепления, нет рукоятки для переключения скоростей, нет дифференциала. В машине будущего должно быть только два элемента управления: рулевая баранка и педаль газа-тормоза. (Она может работать так: жмешь совмещенную педаль — сбрасывается газ, тормозишь; отпускаешь ее — обороты двигателя растут, скорость увеличивается.) Да еще рукоятка для переключения на задний ход. А у сегодняшних машин заводского изготовления в два раза больше точек управления, чем в моей машине.

— Что же говорят о вашей передаче специалисты?

— Я показывал автомобиль научным сотрудникам НАМИ. Вначале они сказали, что ими научно доказано: такая передача на автомобиле работать вообще не

может. Когда же я сказал, что мой автомобиль уже прошел свыше 130 тысяч километров без сучка и задоринки, без замены ремней, они заявили: «Ваша передача практического и промышленного значения иметь не будет». После обсуждения моего автомобиля в телевизионной передаче «Это вы можете», я получил сотни писем: как это поразительно просто! Пришлите чертежи! Когда появятся такие автомобили? Где их начнут выпускать? — писали автолюбители, и не только они. Были письма и с автозаводов. Ведь преимущества в простоте и дешевизне. Однако по существующему в Министерстве автомобильной промышленности положению, ни один автозавод не может официально экспериментировать без санкции НАМИ. Впрочем, чего ждать от института, в котором защищены научные диссертации как раз на доказательство невозможности использования в автомобиле подобных вариантов.

— Работаю сейчас над новой, более интересной конструкцией, — грустно замечает Миронов.

— Ну, а что же с первым вариантом?

— Им заинтересовалось общественное конструкторское бюро Волжского автозавода. Обещали построить на моей передаче несколько опытных образцов «Жигулей». Вот пошел третий год, а машин пока нет. Что с них спросить, общественники...

Так очередное перспективное изобретение изобретателя оказалось ненужным. А Миронов продолжает ездить на своем чудо-автомобиле по разным инстанциям, убеждая безразличных и непробиваемых начальников в очевидных преимуществах своего изобретения. И что главное, конструкция нужна инвалидам — она облегчит им жизнь!

Неужели для решения этого технического вопроса нужны какие-то особые постановления? Почему министерства, ведомства и сегодня не спешат признать, поддержать талантливых самодельщиков, которых в нашей стране не так уж и мало?

Вспомним, как Геннадий Хаинов и Дмитрий Парфенов, самодельщики из Ленинграда, защищали свою конструкцию от нападков представителей крупнейшего в стране научно-исследовательского института — НАМИ. И все-таки этим ленинградским мастерам-умельцам выделили специальную лабораторию. Ребята доверие оправдали. Они сконструировали и построили исключительно оригинальной формы автомобиль, который действительно можно назвать автомашиной двухтысячного года. Сейчас он проходит испытания на полигоне и патентование.

В последнее время много говорят о том, что науку и технику двигают коллективы. Но все же, согласимся, роль личности в изобретательстве, в открытии нового чрезвычайно велика.

Что там говорить, крупнейшие изобретения, первые шаги в той или иной области были и есть делом талантливых, а порой гениальных одиночек.

Творческие коллективы любого института, как правило, работают по магистральным направлениям, в основе которых лежат открытия, гипотезы, диссертации одного-двух ученых. Именно они, талантливые единицы, дают необходимый толчок плодотворной деятельности порой весьма многочисленного коллектива.

Оба начала прочно взаимосвязаны, практически неразрывны.

Изобретательский талант, как и любой другой, дан природой далеко не каждому. Найти себя нелегко. Иногда обстоятельства уводят талантливого человека в сторону от того, что ему предначертано судьбой. Но потребность в изобретательстве не покидает способного человека, и он продолжает творить, становится конструктором-любителем.

По качествам и достоинствам новаторские конструкции любителей во многих случаях превосходят промышленные. А им приходится преодолевать исключительные трудности. Они работают и за конструкторское бюро завода, и за опытный цех, и за испытателя, «ставящего на крыло» свою конструкцию.

С этой точки зрения совсем непонятна позиция ведомств, в частности специалистов НАМИ. Они не только настороженно, а даже неприязненно относятся к достижениям умельцев.

Вместо того, чтобы дать хотя бы предварительный ход новаторским предложениям, они начинают теоретизировать вокруг тех или иных несовершенств новой необычной конструкции.

К сожалению, до сих пор отношение производства и научных институтов к народным умельцам возмутительно-безобразное. Усматривая в талантливом конструкторе-любителе не своего помощника, а конкурента и чуть ли не врага, официальные учреждения не помогают, а всячески препятствуют внедрению новинок, авторы которых — самодельщики.

Нужно всеми возможными способами открывать простор для технического творчества молодежи. И не только открывать, но и создавать все необходимые условия, чтобы творческий потенциал молодых направлять на решение задач, связанных с ускорением социально-экономического развития общества.

Евгений ВИНОКУРОВ

НЕБОСКЛОН

ИЗ ЦИКЛА «ПРИРОДА»

1

ЛАНЬ

О, сколько же
в ней к жизни интереса!
Идет она в предутреннюю рань
на светлый луг
из сумрачного леса,
высокая, трепещущая лань.
Как смысл глубок
в существование диком!..
Идет навстречу
светлому лучу
и выразит одним протяжным криком
все, что о жизни
я сказать хочу...

2

МУРАВЕЙ

Что скажешь тут,
я рос, мужая,
но в роще как-то
в летний зной
природа, до того чужая,
вдруг — и раскрылась предо мной...

Я, проходя лесною гущей,
из-за раздвинутых ветвей
увидел, как он мудр, ползущий
цветными мхами,
муравей...
Казалось, нету твари хилей
и мельче,
но я видел тут,
могуч,
он не жалел усилий,
великий совершая труд...
Он полз,
его собой накрыла
всего еловая игла...
Что ж, в нем космическая сила
и власть нездешняя была!
Какие гены в нем? Откуда
сей зверь земной?
Каких кровей?..
Вот это маленькое чудо —
с иглой ползущий
муравей...

3

ОБЕЗЬЯНА

Вот она
без всякого изъяна
мудрую природой создана.
Совершенство в космах —
обезьяна,
очень приспособлена она!..

В чащах все пути пред ней открыты,
смотрит зорко, зорко из-под век...
Но, когда лишится всей защиты,
из нее выходит
человек...
Ею,
гибкою и длинноротой,
управляет лишь инстинкт один!..

Человек же голый
пред природой —
неприкаян
и незащитим...

ИЗ ЦИКЛА «СТРАНЫ
СВЕТА»

1

НАРКОТИК

Там, в глубине
ню-йоркского тумана,
о встретившийся путаясь народ,
сутулая фигура наркомана
по полутемной улице бредет...

Он
что-то все бормочет о монете!..
Но, чтоб в лицо не получить удар,
от наркомана этого имейте
заране заготовленный
доллар...
И, на доллар вдруг сделавшись
богаче,
от счастья чуть не повредясь в уме,
добудет средство он от неудачи
в любви, в работе, в дружбе
и в семье!..
Вот он тащился, чуть не умирая.
Через минуту ж —
где достал, бог весть! —
о радостях искусственного рая
мир может
на лице его прочесть!..
А сколько их сейчас бредет по свету,
чья участь то сладка, а то тяжка!..
И, видимо, уже спасенья нету
от этого простого
порошка!..

2

ТАНЕЦ

Плечи обмотавши
в покрывало,
тонкая,
в свои шестнадцать лет,
девочка-бенгалка танцевала.
На ноге позвякивал браслет...

И, казалось,
этим древним танцем,
как бы рвя рукой
за нитью нить,
нам, сидящим в зале иностранцам,
что-то все хотела объяснить...
Как была
та девочка печальна!..

Зал сидел, дыханье затая,
словно в танце заключалась тайна
нашего земного бытия.

3

В ГИМАЛАЯХ

Пыльная, бугристая дорога
нас вела
с откоса на откос...
К вечеру лишь добрались
до йога.
Был он очень черен,
худ и бос.
— Долго ль буду жить?.. —
мой друг у йога
вдруг спросил
и получил ответ:
— Будете вы жить
на свете много,
ровно до восьмидесяти
лет!..

Встали мы...
И вот уж на пороге
йога сказал:
— Но знать должны бы вы,
что за катастрофы на дороге
отвечать я не могу,
увы...

Вдруг, как нарушение режима,
в жизнь твою врывается оно...

Творчество —
оно непостижимо,
но ведь не напрасно же дано!..
Вдруг мы постигаем моментально
беспредельный мир, что так глубоко!..

Творчество —
оно ведь тоже тайна,
что и космос,
человек, цветок...

То одна звезда,
а то другая
с высоты вдруг падает за лес...
И гляжу я, молча,
постигая
тайну бесконечную небес.
Кто-то в мире
ловит аппаратом
смутную космическую дичь...
Неужели в веке том тридцатом
голосов из бездны
не постичь?
Неужели неждемся знака?..
Ну, а вдруг мы различим слова,
посланные из ночного мрака,
от космического
существа?..
Видя свет звезды на небосклоне,
может, я кого-то позову —
крикну,
рупором сложив ладони,
в вечность беспредельную:
— Ау!..

МЫСЛИТЕЛЬ

Он мыслитель.
Он ушел куда-то...
А куда, то не понять уму!..
Без него вдруг стало пустовато
в книгами заставленном дому...
Он сейчас, наверно, уж неблизко!..
Кажется, что он ее забыл —
на столе
последняя записка
меж других земных бумаг:
— Я был...

ЖИЗНЬ

Человеку
в этом мире грубом
жить ведь никогда не надоест!..

Синий лед кромсая ледорубом,
вот один ползет
на Эверест.
Вот другой
на грубом свете этом
в черную уходит
глубину.
Спугивая рыб фонарным светом,
он гуляет
по морскому дну...
Третий
траекторией крутою
в ночь летит,
что звездна и пуста...

Жизнь
права своею правотою,
что груба, обычна
и проста...

Мир
мы постигали
грань за гранью...
Только все же ясно нам одно:
с каждым шагом
мы идем к незнанию,
с каждым шагом шире все оно!..
Древним было ясно все!..
Все просто
в глуби иероглифов
и рун...
И стоит внушительного роста,
все постигший на Земле
Перун...
В мире нашем
нет уж белых пятен,
в океанах тайны тоже нет!..
Только нам все больше
непонятен
наш бескрайний,
но конечный свет...

ТАИНА

Святая
тайна мировая...
И человек пред тайной той
стоит веками, задавая
все тот же все
вопрос простой...
И будущая, и былая
ночная вечность сотни лет
вдали мерцает, высывая
один и тот же все
ответ...

Сергей МАКАРОВ.

Фото
Сергея ВЕТРОВА

На одном из последних фестивалей мод во Франции неожиданный успех имели сетчатые сумки, идею которых тамошним дизайнерам «подсказали»... наши авоськи. Сметливые изобретатели дополнили их непрозрачным пакетом (чтобы в отличие от авосек не бросалось в глаза содержимое). Так не вернется ли к нам спустя какое-то время уже из-за границы эта простая практичная вещь, как это произошло, например, с женскими сапожками или стегаными ватниками-телогрейками?

Шапки-кубанки, буденовки, отнюдь не советские футболки с советской символикой имеют сейчас успех на Западе. Говорю это вовсе не в укор нашим модельерам. Речь о другом. В мировой моде, в мировом моделировании необычайно высока цена идеи. Пусть и заимствованной, но, как правило, переосмысленной к потребностям времени и, что очень важно, поставленной на поток, широко разрекламированной.

Идей и у наших художников много, талантливые люди среди них не ревельсь. Подтвердил это и первый

Всесоюзный фестиваль мод. Слово «Всесоюзный» выделяю с радостью: мастера из многих республик получили возможность показать в Москве на подиуме универсального спортивного зала «Дружба» свои лучшие работы. Трехдневный парад коллекций еще раз подтвердил, что в идеях, свежих, нестандартных, оригинальных, недостатка нет. А вот слово «первый» вызывает вовсе не восторг, скорее сожаление. Потому что подобные смотры раньше в Москве не проводились, если не считать прошедший почти два десятилетия назад международный фестиваль мод, где советская коллекция была представлена далеко не в полном объеме.

Двадцать шесть крупнейших моделирующих организаций приняло участие во Всесоюзном фестивале. Изумительной красоты трикотаж и свадебные платья киевлян, спортивные комплекты из Кемерово (редакция «Смены» отметила их специальным призом), смелая экспериментальная коллекция ленинградцев и на высоком уровне выполненные модели из Белоруссии, прибалтийских республик вызвали аплодисменты и специалистов, и зрителей неискушенных. Зал приветствовал прежде всего авторов моделей, многих из которых увидели мы едва ли не впервые и имен которых в отличие, скажем, от Кардена, Сен-Лорана

мы почти не знаем. Москвичи Надежда Федоскина, Татьяна Осьмеркина, Александр Игманд, Тамара Бобкова, Алевтина Мендыбаева, киевлянки Мария Пашицкая, Лариса Булдакова, Лидия Авдеева, рижанка Ингрид Дразнице — все они отмечены дипломами фестиваля. Более тридцати авторских коллекций — а за каждой из них яркая индивидуальность, самобытный художник — было представлено на суд жюри.

Я разговаривал со многими участниками фестиваля, и все они были единодушны во мнении, что такие смотры очень нужны и проводить их нужно регулярно. Обмен идеями, даже фантастическими, необходим, без этого художник жить не может. Но модельер в отличие, скажем, от живописца или скульптора заинтересован еще и в том, чтобы работа его тиражировалась, не оставаясь в единственном экземпляре, чтобы радовала она возможно большее число людей. Алексей Корешков, художественный руководитель Киевского Дома моделей трикотажных изделий, в беседе с журналистами сетовал, что свои изделия Дом имеет возможность выпускать только малыми сериями и купить их нигде, кроме как в фирменном магазине. И это при том, что часть коллекции приобретена итальянцами, главными поставщиками трикотажа на европейский рынок. Разрыв между возможностями художника и возможностями устаревшего оборудования промышленности все растет.

Ну разве не горько художнику, что

его разработки ставятся на поток только через полтора-два года — именно столько времени требуется, чтобы уже одобренную модель оснастить лекалами, подготовить документацию, передать ее на швейную фабрику. Авторские права у художников минимальные, и очень часто то, что выходит с фабрики, бывает мало сравнимо с замыслом художника — блеклая ткань, упрощение кроя, просто некачественное исполнение губят идею.

В дикторском комментарии, которым сопровождался показ коллекций, не раз говорилось, что семьдесят, восемьдесят, а то и девяносто процентов показанных изделий будет выпускаться чуть ли не в будущем году. Заверения в этом давали и ответственные руководители Министерства легкой промышленности СССР, которое — честь ему и хвала — было устроителем московского фестиваля.

...Во время сводного показа коллекций, которым завершился фестиваль, звучала песенка с немудрящим припевом:

Модный магазин —
мир загадок.

Модный магазин —
в нем сбудутся мечты...

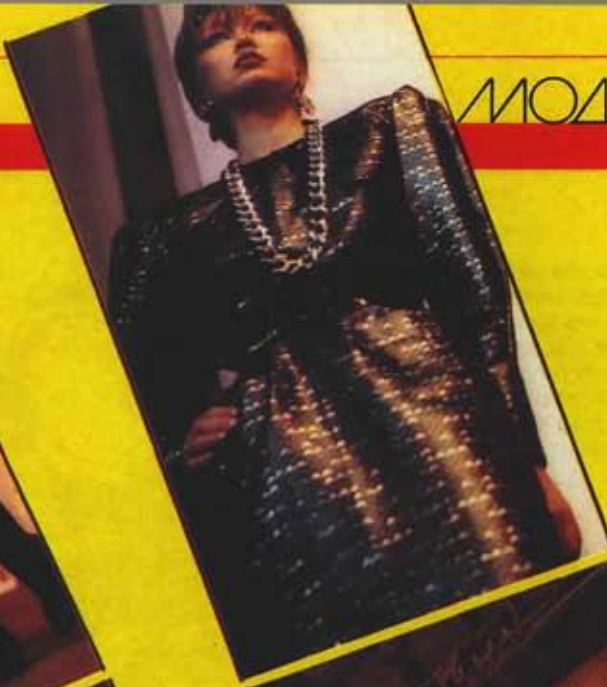
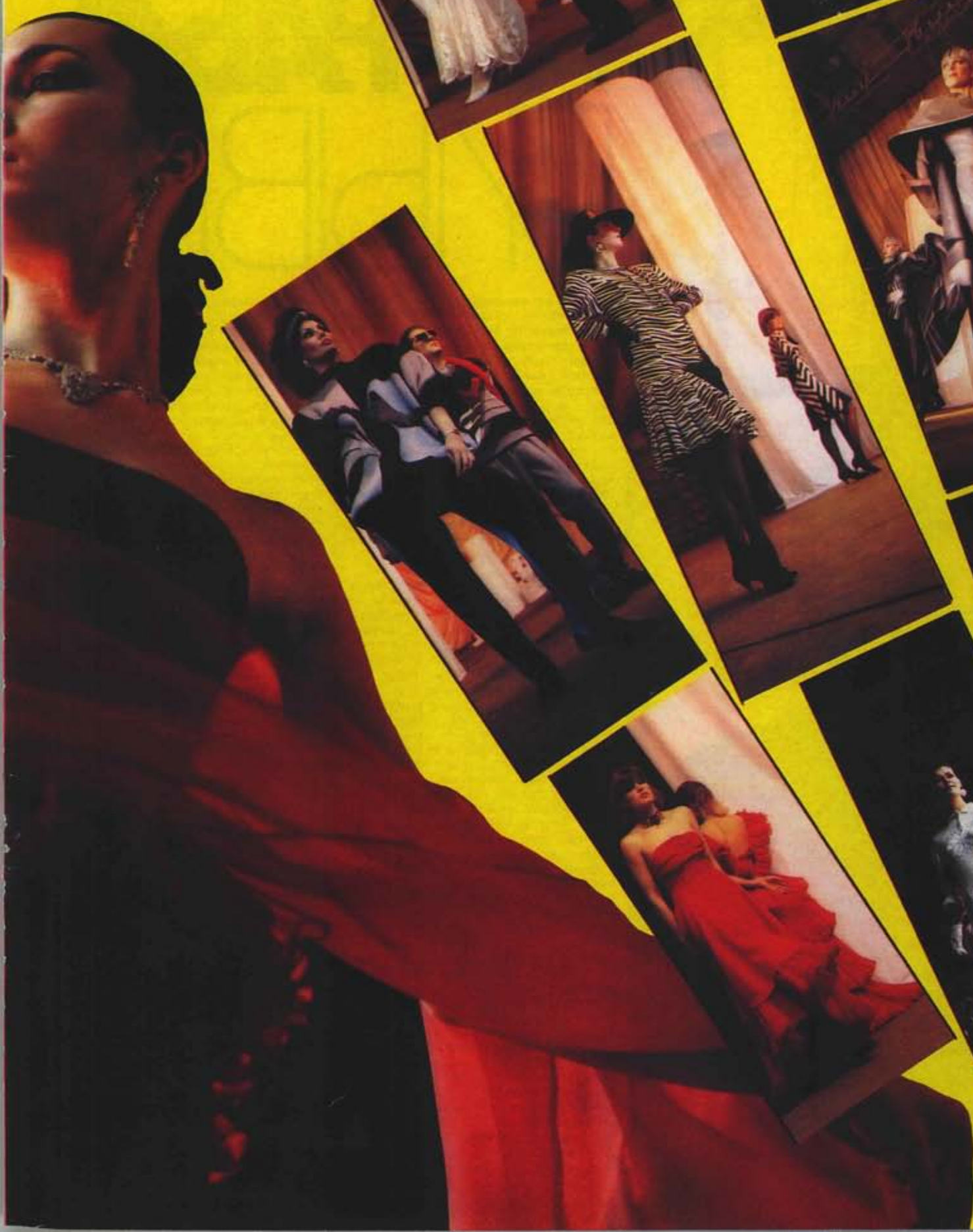
На следующий после закрытия фестиваля день был я в универсаме, искал костюм, в поисках которого обегал уже пол-Москвы. Подходящего размера опять

МОСКВУ
ИЩУ
СВОЮ
ДАВАЮ

не оказалось...

Придет ли время, когда модный магазин перестанет быть миром загадок? Когда вакуум между прекрасными идеями художников и той продукцией, которая попадает на прилавок, будет заполнен.

Заполнен отличными советскими товарами.

Мы продолжаем разговор о театре. И вот новое, интересное событие театральной жизни — режиссер Сергей Яшин стал недавно главным режиссером Московского драматического театра имени Гоголя. Совсем не просто руководить большим творческим коллективом. Нужны идеи, которые увлекут

и объединят людей. Какие идеи? Нельзя забывать и о том, что театр носит имя великого русского писателя Николая Васильевича Гоголя, значит, его эстетика, его репертуар должен быть особым — каким? А проблема зрительного зала, лишенного молодого зрителя? Ее тоже надо решать — как? А молодые

актеры, режиссеры, голоса которых необходимо услышать сегодня, сейчас... И вообще, за что мы продолжаем любить театр и как сохранить, не потерять театру нашу любовь — об этих проблемах и размышляет в беседе с корреспондентом «Смены» Андреем Кучеровым новый главный режиссер.

Фото Владимира Владимирова

КОРАБЛЬ ПЬИВЕТ

— Итак, вы возглавили театр, о котором нельзя сказать «благополучный», театр, не избалованный вниманием зрителей и прессы. Что уж греха таить, по отношению к нему сложилось какое-то даже привычно-снохотительное отношение, и многие — я с этим сталкивался — просто не знают, где театр Гоголя находится... Словом, Сергей Иванович, с вашим назначением связаны надежды на более интенсивное, интересное развитие этого коллектива, на появление новых, «шумных» спектаклей, на то, что театр обретет свое оригинальное лицо, черты которого, на мой взгляд, несколько размыты...

— Я бы не хотел уже сейчас декларировать какие-то идеи: сначала их надо хорошенько выносить. Программа театра? Его направление? Ну, прежде всего это спектакли, авторы и круг тем, которые волнуют общество. И тут я бы вот о чем хотел сказать. Нынче для творчества создаются новые условия. Мы познакомились с замечательными фильмами, книгами, нас удивляют телевизионные передачи, мы вдруг с удивлением обнаружили, что даже газетная или журнальная публикации могут увлечь и взволновать не меньше хорошего фильма или интересной книги. На нашем общественном «корабле» стало светлее. На нашем «корабле» стало интереснее жить. А главное, становится все понятнее, — куда плывем и зачем, проясняется и смысл плавания, и цель его, крепнет и вера в него. Это удивительное и прекрасное состояние, когда ты принимаешь участие в начинаниях. А когда чуть ли не каждый день приносит новые начинания — это уже богатство. Но начинания требуют смелости. Начинания требуют поступков и позиции. Важно и другое. Уделяя огромное внимание экономическим преобразованиям, размышляя о том, как сделать нашу страну лучшей страной в мире, — а на меньшее и замахиваться не стоит, мы не должны забывать о главном — о душе человека. Тут, наверное, проходит основная артерия перестройки. И тут, наверное, требуются самые хрупкие ее инструменты — осторожность, доброта, любовь, терпение... Не последнюю роль в этой кропотливой, долгосрочной работе призван

сыграть театр, предназначенный дарить человеку надежду, способный «близко» говорить о сокровенном и высококом, способный высветлить идею и ответить на серьезнейший вопрос нынешнего времени: во что же мы верим? А отвечать надо. Просто необходимо. Созидание должно быть целесообразным, одухотворенным, иначе оно бессмысленно.

В театр всегда приходили люди, которые испытывали большую внутреннюю потребность в общении с искусством сцены. «Массовой культурой» театр не становился никогда. Так и сегодня: к нам идут люди, в подавляющем большинстве своем понимающие и знающие театр. Естественно, мне бы не хотелось, чтобы наш зал пустовал. Идеально, если к нам будут приходиться те, кто хочет найти интересного, умного собеседника, соучастника в какой-то игре — ведь именно сцена дает возможность сотворчества, возможность зрителю «поиграть» вместе с актерами. Конечно же, театр имени Гоголя на новом этапе должен обрести свое лицо — тут вы совершенно правы. Только не надо мои размышления воспринимать так, будто я ругаю своих предшественников: дескать, до меня все было плохо, а теперь будет хорошо. Это не так. У нашего театра замечательная история, полная и побед, и поражений, как, наверное, у каждого живого коллектива. И то снисходительное отношение к театру, о котором вы говорили, кажется мне неверным и неоправданным, отдающим излишним снобизмом. У нас есть спектакли, пользующиеся у зрителей настоящим интересом, и есть, что называется, провальные. В ближайшее время мы задумали провести социологическое исследование, хотим пригласить опытных людей, специалистов, которые попытаются определить, что есть театр Гоголя в географии Москвы, что ставят театры, находясь в таком же географическом положении, например, в Париже или Лондоне. Местоположение театра все же диктует свои неписанные законы, хотелось бы их понять. Конечно, я много думаю о завтрашнем дне коллектива и знаю, что работа предстоит кропотливая и долгая. Встречаясь с труппой, я говорил: не ждите быстрого результата и, более того, у нас может ничего не получиться — я далек

от самонадеянности... У меня есть опыт работы в Центральном детском театре, театре имени Маяковского, в Новом драматическом театре, в театре на Малой Бронной, в ленинградском БДТ имени Горького. После окончания института я поставил около тридцати спектаклей, и в то же время я многого не знаю. Пожалуй, это единственное, что я знаю точно. Одно дело ставить спектакли в разных театрах, и совсем другое — быть главным режиссером одного. Тут уже огромная ответственность за большую семью, где есть свои бабушки и дедушки, своя молодежь, свое среднее поколение. Мне кажется, что коллектив у нас очень интересный, стремящийся к движению, жаждущий работы. И это уже для меня серьезнейший аванс, который я обязан оправдать. К тому же мое назначение обусловлено желанием коллектива театра, это их инициатива, и я постараюсь сделать все возможное, чтобы не обмануть доверия людей.

— Чего бы вам хотелось избежать, оглядываясь на свой опыт режиссерской работы? И как вы считаете, чутко ли наш театр к процессам, происходящим в обществе? Заботится ли он о своем завтрашнем дне? И от чего зависит этот завтрашний день?

— Быть может, от того, сможем ли мы сегодня найти, не спугнуть и выразить то новое, свежее, что пробивается под ветром перемен. Сможем ли мы, шагая широко, оглянуться или посмотреть под ноги. Ныне много ростков — новый человек, новая идея, смелый эксперимент, дерзкая мысль... Завтра их будет еще больше. Рост их зависит от нас. И рост этот в основном молодой. Словом, завтрашний день театра во многом начинается с внимания или невнимания к молодежи. Творческая молодежь просит слова. Услышим — значит, не будем краснеть и разводить руками. Поддержим — значит, поддержим самих себя. Конечно, это требует мужества и мудрости, терпения и настойчивости. Гораздо легче, похлопывая молодых по плечу, снисходительно приговаривать: «Давайте, давайте...». Труднее дать. Но надо. А иначе пройдут годы и мы будем ностальгически вздыхать: «Ах, эти восьмидесятые...». Как вздыхаем сейчас: «Ах, эти шестидесятые...». Урок уже есть — десятилетия транжирства в отношении молодых. Из тех самых «шестидесятых» пришли немногие. А их могло бы быть больше. Гораздо больше — уверен. И, возможно, не переживал бы наш театр такой серьезный кризис, как сегодня. И, возможно, не было бы такой растерянности от вопроса, кто придет на смену нынешним мастерам театрального дела. И, быть может, не стояла бы так остро проблема зрительного зала, лишнего молодого зрителя. Я свято верю в слова Немировича-Данченко, который говорил, что без притока молодых сил театр неминуемо гибнет... В этом многолетнем «не притоке» главная, на мой взгляд, причина тяжелой прощупки театрального дела. И не в глубинах ли театров берет начало недоверие к молодым? Не оказывает ли пагубного влияния на их рост и самостоятельность атмосфера, царящая в коллективах? А, может, подчас мы просто боимся, когда рядом кто-то лучше и талантливее нас? Самокритика — очень достойное качество. Поэтому давайте спросим каждый себя — кого я веду на смену? Что делаю для этой смены? И что не сделал до сих пор? Молодой художник, если его не поддержать вовремя — советом, вниманием, начинает прорываться сам и часто тратит все силы на этот прорыв. Прорвавшись, понимает: исчерпался, устал, душа, как пепел. Кстати, пользуясь случаем, хочу сказать самые

теплые слова в адрес самых разных людей, «сгоревших» на прорыве. Они сделали великое дело — их «бикфордово» горение закончилось взрывом. Вряд ли многие из них воспользовались результатами, повторяю, на это ушли силы. Но на их упорстве и молчании зазвучали голоса других. Страшно, если эти зазвучавшие голоса начнут фальшивить. И стыдно. А вспоминая свой опыт работы и отвечая на вопрос, чего бы мне хотелось избежать, скажу так: скоропалительности. Во всем. Естественно, что лицо театра формирует его лидер, но мне бы хотелось, чтобы мы с коллективом думали сообща. Конечно, я буду стремиться увлечь труппу своими идеями, хотя мы можем по-разному оценивать жизнь, но в чем-то главному хочется найти точки пересечения. И еще мне кажется, что сейчас, после критического осмысления прошлого, должна начаться другая тенденция — тенденция открытий и соиздания. Не начать бы ходить по кругу... Да, я согласен с тем, что многие идеалы были разрушены, но ведь нельзя жить без надежды. А в театр — я глубоко в это верю — люди приходят за надеждой, за верой. Нет, мы не должны приукрашивать действительность и рассказывать людям сказки. Но надежда... Именно за нее благодарен театру зритель. И очень хочется дарить ее спектаклями. Очень. И еще хочется вернуть театру имя Гоголя. К сожалению, оно действительно не имеет прямого отношения к театру. И дело не только в спектаклях по пьесам писателя. Важнее, на мой взгляд, другое — его мироощущение.

— Сергей Иванович, и снова мне хочется вернуться к проблеме проблем современного театра — его молодому зрителю. Думаю, что, привлекая наших юных граждан в театр, нельзя забывать о создании условий для творческой работы молодых актеров и режиссеров. Ведь бесспорно, что представители одного поколения могут быстрее найти общий язык.

— Совершенно очевидно, что самостоятельность или несостоятельность нашей творческой молодежи можно проверить, только представив им самостоятельность без оговорок и страха за ошибки. Кстати сказать, ошибаться можно и нужно только в молодости, именно в молодости. И даже чем больше, тем лучше. Слишком велик в этом возрасте накал душевных сил, а путь к истине, как известно, извилист, и тупиковая ветвь дает возможность понять, как развиваться дальше. Молодым для творчества нужны самые простые условия: сценическая площадка, элементарная световая аппаратура. А жить или не жить молодому коллективу — решит зритель. Возможно, некоторые студии вырастут в профессиональный театр, но это совсем не обязательно. И ни в коем случае не надо ставить такой задачи. Рождение нового театра из студийного коллектива — процесс совершенно естественный. Так должно быть. Сначала надо доказать себя творчески, потом уже думать об оформлении организационном. Превращение студии в профессиональный театр требует кардинальных изменений, и происходить они могут, только если эстетический потенциал студийного коллектива настолько высок, что он может выдержать переход к производственному режиму без художественных потерь. Поэтому подавляющее большинство студий требуют поддержки и внимания к себе, именно оставаясь студиями, свободным объединением людей, естественно возникающим, но так же естественно распадающимся. И еще, студийное движение — дело, как правило, людей молодых. Отраднее и очень важно, что молодежь идет в студии. Причем идет гораздо охотнее,

нежели в наши «солидные» театры. Почему так? Да, наверное, потому, что студийные коллективы обладают притягательностью более мобильного и современного зрелища. У этих спектаклей особая, вольная атмосфера, как бы «плотно притертая» к тому, что происходит в жизни, словно впитавшая и стремительность жизненных ритмов, и непредсказуемость уличной толкотни, и сложность современных взаимоотношений, и иронизм последних десятилетий века. У студий часто можно видеть «свой» зал, именно в студиях возрождается понятие единомыслия: ведь в зале и на сцене ровесники, тут вы абсолютно правы, они быстро договариваются, они без труда понимают друг друга, у них общие взгляды на жизнь, ее ценности, между ними доверие. Поэтому, мне кажется, особенно ценно, когда студия становится своего рода районным клубом, местом, куда всегда и запросто можно прийти, местом, восполняющим тот самый дефицит общения, о котором мы так сегодня печемся. И тем более важно появление такого «клуба» в отдаленном городском районе, отрезанном от культурной жизни города. На сегодняшний день студийное движение развивается стихийно. К сожалению, слишком мало возможностей для изучения и сравнения деятельности театров-студий. Специальные театральные издания почти не уделяют им внимания. Периодическая печать от случая к случаю кидает взгляд на эту «территорию». И студии лишаются, по-моему, необходимого внимания специалистов, лишаются рекламы. Пора «наводить мосты». Теперь — чуть подробнее о молодом зрителе... Как мы уже выяснили, у студий молодой зритель есть. В театр имени Ленинского комсомола идут, и в театр Маяковского... то есть успехом пользуются коллективы, чутко улавливающие время. Другое дело, что часть нашей молодежи мало во что верит, но тут, по-моему, дело не в театре или кино, а во всей совокупности нашей жизни. Давным-давно, когда я ставил в ЦДТ спектакль «В дороге» по пьесе Розова, он как-то сказал, что мы потеряли доверие молодых «во всеобщем масштабе». Уже тогда Виктор Сергеевич пытался забить тревогу. Мы перестали слышать и понимать наших молодых сограждан. Однажды мы разошлись с ними в разные стороны, а потом стали развиваться параллельно, как два независимых, суверенных государства. Поэтому сегодня нам нельзя не учитывать их потребности, нельзя не изучать их. Мне думается, не надо во что бы то ни стало пытаться ими руководить: не откликнутся, не получится, только еще больше уйдут в себя и свои комплексы. Например, вряд ли стоит просто «отбрыкивать» их увлечение роком, пытаться бороться с этим увлечением путем запретов — они вернуться в подвалы и приобретут еще большее влияние на сознание своих сверстников. Мне кажется, гораздо важнее понять, почему именно рок — их религия, а еще важнее — и это уже вторая ступень, если уж и возникает желание бороться с роком — предложить что-то взамен. Изучение спроса — дело полезное.

— На мой взгляд, вы абсолютно правы. Мне даже вспомнилось, как, размышляя о «Бесах» Достоевского, Марк Захаров обронил однажды интересную фразу, он сказал, что с Петром Трофимовичем Верховенским нужно не столько спорить, сколько ИЗУЧАТЬ его, хотя бы для того, чтобы бороться с ним и его философией на равных. А ведь Верховенский — это целая идеология, точнее — идеология целого поколения. Так что рок-движение действительно нуждается в самом пристальном изучении... А теперь, Сергей Иванович,

давайте попробуем провести своеобразное блиц-интервью: быстрые вопросы и быстрые ответы. Итак: часто ли вы отрываетесь за кулисами от того, что «произносите» со сцены?

— Никогда не отрываетесь и не отрываетесь. Это безнравственно. Совсем не значит, что у меня не было плохих спектаклей, были просто неудачные, но каждый из них я делал искренне и в каждом старался выложиться до конца. И никогда не отрываетесь даже от своих жутчайших провалов.

— Чье мнение о вашей работе наиболее значимо для вас: зрителя, критика, родственника, коллеги?

— Всегда жажду мнений всех названных... Но, наверное, дороже всего — зрительный зал. Больше всего я боюсь пустого зала, все остальное можно переболеть, передышать, но когда зрители уходят во время действия... ужас! У меня так складывается жизнь, что со мной критики не очень церемонятся, меня могут лягнуть походя, но я согласен считать, что и походя — за дело.

— Кто из режиссеров, по-вашему, больше других влияет на развитие нынешнего театрального процесса?

— Активно влияют Захаров и Васильев. Они резко поднимают планку, и все мы — лично я точно — стараемся подтянуться к этим рубежам.

— Только честно: ради чего вы работаете?

— Нет, не из-за денег. Скорее меня толкают эгоистическое желание высказаться самостоятельно плюс потребность создать свою компанию вокруг дорогой и близкой мне идеи.

— Что вам больше всего не нравится в самом себе?

— Нетерпение, вспыльчивость, занудство, эгоцентризм. Я с этими качествами старательно борюсь, и иногда весьма успешно. И опять же я очень благодарен критике, которая без конца, планомерно и радостно напоминает о моих недостатках, анализируя мои спектакли.

— О чем я вас не спросил?

— Наверное, о том, что я собираюсь ставить в ближайшее время.

— Это важно. Придется спросить. Так что вы собираетесь ставить в ближайшее время?

— Мне очень близок немецкий писатель Ульрих Пленцдорф. В Центральном детском театре я ставил в свое время спектакль «Новые страдания юного В.» по его киносценарию, и моя ближайшая постановка — пьеса «Легенда о счастье без конца», которая с большим успехом идет в ГДР. У нас она никогда не шла и переведена на моем участии только недавно. Я не раз встречался с Пленцдорфом и счастлив продолжать с ним творческую дружбу. Анна Родионова, драматург, сценарист, написала для нашего театра пьесу, которая называется «Трамвай Аннушка». Давно я мечтаю поставить пьесу Артура Миллера «После грехопадения», и сейчас по моей просьбе Алексеем Симоновым сделан новый перевод пьесы. Мне кажется, что пьеса — одна из вершин мировой драматургии. Если многие писатели говорят, что выросли из гоголевской «Шинели», то, на мой взгляд, многие наши драматурги выросли из «Грехопадения...». Она написана 20 лет назад. Имела огромный успех в Европе и провалилась в Америке: американцы решили, что Миллер покушался на их идеал — Мерилин Монро. Наш зритель вообще очень плохо знаком с драматургией Миллера. Хотелось бы заполнить этот вакуум... И главное, говоря о перспективах, мне бы хотелось много работать. С утра до вечера и снова с утра до вечера. Есть хорошее слово «пахать». Так вот, хотелось бы «пахать», и чтобы не мешали. Тогда только будет дело.

“МЫ ВМЕСТЕ” — ПОЕТ КОНСТАНТИН КИНЧЕВ. НО ТАК ЛИ ЭТО?

Фото Евгения Матвеева

Я люблю музыку. И кино. Не всякую музыку и не любое кино, однако ни разу не ушел с сеанса или концерта, терпеливо ожидая (часто впустую) дельный кадр, красивый звук. Не потому, что «уплочано», просто привык доверять тем, кто делает искусство, и всегда убеждаю себя: если отснято, написано, спето, значит, как заметил Маяковский, это кому-то нужно. И стараюсь понять: может, мне?

И вот эта странная, другого слова не найду, картина «Взломщик». Ее авторы явно рассчитывали взломать не столько существовавшие некогда запреты на «подпольный рок», сколько устоявшиеся представления о том, «каково быть молодым», и навести основательного шороха.

Только вот фильм Ю. Поднякса «Легко ли быть молодым?» сенсационен нестандартным взглядом, непривычным подходом и оценкой, а «Взломщик», хоть и очевидна установка на сенсацию, обернулся пшиком, перефразировав Шекспира: много шума, а ничего.

Шума там и в самом деле хватает: децибелы неистовых аккордов, визг толпы, грохот крушащегося стекла. Все эти «эффекты» нанизаны на простенький сюжетик: старшего брата обстоятельства подталкивают к краже синтезатора, а младший, дабы не подставить горе-музыканта, сам крадет эту дорогую во всех смыслах вещь.

Картина поверхностная: похоже, у ее создателей глаза разбегались, какую бы «чернуху» на свет божий вытащить, чтобы набрать побольше «вистов». Есть там такие кадры: публика вопит в лицо герою: «Лажа!» Это про фильм...

Дело не в том, что нет естественных мостиков от одного эпизода к другому, а в конце концов отсутствие связей можно отнести к режиссерской находке, но бьет по глазам обнаженный расчет на ажиотаж вокруг «запретных» групп, прежде всего — пресловутой «Алисы» во главе с Константином Кинчевым, исполняющим главную роль в фильме.

Послушайте, разве это кому-нибудь нужно? Такие фильмы пригодны только самим музыкантам для рекламы. И горстке одуревших почитателей подвальных мелодий. Настоящим музыкантам фильм может пригодиться только в качестве пособия «как не надо». Моя воля, я бы снабдил афиши фильма пометкой: «Дети до 15 лет допускаются, но любящим музыку смотреть не рекомендуются!»

Музыка — вот основное действующее лицо фильма, как бы ни лез из кожи «артист» К. Кинчев. Так себе музычка, нечто среднее (очень среднее!) между давно вышедшей из моды Ниной Хаген и Билли Айдолом, последний всплеск популярности которого последовал за сообщением о его заболевании СПИДом. Хотя... мелодии и аранжировки — на втором месте; Кинчев понимает, что выше головы не прыгнешь и отыгрывается в текстах: «Я умею читать в облаках имена тех, кто способен летать». К таковым руководитель «Алисы», само собой, относит собственную персону, это читается в каждом жесте, каждом его движении.

И тем горше видеть, что пластиночки с примитивными кинчевскими виршами лежат на прилавках магазинов, а той же «Машине» потребовалось 15 лет, чтобы к ним пробиться. Получается, что «Алиса» пришла на готовенькое, к тому пирогу, который с таким трудом выпекался на рок-кухне.

Мне кажется, Кинчев и «Алиса» — из породы нуворишей от искусства. Богачи, неведомо на чем разбогатевшие в одиночку.

Уверен, что эта группа и прочие «подпольщики» выдержат открытой конкуренции на широкой сцене с нашими лучшими группами, отличающимися и техникой игры, и артистизмом, и настоящим вкусом: «Машиной времени», «Рондо», группой Стаса Намина или хотя бы с нашим ленинградским «Форумом».

...Конечно, уместнее мне было бы написать в «Советский экран», но... Во-первых, «СЭ» распирает от гордости, что после поавления раскрашенной физиономии Кинчева на обложке редакции завалили восторженными письмами типа «ух ты!». Ну, а во-вторых, я заметил, что «Смена» никогда не руководствовалась конъюнктурными соображениями в оценке солистов и ансамблей. А вообще-то я решил написать потому, что люблю кино и музыку.

Александр ЛЕВИЕВ

P. S. Знаю, что к моему мнению присоединятся тысячи других зрителей и слушателей, иныче бы не взялся писать.

Константин Кинчев. Это имя буквально ворвалось в фонотеки, выплеснулось на газетные полосы, на киноэкран и в рекордно короткий срок завоевало неприступно сдержанную фирму «Мелодия». Пластинки группы Кинчева «Алиса» раскупаются с еще большим успехом, нежели билеты на фильм «Взломщик», где вокалист «Алисы» играет главную роль. Роль лидера рок-группы. И хотя Костя убежден, что не во всех ситуациях повел бы себя как герой картины (которого тоже, кстати, зовут Костя), успех «Взломщика» объясняется прежде всего редким исполнительским мастерством Кинчева, которое есть следствие идеального «знания темы».

«Алису» основал в 1984 году ленинградский басист Святослав Задерий (потом он собрал другую группу под названием «Нате»). В год основания «Алисы» москвич Кинчев записал свою первую сольную работу «Нервная ночь» при помощи музыкантов известного бит-квартета «Секрет». Тогда ни он сам, ни его будущие аккомпаниаторы из «Алисы» (гитарист Андрей Шаталин, басист Петр Самойлов, клавишник Польшан Кондратенко и барабанщик Михаил Нефедов) не думали, что через пару лет станут самым популярным молодежным ансамблем.

Составные этой неординарной, еще не до конца осознанной музыкальными критиками популярности — качества лидера группы. Артистизм, бесспорный вкус, собственный сочинительский дар, подбор тем, всегда «в десятку», главная из них — тревожно звучащая последнее время тема раздельности поколений. У Кинчева своя пластика, лексика, фонетика. Молодому приятно и лестно отождествлять себя с красивым, мужественным, «уверенным в выбранной цели» певцом. Его песни притягательны тем, что прикирляют — это при всей их внешней агрессивности — подростков-радикалов, обожающих шумный «забой» и слушателей думающих, воспитанных на «Аквариуме». Ведущие рокеры как минимум с интересом относятся к Кинчеву, при том, что он весьма критично относится ко всем рок-авторитетам.

В ленинградской «Алисе» — без счета сходства с крошечкой Алисой из сказок-снов, если рассматривать ее приключения тем способом, которым она читала книги в «Зазеркалье», — прислонив к зеркалу. У Кинчева абсурд мироздания не смешон, как у остроумного англичанина, а тревожен («Нас нельзя изменить, нас можно только уничтожить!» — отчаянно кричит во мглу герой «Взломщика», фильма, которому на Венецианском кинофестивале присуждена спецпремия Международной федерации кинопрессы). В Эдем детской беззаботности ленинградская группа приглашает через ворота ада (их новая пластинка называется «БлокАда»). Если Зазеркалье Кэрролла было населено забавными и безобидными существами типа Шалтай-Болтай, то песенный мир «Алисы» страшноват своими Соковыжимателями и Экспериментатором. У Кэрролла ощущается вневременность, а у музыкантов — четкая привязанность к своему времени. Их бескомпромиссность не укладывается в схемы предварительных уговоров о предстоящей драке между близнецами Труляля и Траляля. И даже такой неподкупный критик, как Чешырский Кот, согласился бы, что музыку «Алисы» можно принимать или нет, но отказать им в праве на сатиру, уминый фарс и пародию, призванную через иррациональное точнее взглянуть на самих себя, невозможно. При всем желании нравиться, при всей манерности Константин Кинчев остается самым заметным актером на нашей рок-сцене.

Евгений ДОДОЛЕВ

ОТ РЕДАКЦИИ:

Мы не случайно публикуем два мнения об одном и том же явлении. Думаем, что и другие читатели «Смены» захотят высказаться о проблемах, которые затрагивает Александр Левиев. А поразмышлять хотелось бы не только о фильме «Взломщик», вызвавшем самые разноречивые оценки в молодежной киноаудитории, но и попытаться подвести некоторые итоги бурной музыкальной волны, свидетелями которой мы стали в последнее время. Нам кажется, что настало время остановиться, перевести дыхание, осмотреться и заметить наиболее актуальные проблемы, определить лидеров музыкального процесса, понять, кто из них действительно творчески состоятелен, а кто «много шума и — ничего».

Надеемся, что читатели «Смены» будут объективны и доказательны в своих оценках. Учитывая мнения наших читателей, мы будем готовить следующие выпуски клуба «Музыка с тобой».

Георгий ВАЙНЕР

БЕС В РЕБРО

На удивление легко удалось мне разыскать Сашку Жигунова. Застала я его на месте по старому-старому телефону, а он меня сразу вспомнил. Узнал по голосу. То ли сделал вид, то ли действительно обрадовался.

— Привет, подружка дорогая! А ты больше не пишешь про нас, славных незаметных героев в серых шинелях? Не ходишь со мной в героические ночные рейды, все больше про искусство, про эстетику быта... Читаем, читаем иногда... Гордимся знакомством...

— Брось, Сашка! Я рада тебя слышать! Я думала, что ты уже давно начальник, в высоких кабинетах обретаешься... Я всегда была уверена, что ты станешь молодым генералом...

— Не выдумывай, подружка. Я для успешной карьеры слишком энергичный. Хлопоты бездельника обычно выше ценятся. А ты звонишь по творческим вопросам? Или кого-нибудь прописать надо?

— Повидаться надо, посоветоваться... У вас в отделении неприятная история произошла...

— Ирэн, голубка, и ты туда же? И ты за этих оборотов хлопочешь?

— За каких оборотов? — удивилась я.

— Да тут двум деятелям — Чагину и Шкурдюку — торец попортили прилично, так вся их гопа вокруг милиции голака пляшет... И ты их хочешь заслонить своей хрупкой девичьей грудью?

Я засмеялась:

— Нет, Сашка, не хочу я их заслонять ничем... Можно, я к тебе сейчас подъеду? Я как раз об этой драке тебя расспросить хотела...

— Ирэн, для нас внимание прессы — большая честь. Ты извинишь, что я не в парадной форме? Смотр частей надо все ж таки заранее назначать. В обстановке гласности — все имеющиеся сведения в вашем распоряжении...

— Хватит тебе куражиться, болтун несчастный! Я через полчаса у тебя...

Вошла к нему в тесный кабинетик, выскочил Сашка гибко из-за стола, легонько обнял за плечи, рассматривал в упор, поцеловал в щеку.

— Молодец, Ирэн! Держишь высокий класс...
— Саня, да и ты смотришься молодчиком...
— Ничего не поделаешь, — усмехнулся Жигунов. — Старому сыщику, чтобы держаться на плаву, надо следить за своей формой...
— Какой же ты старый, Саня? — воскликнула я. — Ты ж мой ровесник — тебе еле-еле тридцать три!
— Ха! — грустно развеселился он. — Человек-то я вроде бы молодой, а сыщик старый. В мои годы надо или уже быть начальником, или, как балерине, уходить из профессии...
— А чего ж ты не стал начальником, Саня? — допытывалась я бестактно. — Ты ведь человек яркий, крупный...
— Трудно сказать, Ирэн... Не получилось, как видишь... Не так гавкнул, не с тем вылез, не того за окорока прихватил... — Он вздохнул, и грусть его длилась одно мгновение, потому что махнул рукой с улыбкой. — Крупные люди, как динозавры, в первую очередь вымирают... А ты чего от меня хотела?
— Да я к тебе с этой дракой...
— А-а, битва с морячком! Устроил он им Синопское сражение, переходящее в Цусиму...
— А почему переходящее в Цусиму?
— Старый принцип — победитель платит за всё...
— Но ведь они были пьяные, и в конце концов это они пристали к Ларионову! — сказала я с досадой.
— Ага, понятно! — кивнул он. — Ты там была?
— Нет, — растерялась я.
— Угу... И я там не был... Так что будем опираться на факты, изложенные в документах. Три почтенных человека, ехавших в такси, подверглись нападению пьяного хулигана, который, вытаскив их из автомобиля, нанес телесные повреждения без расстройства здоровья, но со значительным ущербом для социалистической собственности в витрине радиоматериала. Зверский характер избиения подтверждают три свидетеля — прохожие, абсолютно посторонние лица...
— Но это все вранье! Они были пьяные, они влезли в его такси, они плюнули ему в лицо, ударили по голове бутылкой... — задохнулась я от злости.
— Па-анятно... — протянул Жигунов и ручкой почесал в затылке. — А он тебе кто?
— Кто — Ларионов?
— Ну да... Ларионов...
— Знакомый он мне!
— Хорошо знакомый? — допытывался Жигунов.
— Нормально... Давно во всяком случае, — неуверенно сообщила я, вспомнив рассказ Ларионова о нашем знакомстве на даче, о котором я навсегда позабыла.
— Ясененько, — покивал Жигунов кудрявой головой и постно сообщил: — Значит, так, старый твой знакомый Ларионов, бывший, можно сказать, пенитель моря, вдрюпался в большие неприятности...
— А почему это «бывший»? — взвилась я.
— Да потому, что я здесь моря в округе нигде не наблюдаю. Пенить нечего будет. А в Одессу, на ролкер на его, ехать ему будет невозможно...
— Интересно узнать, отчего так?
— Оттого, что он упертый, — грустно вздохнул Жигунов. — Ничем себе человек не может так жизнь затравить, как своей упертостью...
— А в чем его упертость?
— В чем? — задумался Сашка. — Как бы это тебе объяснить... Случилась с ним неприятность...
Заметив мой протестующий жест, Жигунов прикрикнул:
— Ты не спорь со мной, а слушай! Ты слушать пришла или мне про жизнь рассказывать? Я допускаю, что все рассказанное Ларионовым правда... Но это не меняет положения. С ним случилась неприятность. Вот как бы надел человек новенький костюм, вышел на улицу, а его грузовик проехавший окатил грязью из лужи с ног до головы. Горько и обидно — испорчен костюм, в гости не попал, и чувствуешь себя посмешищем на виду у остальных, грязью не облитых. Понимаешь, о чем говорю?
— Понимаю. Но его не случайный грузовик облил грязью, а хулиганы сознательно плюнули в лицо. Разница имеется. Не находишь?
— Нахожу, — кивнул Жигунов. — Но эта разница для домашнего разговора за чаем под розовым абажуром, вечерняя беседа о падении нравов. А лупить смертным боем граждан, которые себя неправильно ведут, никто Ларионова не уполномочивал... И ломать их наглыми мордасами витрины с чудесами электроники...
— Хорошо, Саша, может быть, ты и прав, — притворно согласилась я. — Но я бы хотела, чтобы ты объяснил: что надо было делать Ларионову в этой ситуации?
— Принять меры к задержанию нарушителей порядка, собрать свидетелей и, дождавшись прибытия работников милиции, препроводить своих обидчиков в отделение для надлежащего разбора уличного происшествия, — четко отработал Жигунов.
— Саш, ты смеешься надо мной? — тихо спросила я.
— Не-а, — помотал чубом Жигунов.
— А как же он мог их задержать, если они сидели в машине? И было их четверо, а он один? И милиция прибыла через пятнадцать минут после драки?

— Думаю, что не мог, — согласно покивал головой Сашка.
— Что же ему было делать?
— Согласиться с милостивым решением начальника отделения милиции считать их общую драку незначительным происшествием, уплатить четвертак штрафа и, низко кланяясь, сердечно благодаря, галопом чешать восвояси, — невозмутимо объяснил Сашка.
— Саша, что ты мне такое говоришь? — остолбенела я.
— Отвечаю на твой вопрос, что ему надо было делать, — пожал он плечами.
— Но ведь это срам! — заорала я. — То, что ты говоришь, это ужасно!..
— Наверное, — согласился Сашка. — Вот он сраму не допустил, теперь его будут катать ногами по навозу до посинения...
— Но почему? В чем дело, черт побери? Если ты понимаешь, что он не виноват...
— Одну минуточку! — прервал он меня. — А почему ты решила, что я это понимаю? Я готов тебе поверить потому, что знаю тебя, а ты знаешь его, а он знает, что ты знаешь меня...
— Ничего он не знает! — вскопчила я. — Он...
— Вот именно ничего он не знает! И знать не хочет! Его тут два дня угаваривали, а он как бык прет на ворота — возбуждайте дело, расследуйте, ищите!..
— А почему бы действительно не расследовать? — невинно спросила я. — Отчего бы вам не поискать? Не разобраться, что там на самом деле произошло?
— Спросила? — Жигунов смотрел на меня в упор. — Объясню! Мне надо пойти сейчас к начальнику безделья и сказать: «Я, как ваш подчиненный и безусловно принципиальный оперуполномоченный, выражаю вам недоверие в связи с поспешно принятым решением о передаче дела в надзирающий орган — прокуратуру. Вы обязаны, невзирая на некомплект пяти работников в штате, общую текущую мелочевку и пока еще не раскрытые на вашей территории два грабежа, три квартирные кражи, один поджог и угон автомобиля, сосредоточиться на выяснении вопроса: Шкурдюк первым плюнул в лицо Ларионову или Ларионов бросил Чагина в витрину!» Тебя устроит такое заявление? А, подруга?
— Можно то же самое и не так сказать, — по возможности мягко заметила я.
— Нет! — Жигунов резко рубанул правой ладонью левую, будто отсек ее, чтобы не мешала. — Нельзя! Я тебе могу в два счета аргументированно промотивировать и мотивированно проаргументировать, что начальник принял единственное разумное решение, передав это дурацкое дело в прокуратуру...
— А в чем разумность-то? — поинтересовалась я.
— А в том, что наш бесстрашный марсофлот избрал себе неплохих спарринг-партнеров для уличного боя — Шкурдюка, Чагина и Поручикова... — пожал плечами Жигунов.
— Чем же они так хороши, кроме способности пробить мордой витрину?
— Спросила? Отвечаю! Они хороши всем. Они прекрасные граждане. Их все в городе знают, их все уважают, они оказали массу услуг различным еще более уважаемым гражданам. Чагин — разрушитель витринной электроники — директор стадиона с детской спортивной школой, теннисными кортами, крытым бассейном и замечательной финской баней. Здоровенный лживый лошак, такой лицемерин...
— И что? — скрипнула я зубами. — Можно лицемерину хулиганить?..
— Нет, нельзя. Он и не хулиганил. Во всяком случае, ничего об этом не известно, а известно, что он стал жертвой неведомо откуда взявшегося хулигана. Не знает здесь никто твоего морехода! Чужак он здесь, а Чагина помнят как добрейшего и отзывчивого человека! Все нужные дети приняты в спортивные секции, все влиятельные толстуны играют на недоступных кортах, потом омываются в голубой чаше бассейна, а чресла их помнят негу чагинского массажа в парилке и хлебосолюство в предбаннике...
— И этого достаточно, чтобы безнаказанно плеваться людям в лицо?
— Во-первых, если даже поверить Ларионову, то плюнул не Чагин, а Шкурдюк... — заметил Жигунов механически.
— Какая разница?!
— Большая! Игорь Шкурдюк — просто «шестерка» при Чагине, жуликоватый человечек, которого бы я с наслаждением посадил года на два. Да руки коротки! — Жигунов поднял руки вверх и потряс, покрутил пальцами, демонстрируя их короткость. — Шкурдюк — трудный человек. По-моему, с ним действительно можно разговаривать только руками. Или ногами. Но доказать про него никто ничего не смог...
— А чем он занимается?
— Представитель «Союзаттракциона» в парке культуры. Он там держит все аттракционы и платные игры... Наваристая работенка — левые билеты, неучтенные клиенты, воруют все время монеты из кассоприемников на игровых автоматах. Он вообще шансовитый человек. Везунчик...
— Ну да, конечно, — кивнула я. — С Ларионовым ему особенно повезло...

— Конечно, повезло, — сразу согласился Жигунов. — Оба-двое виноваты. Ларионов даже виноватее, поскольку никто не видел, как Шкурдюк плюнул в него.
— А третий из них тоже не видел? — спросила я на всякий случай. — Он-то что говорит?
— Григорий Николаевич Поручиков всегда видит и говорит то же, что и Чагин, — вздохнул Сашка.
— Это почему? Друзья до гроба?
— Да ладно — «друзья!» — передразнил Жигунов. — Таких друзей за ухо — и в музей! Поручиков работает у чагинского тестя... у Барабанова...
— Это какой Барабанов — начальник «Главзеленострой»?
— Вот именно! Поручиков — начальник юридического отдела у всеильного Барабанова...
— А почему же он такой всеильный, Барабанов?
— А потому, что Иван Константинович дачные участки намечает к отводу и строит домики на них. А сейчас все хотят после работы тишины, пейзажного покоя. Так что дружба с Барабановым — до-о-орого стоит!
— Н-да-те-с! — протянула я растерянно. — Как же понимать, Сашка, все это? До правды не докричаться, что ли? Как ты говоришь: «всё схвачено»? Перекрыли они все звонками, банями, дачами? Можно по улицам бегать, людям в лицо плеваться, бутылками по голове стучать?
— Всё? — спросил он терпеливо, и лицо его выражало печаль по поводу моей глупости. — Ты все сказала? Теперь я. В твоих слезных криках — гнев по поводу бессилия милиции или паче того — подумать страшно — коррупционности нашей, постоянной зависимости от барабановско-чагинской мафии. Так?
— Ну, вроде этого...
— А это не так! Возможности у этих подонков действительно больше. Но все силы они приложили как раз для того, чтобы дело замаять. Не нужен им скандал! А Ларионов вопил как оглашенный, что они-де оскорбили его человеческое достоинство. Да одной тонкости не учел: закон — я повторяю, закон! — на стороне Шкурдюка и Чагина.
— Как это может быть?!
— Очень даже просто! То, что он их избил и раскрошил витрину, — безусловный факт. А свидетельствами о причине драки мы не располагаем, кроме показаний трех потерпевших и неубедительных возражений их обидчика...
— Значит, закон применен неправильно, — не согласилась я. — Вот ты мне скажи, Саш, какое у тебя личное отношение к этой истории? Ну, не должностное, а человеческое?
Жигунов снова рубанул ладонь в ладонь:
— Предполагается, что у меня такого раздвоения быть не может. Но тебе по старой дружбе скажу. Как профессионал я с самого начала видел, что дело это для Ларионова безнадежное...
— А как человек?
— Как человек-профессионал я хотел прекратить это дело дозволенными законом способами. Оштрафовали всех — и большой привет!
— Но ведь это было бы несправедливо!
— Опять двадцать пять! Вот и Ларионов, сидя передо мной на твоём стуле, вопил, что жизнь свою положит, коли понадобится, но докажет этим прохвостам: плеваться людям в лицо нельзя!
— А ты с этим не согласен?
— Я? Согласен. И начальник отделения согласен. Поэтому он посмотрел, послушал и передал дело в прокуратуру.
— Почему?
— Потому что ушучивать Ларионова он не хотел, но и ввязаться с этой гопой никак в его планы не входило... Прокуратура — орган надзирающий, там пускай по справедливости и расследуют все...
— Ясно, Саша, — кивнула я, помолчала, подумала, потом спросила: — А ты сам не можешь разобраться с этим делом?
Жигунов покачал головой:
— Нет, Ирэн, ты меня об этом не проси. У нас частных детективов нет. А у меня и так кафтан прожженный — два неснятых выговора за своеволие на мне болтаются...
Сочувственно посмотрел на меня и подчеркнито неофициальным тоном предложил:
— Хочешь — разбирайся сама. Что смогу, подскажу. Как говорится, ищите, женщина...
Лифт не работал. Горела красная лампочка светового табло, а вызывная кнопка не залипала. Металлически грохотали где-то высоко надо мной в гулком пенале шахты. Бедный Старик! Нигде так часто не ломается лифт, как в его подъезде.
Ша по сумрачной лестнице на пятый этаж, часто, с отвращением вдыхала стоялый, пыльный воздух, пропахший навсегда мусорными ведрами и мокрыми тряпками. Да и сумка тяжело оттягивала руку. Тяжелые сумки с продуктами была мелким оправданием — со своими невеселыми делами я постыдно запустила деда. Забыла о нем. Дед был всегда приметой благополучия, частью радости.

Я отперла своим ключом дверь, поставила в прихожей на пол сумку и услышала, что Старик говорит с кем-то по телефону. От старости он стал говорить немного невнятно, но очень громко. Как всегда, он говорил кому-то с большой страстью:

— Зачем, ну, скажи мне на милость, зачем тебе такая память, а не доброта сердца?! — Он тяжело, с присвистом вздохнул, и у меня кольнуло в сердце: я догадалась, с кем он разговаривает.

— Зачем бог дал тебе твердый ум, а не мягкую душу?! — патетически клокотал Старик.

Я сняла плащ и прошла на кухню. Старик по-прежнему не слышал меня. На плите кипел чайник, воды в нем уже было мало, от сотрясавших его паровых страстей он гудел и трясся.

— А чего тут понимать? — закричал Старик. — Это не мой сын разошелся с какой-то чужой женщиной, а, наоборот, моему самому любимому человеку причинили страшное горе! Ее сначала обманули, потом предали и бросили!..

И мне снова захотелось плакать. Я Старика не предала, но забыла. Почти одно и то же. Еще утром, намечая заехать к деду, я жила эгоистической надеждой на его помощь, совет, участие, а не совестливой необходимостью проведать и подкормить его.

Раздалось шершавое шарканье шлепанцев по паркету, и Старик взмолился в кухню. Не зашел, не появился — взмолился, очень высокий, очень худой, очень старый, простовато величественный, как архиерей на покое.

Увидел меня, и его расщепленное трещинами-каннелюрами коричневое лицо засветилось радостью и одновременно тревогой, он вглядывался подслеповато в мои глаза, пытаясь понять, слышала я телефонный разговор или нет.

— Ра, девочка моя, совсем стал я глухой тетерей... — неуверенно развел он руками, обнял за плечи и поцеловал в темя, будто огромная седая птица склонилась и легко клюнула.

— Не выдумывай, ты затеял игру в свою старость, как актер примеривает новый костюм, — сказала я, улыбаясь через силу, но говорила громко, потому что Старик стал совсем плохо слышать. — А меня не заметил потому, что говорил по телефону...

Он согласно покивал, потом как о чем-то незначительном сообщил:

— Когда мне звонит твой муж, я тоскую о том, что Эдисон, наверное, зря придумал эту штуковину.

— К сожалению, мне не приходится тосковать из-за этого — мне Витечка не звонит. — Я хотела сказать это с усмешкой, но и без всякого зеркала я знала, что усмешка у меня вышла вполне кривая. — Впрочем, я надеюсь привыкнуть. Человек к несчастьям привыкает...

— Нет, — покачал головой седого грифа Старик. — Человек не должен привыкать к несчастьям, они не имеют срока давности, неприятности в жизни не кончаются. Незаслуженная обида — это вечно свербящий струп на затянувшейся душевной ране...

Старик выражался громоздко, возвышенно, пугающе-сценически. Неуклюже, как трудно складывающийся деревянный штатив, уселся он на стул и, отворачиваясь от меня, глухо бормотнул:

— Давай чай пить...

По его щеке, избитой склеротическими багряными кляксами, ползла старческая слабосильная слеза. Деду исполнилось девяносто два года.

Нас связывают странные отношения. Старик мне вроде свекра, он Витечкин отчим. Отца своего Витечка не помнит: он покинул их с матерью еще до появления моего мужа на свет...

— Витечка! Витечка! — выкрикнул Старик так громко и неожиданно, что я вздрогнула. — Вот что случается, когда мужика до седой бороды зовут Витечка. Почему Витечка? Его зовут Виктор! Виктор Герасимович!

Впервые за все это время я от души расхохоталась: — А если бы я называла Витечку «Виктор Герасимович» — что, остался бы?..

— Не знаю, не знаю! — помотал Старик сердито головой. — Во всяком случае, его мать никогда не звала меня «Герасичкой», и я ни разу не пробовал уходить от нее. И не хотел...

Вот это наверняка. Старик усыновил Витечку, когда ему было два года. Может быть, тогда он еще был не настоящий старик, но, будучи почти вдвое старше Зинаиды Сергеевны, воспринимался, по-видимому, как человек старый.

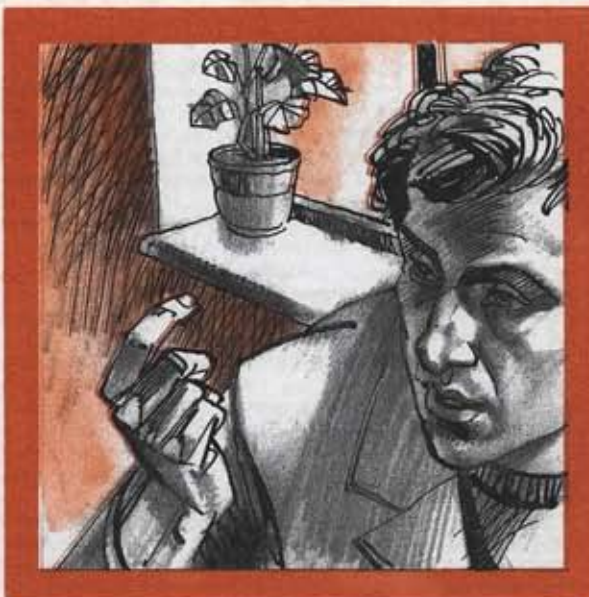
О, как молодо и ярко любил он ее всю жизнь!

А она любила всегда только Витечку.

Зинаида Сергеевна довольно терпеливо принимала поклонение Старика, более или менее мирилась с моим существованием, старалась не раздражаться от крика и гомона наших детей, своих внуков.

А любила по-настоящему она только Витечку — реализованный в миру ее человеческий и художественный дар.

Иногда мне хотелось поскулить, и я тихонько жаловалась Старика, а он шутя замечал, что нас с ним вяжут не родственные узы, а классовая солидарность угнетенных и подневольных. Правда, неволя любви

и гнет преданности — это сладкое бремя, та самая собственная ноша, что плеч не тянет, и мы легко находили утешение. Но все-таки вышло так, что меня он любил и дружил со мной больше, чем с Витечкой. Может быть, потому, что люди они были очень разные...

— Ладно, хватит об этом! — остановила я Старика. — Давай я приготовлю тебе что-нибудь очень вкусное! Заказывай, дед, на выбор, как в ресторане...

— Погоди, доченька, послушай... Я забуду, что хотел сказать... А это обидно, потому что упущенная мысль всегда кажется значительной. — Он засмеялся, и его неподвижное растрескавшееся лицо привычно затеплело. — Мне сегодня на рассвете приснилась Зина, и я подумал, что, наверное, скоро умру...

— Дед! Не говори так! Не хочешь этого слушать! Это злые глупости! — закричала я.

Он снова помотал головой:

— Ра, девочка, ты должна понимать, что в мои годы у человека должны быть серьезные отношения со смертью. Тут неуместно легкомысленное кокетство...

— И что, ты хочешь напугать меня надвигающейся Большой пустотой?

Старик зябко потер свои большие ладони мастерового человека, пожал плечами, грустно усмехнулся:

— Во мне появилась сентенциозность деревянского умника. Но я не считаю больше смерть пустотой. Она — часть жизни, пусть завершающая, концевая, но она часть нашего жизненного пути. Как бы это сказать? Смерть — финишная ленточка, не сорвав которую нельзя считать забег состоявшимся...

Я смотрела на него, и у меня замирало сердце. От долгих его лет кожа потемнела, полопалась и залоснилась, она протерлась до коричневых заплаток родимых пятен, он весь был безнадежно, необратимо стар. Как сильно он сдал за этот год! Он работал до последнего времени и имел репутацию лучшего зубного врача в городе. И ушел на пенсию, когда от рака буквально сгорела за три месяца Зинаида Сергеевна.

Он был настолько старше жены, что и мысли не допускал, будто может пережить ее. Однажды, это было давно, он сказал мне как бы шутя, что мечтает работать до последнего дня своего. «Я хотел бы умереть на работе», — говорил он с улыбкой, — у себя в поликлинике. Летом, лучше всего в августе, после долгого жаркого дня, сильно устав, прилечь на клеенчатую кушетку у себя в кабинете, задремать за чтением вечерней газеты и больше не проснуться...»

Но тогда это звучало совсем несерьезно. А сейчас я почему-то испугалась предстоящего разговора.

— Ты знаешь, Ра, я только сейчас, завершая свой путь, сформулировал для себя основной закон поведения в жизни нравственного человека...

Зазвонил телефон. Старик вздохнул, остановился, и я обрадовалась возможности прервать его, мне не хотелось слушать его разговоры о смерти, потому что я знала: он скажет правду.

— Погоди, дед, я принесу тебе аппарат...

А Старик крепко взял меня за руку.

Телефон в комнате надрылся, трезвонил, я боялась, что если не снять с него трубку, он разлетится от разрывающего его внутреннего напряжения на тысячу мелких болтиков и проводков.

А дед не отпустил моей руки. Пока последний взвизг, как металлический вскрик, не оборвал электрическую истерику телефона.

— Вот видишь, все кончается естественным путем... Так или иначе кончается... О чем же мы говорили?..

— Мы не говорили, а ты вещал, — сердито сказала я. — А я томилась от ощущения своей несчастью и желания получить совет.

— Какой тебе нужен совет? — Старик смотрел на меня с добродушной насмешкой.

— Я чемпионка мира по осложнению своей жизни.

Что происходит сейчас со мной, ты догадываешься... Распад какой-то...

Дед кивнул неодобрительно.

— Собираешься привыкать к несчастьям...

— Боюсь, что придется... Другого пути пока не видно... Но пока что я ввязалась в историю, которая мне сильно не нравится, но и сделать вид, будто я ничего не знаю, теперь уже невозможно...

Я стряпала и сбивчиво рассказывала ему о Ларионове, о драке, вспоминала все то, что мне объяснил Жигунов. Что делать?

— Помогать, — как всегда величественно и безапелляционно заявил Старик. — Он защищал свое достоинство, и долг каждого приличного человека — помочь ему...

— О чем ты говоришь? — бросила я в сердцах на стол ложку. — В моем нынешнем положении — плюнуть на свои проблемы и заняться спасением достоинства чужого человека? Я не посмеваю сходить к Маринке на родительское собрание! А Сережка грубит и получает тройки по литературе.

— Какой же ты ждала совета? — мягко переспросил дед.

— Кому позвонить, с кем переговорить, кого можно подключить к этому делу, чтобы разобрались и по закону, и по справедливости.

— Ты все-таки, Ра, еще дурочка, — засмеялся, заперхал Старик. — Твой приятель из милиции объяснил тебе, что вся эта компания уже натерла телефонными дисками мозоли на пальцах и в системе «позвонить-поговорить-подключить» они сильнее и умнее тебя...

— Что же делать?

— Идти самой и разбираться. Милиционер сказал, что частных детективов у нас нет, но быть частным честным человеком, слава богу, никому не запрещается... Он смотрел на меня одним глазом, другой был прищурен, а зрячий был красновато-воспаленный, выпуклый, верблужий — мудрый и скорбящий.

— Дед, ты шутишь? — испуганно спросила я.

— Нет, не шучу, — покачал он головой. — Ты хотела уклониться от разговора о законе жизненной цели, а он сам к нам явился...

— Какой закон? Какой цели?

— Я тебе говорил, что сформулировал закон смысла жизни...

— А в чем он, смысл жизни?

— А для всех людей он разный. Но любой думающий человек так или иначе занят поисками смысла жизни. То есть рано или поздно он осознает и выбирает для себя цель, которую старается достигнуть с помощью выстраданной или холодно обдуманной системы поведения...

— Интересно знать, что это за система? — с искренним любопытством спросила я, поскольку хотелось бы представлять себе хоть подступы к цели жизни, если не имеешь осознанной самой цели.

— Это лестница, на вершине которой цель — Смысл Жизни. Это может быть автомобиль «Жигули», мантия академика, однокомнатный кооператив, замужество, должное заветделением или премьер-министра, высокое звание...

— Понятно, понятно! Тут, дед, ничего нового нет. Интересно, что на ступеньках этой лестницы? Из чего они сделаны?

— Из наших повседневных проблем, дел и забот, из наших поступков, — вздохнул Старик. — По отношению к цели, к смыслу жизни они ведут или вверх, или вниз. Как бы имеют знак — или «плюс», или «минус». Чем выше осмысленности жизни, тем больше «минусовых» проблем, тем труднее путь к цели... Умному жулику очень легко установить в душе своей искривленный порядок, который ведет его к цели и смыслу жизни.

Буржуа вообще самая душевно стабильная часть населения. А интеллигентному человеку всегда найти смысл жизни трудно. Масса сомнений снедает его. Он думает о нравственности, осмысленности, справедливости ежедневно возникающих перед ним проблем...

...тех самых проблем, которые только в сумме могут привести к цели... А сумма для этого должна обязательно быть положительной... Я говорю очень сложно, очень путано, но я так хочу, чтобы ты поняла меня! Я не хочу, чтобы ты сжилась с мыслью о своей несчастью, брошенности, чтобы ты привыкла к неприятностям... С этого начинается каторга чувств...

— Дед, ты же добрый и мудрый человек! Ну, подумай сам, как еще я могу чувствовать себя сейчас?

— Ты должна чувствовать себя ужасно, — согласился Старик. — Потому что старая главная цель жизни разрушилась... Сейчас в тебе бушуют боль, горечь, испуг. Но в тебе уже идет поиск новых задач, я хочу, чтобы ты увереннее выбрала ступеньки в новый для тебя мир...

Я подошла к нему сзади, обняла его горячую костистую голову, он сбивчиво объяснял мне что-то, и я чувствовала, как между моими ладонями текут его слезы, и сказала ему зачем-то:

— Дед, ты такой красивый Старик! Тебе надо носить бороду. Она тебе очень пойдет. Длинная белая борода...

А он, отталкивая меня, сказал ворчливо:

— Нельзя, не могу себе позволить. Старики теперь бород не носят, это ныне атрибут молодости. И безответственности. Ты когда-нибудь бородатого начальника видела? То-то...

В пять часов мы договорились встретиться с Ларионовым у кинотеатра «Первомайский», он должен был приехать сюда из прокуратуры.

У входа в кино людей почти не было, сеанс недавно начался, да и картины были такие старые, что вряд ли и к началу сеанса зрители ломились в зал. Я ходила вдоль стеклянной стены, рассматривала афиши. К ним были подклеены рукописные аннотации, которыми переживающие за выполнение плана кинопродюжеры рекламировали свои фильмы.

На листочках разноцветными фломастерами было написано: «Эль Греко» — фильм о трагической любви художника к даме из высшего общества.

На следующей афише, изображающей тещедушную раскосу девушку в объятиях блондинистого гиганта, сообщалось: «Москва — любовь моя» — фильм о трагической любви русского скульптора к японской балерине».

Чуть поодаль висела без всяких рисунков и пояснений афиша «Царевны-лягушки». Наверное, это был фильм о трагической любви царевича к лягушке. Может быть, Витечка когда-нибудь станет самостоятельным режиссером и поставит фильм о своей трагической любви ко мне, закончившейся кризисом, и о том, как я из лягушки оборотилась в прекрасную Гейл Шихи.

С нетерпением посмотрела я на часы. Ларионова, видимо, задерживали в прокуратуре, а у меня оставалось минут пятнадцать, после чего надо было убежать на задание. Я должна была завтра дать в газету отчет о показе новой осенне-зимней коллекции в нашем Доме моделей.

Накрапывал скудный дождичек, и я почему-то подумала, что уже много дней не видела солнца. Тонкий пронзительный ветерок пронизывал насквозь серой промозглой стылостью. Через огромные, залепленные бурными пальмами листьями стекла я видела, как ребята, опоздавшие или охотно не пошедшие на киножурнал, в полуосвещенном фойе с азартным восторгом играли на автоматах «Морской бой». Голосов их не было слышно, только время от времени раздавался тяжелый мягкий утробный гул взрывов, и по их яростным жестам было видно, когда они попадали в мишень.

Я думала о Сережке, о Маринке, о Витечке, переживающем свой кризис где-то далеко от Гейл Шихи. Я думала о Старике, сформулировавшем для себя закон ценности цели, я думала о хитроумных лекалах, по которым выписывает свои кренделя моя судьба.

Время медленно катилось к половине шестого, и я сильно нервничала, потому что, если я опоздаю на показ мод и не дам отчет, меня ждет ужасающий втык в редакции. Наш главный почему-то считает сезонные демонстрации Дома моделей материалом политически важным. Наверное, по его представлениям, трудящиеся города с нетерпением дожидаются осенней и весенней коллекции, чтобы срочно мчаться в ателье и к портнихам заказывать себе новые туалеты.

И оттого, что я ужасно трусила из-за горящего задания, а уйти, не дождавшись Ларионова, не могла, бесновалась.

Чтобы отвлечься и успокоиться, я стала читать расклеенные на колонне объявления. Главным образом люди предлагали учить друг друга. Английскому языку, кройке и шитью, вязанию, макраме, физике, биологии, скорописи по десятипальцевой системе, игре на банджо. Разрезанные аккуратно краешки объявлений, на которых были выписаны телефоны учителей жизни, беспокойно шевелились на ветру своими белесыми ресничками. Они будто подмигивали, обещая замечательную учебу, удачу, успех. Ученые свет, ничего не скажешь. Я подумала, что никто не повесил объявления: «Хочу учиться». Ни один человек не сообщил, что хочет учиться жить. Это и так все умеют. Знают, как. И понимают, зачем. Мне надо бы вывесить такое объявление: «Бестолковый человек хочет брать уроки правильной жизни». Интересно, кто откликнулся бы на подмаргивание подкрашенных ресничек моего призыва?

Я оторвалась от объявлений и услышала крик:

— Ирина Сергеевна! Ирина Сергеевна!

По тротуару бежал от троллейбусной остановки Ларионов. Издавал кричал на бегу:

— Простите великодушно!.. Не по своей вине!.. А токмо волею державшего мя следователя...

Запыхавшийся, с красным, как всегда, немного смущенным лицом, стоял он передо мной.

— Что слышно? — спросила я.

— Трудно сказать, — неуверенно усмехнулся он.

— Тогда давайте преодолевать эти трудности на ходу. — Я решительно потянула его за рукав. — Рассказывайте...

— По-моему, мои дела неважно! У меня ощущение, будто я засунул палец между шестеренками машины. Еще не очень больно, но назад уже не вытащить...

Я сердито заметила:

— Вольно же вам было совать руки куда попало...

— Бог помилует, свинья не съест, ничего... — Ларионов вздохнул. — Я не жалею...

— Но и не сильно радуетесь, похоже?

— Это точно, — засмеялся он. — Конечно, если бы я шел к вам не из прокуратуры, а из гостиницы, я бы не опоздал. Но боюсь, что вы бы не согласились встретиться со мной, оплеванным и побитым.

— Зато, я вижу, с вами охотно встречаются в прокуратуре, — едко заметила я.

— Ничего не напишешь, — ответил он. — Надо за все платить. Ну, что вы сердитесь, Ирина Сергеевна?

— Я не сержусь, я олаздываю...

— А какие у вас планы? — спросил он.

— У меня один-единственный план — не опоздать на редакционное задание.

— Из-за меня? — огорчился Ларионов. — А я хотел вам предложить...

— Ничего мне не предлагайте! — в сердцах крикнула я, и он от неожиданности испуганно моргнул. — Я из-за вас не поспеваю на задание. Если хотите, можете пойти со мной вместе, у меня пропуск на два лица. Может, успеем...

— С удовольствием! — радостно согласился Ларионов, нимало не интересуясь, какое у меня редакционное задание, куда мы пойдем. И неожиданно я почувствовала острое удовольствие оттого, что ему безразлично куда идти, только бы со мной.

Мы шли к Дому моделей бодрой рысью, и Ларионов мне рассказывал о том, что следователь прокуратуры все время задавал ему вопрос: «В чем причина драки?»

— Я ему говорю: «Мне в лицо плюнули». «Ну, это я уже слышал, — отвечает он. — А драка-то почему произошла?» Я снова объясняю: «Он в меня плюнул, понимаете?» Следователь кивает: «Это понятно. А драка-то с чего началась? Кто первый ударил? Кулаками-то махать с чего начали?» Я ему в пятый раз: «Он в лицо мне плюнул!» А тот разводит руками: «И больше ничего? Не матерился? Не дрался?» Ну что ему сказать? Нет, мол, не дрался, не матерился. Подумал Бурмистров этот самый не спеша и спрашивает наконец: «Значит, вы просто так ударили человека?»

— Да-а, хорошо поговорили... В обстановке полного взаимопонимания.

Ларионов досадливо поморщился и сказал:

— Боюсь, что с этими рассказами о плевках я постепенно становлюсь просто смешным...

Он внезапно резко остановился и взял меня за руку:

— Ирина Сергеевна, а вы еще не считаете меня смешным?

Я посмотрела на его расстроенное лицо с капельками дождя, застрявшими в бровях:

— Нет, я не считаю вас смешным. Я думаю, что вы немного шизик...

— Это меня устраивает, — согласился он легко. — Это пожалуйста, шизики — люди не конченные...

В зал Дома моделей мы попали с третьим звонком и, пробираясь через ноги сидящих к своим местам, как-то сразу выключились из горестных и неприятных будней. Мы попали в атмосферу праздника, приподнятой взволнованности премьеры, радостной суety нарядной жизни, которую мне доводилось видеть на сцене, на экране, в телевизионных программах, но просочиться лично почему-то не удавалось ни за какие коврижки.

Разноцветные скачущие пятна прожекторов, расплавленный металл приглушенного хард-рока. Цветы и скручивающийся в торнадо аромат французских духов. Посреди зала на длинный белый помост выходят тонкие, элегантные женщины и очень стройные красавцы мужчины, плавно кружатся, синхронизованно двигаются, по какой-то внутренней команде замирают, демонстрируя таинственное, взволнованное, недоступное нашему пониманию искусство. Хореография конфекционная, ритуальные па удивительных туалетов, которые никто никогда не носит. Кроме манекенщиц на осенних показах новой коллекции мод.

— Очень многих привлекает предлагаемая нами модель повседневного туалета деловой женщины... — вещала в микрофон главный художник-модельер, похочая своим пронзительным голосом и просторным яростно-красным платьем на пожарную машину.

Я не сомневаюсь, что наш главный, который так высоко ценит сезонные демонстрации новинок одежды трудящихся, безусловно, выгнал бы меня из редакции, если бы я явилась на службу вот в таком повседневном туалете деловой женщины. А думать о том, как посмотрел бы он на меня в вечернем платье, «глубоко декольтированном на спине и украшенном меховой накидкой», я просто боялась.

Мне всегда любопытно, для кого проектируют и шьют эти поразительные наряды.

Кто эти бесстрашные женщины, которые не боятся рассердить начальство своими вызывающими повседневными «деловыми костюмами» и недорогими вечерними платьями, отделанными «благородно-скромной норкой»?

А вдруг — жутко подумать — они вообще не ходят на работу? Нет у них никаких начальников. И зависти менее нарядных сотрудниц поэтому тоже не опасаются. А сидят себе беззаботно в креслах рядом с нами.

Вот они, бойкие женщины, молодые и поношенные, красиво причесанные, в изысканном макияже, с радужно мерцающими блестками переливающихся камней на пальцах, запястьях, в мочках, на гладких и морщинистых шеех.

И одеты эти женщины — почитательницы художественного поиска нашего Дома моделей — вовсе не в изыски его модельеров и портных, а сплошь в ассортимент протоварного магазина «Березка», не считая щеголих в натуральной закордонной «фирме».

Что же они тут делают? Наверное, то же самое, что и на всех модных спектаклях, скандальных вернисажах и знаменитых премьерах. Они демонстрируют себя. По-видимому, больше Дунька не рвется в Европу, она подтянула ее к себе для местного повседневно употребления.

И называется это гуляние словечком всеобъемлющим — «тусовка».

Я подтолкнула локтем Ларионова:

— Пошли?

Он удивленно взглянул на меня:

— А вам для задания не надо досматривать?..

— Нет. Читатели получают из моего отчета исчерпывающее представление о направлении моды в этом сезоне...

Когда мы вышли на улицу, я поинтересовалась:

— Так в чем же вас обвиняет следователь?

Ларионов грустно усмехнулся:

— О, это большой и печальный список. Хулиганство, умышленная порча государственного имущества, причинение телесных повреждений...

— А вы причинили Чагину телесные повреждения?

— Наверное, — неуверенно предположил Ларионов. — Скорее всего у него сотрясение спинного мозга...

Дождь угмонился, ветер стих, я и сама не заметила, что мы идем по улице через тихий слепой осенний вечер, туманно-серый, пахнущий палой листвой, бензином, мокрой землей.

Ларионов предложил:

— Может быть, зайдём куда-нибудь, поужинаем?

— Наверное, никуда не попадем...

— Почему? — решительно не согласился он. — Вот кафе «Зенит», я сегодня в нем обедал, договорился, что приду ужинать. Очень вкусно кормят...

Я рассмеялась:

— Какой же вы, однако, предусмотрительный человек.

— Что делать! — обрадовался Ларионов. — Мне сказали, что по вечерам здесь играет замечательный джаз.

Я с интересом посмотрела на него:

— послушайте, Ларионов, а вы что, ухаживаете за мной?

Он снова привычно засмутился, пожал плечами, неуверенно ответил:

— Ну, нет, наверное. Хотя, с другой стороны, мне бы хотелось сделать вам что-нибудь приятное. — Помолчал, подумал и спросил: — А может быть, это и есть ухаживание?

В кафе было полно народу, но стол, обещанный Ларионову, дождался нас. На столе красовались кувшин сока охряного цвета, бутылка шампанского, ваза с фруктами и лоточки с увядшей закуской. Видимо, Ларионов твердо запланировал этот ужин еще до встречи около кинотеатра. И до своего похода к следователю! Стол был наверху оплачен им заранее.

— Что будем есть? — спросил Ларионов.

— Да что дадут, — сдалась я сразу на милость извечного победителя — общепита.

— Нет-нет, здесь действительно вкусно готовят, — заверил Ларионов, подошел к официантке, что-то быстро ей сказал. Мы еще толком не расселись на своих стульчиках, а нам уже принесли две огромные отбивные с жареной картошкой.

Официантка предложила:

— Вам открыть шампанское?

— Нет, спасибо, я сам, — отпустил ее Ларионов, взял в руки тяжелую зеленую бутылку с чалмой из серебряной фольги и стал откручивать ее проволочные удила. Пена энергично рвалась на волю — хлопнуть, забушевать, всех облить в последний раз, но Ларионов открыл для нее маленькую щелочку, и она, зашипев пронзительно, устало вздохнула, еле слышно чпокнула и выплеснулась в бокал аккуратной пузыристой шапкой над соломенно-желтым вином. Ларионов протянул мне бокал, мы чокнулись, и я спросила:

— А пьем-то за что?

— За все хорошее в этом мире. За его неожиданность, за беду и боль в радости, за встречи. Да пьем за все! — махнул он рукой и отпил из своего бокала.

Мы сидели неподалеку от маленькой эстрады. Сейчас она была пуста, а на пустых стульях лежали отсвечивающие металлом и лаком инструменты.

Ларионов кивнул на эстраду:

— Они, наверное, ужинают, скоро придут...

Он сказал это с чувством ответственности за организацию развлекательно-гастрономической приятности мне. Я отрезала кусок отбивной, откусила и поразила ее сочности, свежести и вкусу. С удивлением спросила его:

— Это как же вам удалось уговорить их сделать такие отбивные?

— Я старался,— гордо сказал Ларионов.— Просил их очень заинтересованно.

Я засмеялась:

— И вам много удастся сделать, когда заинтересованно просите?

— Почти все,— сказал он уверенно.

Из кухни, вытирая салфетками лица, на эстраду вышли музыканты. Их было трое. Саксофонист долго прилаживал на груди свою золотую трубу, похожую на огромного морского конька, быстро провел языком по мундштуку, будто пробовал на вкус: какой там звук получится? А его товарищ поднял гриф прислоненного к стене контрабаса и легко погладил рукой толстые струны, раздался тихий рокочуще-стонущий гул. Саксофонист вышел вперед, набрал полную грудь воздуха, сильно выдохнул, нажав одновременно все кнопки на боках своего латунного морского конька, будто прищипорил его, и заиграл глубоко и резко.

Его инструмент кричал страстным светлым голосом. Звуки металлись по кафе огромными золотыми шарами, ударялись в стены, разбивались в углах, сплетались, и, когда они заполняли все вокруг, их резко разрывал пианист такими высокими стремительными пассажами, что казалось, будто облака звука пролили хрустальный дождь. И не давая вырваться из его строгих ритмов, цепко держал музыку за глухим пунктиром контрабаса. Глаза у басиста были закрыты. Заканчивая фразу, он поднимал веки, недоверчиво рассматривая все вокруг.

— Идемте танцевать,— предложил Ларионов.— Ведь мы с вами уже танцевали... Помните, у Ады? — Пойдемте,— согласилась я.— Я почти все забыла, это было так давно...

Плыла на волнах музыки в объятиях Ларионова, а вспоминала не о том, что было на даче у Ады, а о том, как мы танцевали с Витечкой в молодости. Тогда танцевали главным образом на студенческих вечерах. Я помню, как Витечка, уже тогда поразивший меня знанием всего, сообщил мне как неслыханную тайну, как огромное откровение:

— «Сен-Луи блюз» написал слепой негр Уильям Хэнди из Нью-Орлеана...

Волшебное время, волшебные звуки, ушедшие навсегда.

Потом мы сидели с Ларионовым молча за столом, думая каждый о своем, и я рассматривала, как неспешно плавают в высоком стакане желтые водоросли абрикосового компота. Мы были сейчас очень далеки.

— О чем вы думаете? — спросил Ларионов.

Я подняла на него взгляд и враз оторвалась от своих воспоминаний:

— Стараясь представить, как у вас там разворачивалась драка. Бутылкой по голове... Другой летит в стекло. Шум, крики... Я ведь драки настоящие видела только в кино.

Ларионов усмехнулся, покачал головой:

— В жизни люди дерутся совсем не так, как в кино. Люди дерутся некрасиво, тяжело. На экране нет хаоса злобы и страха. Там гармония, жесткий силовой балет...

— Наверное,— согласилась я и спросила: — Может быть, пойдем уже, много времени — я из-за ребят беспокоюсь...

Шли по улице, и снова наш путь случайно, а может, подсознательно вывернул к тому углу, на котором случилась драка. Хаос злобы и страха, как сказал Ларионов, давно отгремел, и теперь тут стояла в одиночестве и тишине только бабка, продававшая цветы из большой хозяйственной сумки.

— Вот цветочки возьмите, свеженькие совсем, махровые, желтенькие, возьмите, не пожалеете,— протянула старуха букет.

— Нарциссы? Осенью? — удивилась я, чтобы завязать разговор.

— А это, доченька, сорт у меня особый, бери, бери, задаром отдаю, трешка всего букетик,— быстро, бойко затараторила бабка.

Я рассматривала ее вблизи и подумала о том, что никакая она не старуха. Она была нестарой женщиной, она просто изображала старуху, так, видимо, ей казалось правильнее. И на деревенскую женщину она была непохожа. Она была одета не бедно, а странно — в какую-то нелепую толстую кофту, вся в мятых оборочках, потертых лентах, как истрепанная кукла.

Я решила играть в ее игру:

— Бабushка, я обязательно куплю ваши цветы, а вы припомните, пожалуйста, драку, которая несколько дней назад здесь разгорелась... Около такси, помните?

Она посмотрела на меня ясным, хитрым, молодым взглядом:

— Помню. А что?

— А вы не помните, с чего началось? Кто, что, с чего завязалось? Как происходило?

— Нет,— усмехнулась она, подумала мгновение и твердо запечатала: — Ничего я не видела. Это меня не касается.

Я стала ее уговаривать:

— Ну, как же не видели? Это рядом с вами случилось! Подумайте, бабushка, ведь из-за этого может быть невинному человеку плохо.

Бабка сказала:

— А об том — чтоб плохо не было — раньше думать надо! Драться не нужно. Я в этом не участвую. Мое дело — людям радость устроить: цветы продавать, а остальное меня не касается.

— Ну как не касается! Вы же живой нормальный человек!

Ларионов молча стоял чуть поодаль. Бабка показала на него рукой и веско сообщила:

— Ты ему, дураку своему, растолкуй дома: коли трое на тебя с кулаками, бери ноги в руки. Если у них сила, уходи по-хорошему, пока дают уйти. А мое дело тихое, мне ни к чему в чужие дрязги лезть, по судам да милициям ходить...

Глаза у нее были желтые, как ее осенние нарциссы. Она неожиданно засмеялась и передразнила меня:

— «Живой человек!» Потому и живой, и нормальный потому, что в чужие дела не лезу...

Недалеко от дома я спросила Ларионова:

— Вы подолгу в плавании находитесь? Сколько рейс длится?

— По-разному. Иногда по полтора-два месяца землю не видим...

— Скучно, наверное?

— Скучно? Да что вы, Ирина Сергеевна! На вахте не заскучаешь, некогда. А в свободное время пишу письма, читаю. Я как-то даже подсчитал: за год я прочитываю штук сто книг. Глупо, конечно, считать книги на штуки,— смутился он.— Но я этими подсчетами занялся, задумавшись однажды: а что осталось от этих книг во мне...

— И что осталось? — требовательно спросила я.

— Не знаю,— пожал он плечами.— Надеюсь, что-то осталось... Я сочинил для себя множество книжек. О морях, о кораблях, о людях, которые первыми прошли этими неведомыми дорогами, о замечательных моряках, которых я сам знал... Приду в каюту, сяду перед листом бумаги — только записать осталось, все продумано и придумано!.. Взял ручку, и все слова сразу — пшик! Перемешались, растворились, исчезли... Ушли, как сон... Так ничего и не написал никогда...

Я сразу догадалась, что это Шкурдюк. Так он и должен был выглядеть — здоровенный модный парень с мясистой головой, похожей на маску из театра «Кабукки». У него было большое количество щек, губ, две круглые скважины ноздрей и налившая бульба носа, над которой светились безнадежно голубые глаза.

Шкурдюк вещал, объяснял, инструктировал. Он проводил, видимо, производственное совещание с дюжиной тихих старушек и безвозрастных мужчин — смотрителями и контролерами на бездействующих сейчас аттракционах. Служащие расположились под тентом детского автодрома, и слова Шкурдюка гулко разносились в тишине утреннего осеннего парка:

— Погода не балует! И сезон на исходе! Однако мы все должны соответствовать! Развлечение населения, как искусство, должно быть классовым! Потому что классовость — это массовость! А массовость — это кассовость! А тугая касса — радость рабочего класса! Понятно говорю вам, недоумки? Га-га-га!..

Он гоготал оглушительно, как гусь перед студийным микрофоном. И настроение у него было, очевидно, хорошим, поскольку он, работая, развлекал себя.

Подчиненные ему недоумки, стараясь не встречаться с ним взглядом, покорно-согласно кивали головами. Только одна старуха пискнула неуверенно:

— Игорь Михальч, дождь ведь скоро пойдет... Не будет посетителей сегодня...

— А это, дорогая коллега, не вашего ума дело... Сидите, зарплату свою хоть отработайте... И так держу вас, пенсионеров, на свой страх, вопреки закону... Так что не вякайте лишнего... Правильно я говорю, Мракобес?

Из-за заборчика автодрома я разглядела, что у ног Шкурдюка примостился рыжий толстый бульдог.

— Правильно, Мракобес? — схватил Шкурдюк его за холку.

Бульдог поднял на него морщинистую морду с грустными, налитыми кровью глазами и отчетливо прорычал-промычал:

— ...М-м-а-а-а... ма-а...

— Молодец, псина! — пришел в восторг Шкурдюк.— Если бы ты, пес, умел отрывать билеты, я бы тебя на кассу посадил — больше толку было... Га-га-га! Ну-ка, все на рабочие места!..

Бабки испуганно тронулись по своим местам, и та, что сомневалась насчет посетителей, проходя мимо меня, не удержалась и сказала тихо, ни к кому не обращаясь:

— Свиноморд несчастный... Наглец, медная харя...

Шкурдюк вышел из-под тента и воззрился на затянутое тучами небо. Руки в боки, ноги врозь, голова запрокинута, я была уверена, что сейчас схватит он шапку и расшибует ею тусклое небо над нами. И Мракобес прижался к нему и тоненько завыл.

Но Шкурдюк не стал кидать в небо свой кокетливый цветной картуз с надписью на тулье «Микозолон — лучшее средство от грибковых заболеваний». Он сплунул на землю и сказал с большим чувством:

— Ну и климат — едрёна вошь! Десять месяцев — зима, остальное — лето...

И тут увидел меня.

— Вы ко мне, гражданочка?

— Да, я к вам, гражданинчик,— кивнула я.— Вы Шкурдюк?

Лицо его сразу стало настороженным и замкнутым, лишь бездонная льдистость мерцала в голубых глазах прохиндея.

— Это вы точно угадали — я уже шесть пятилеток Шкурдюк.— А глазками своими незабудковыми щупал меня, раздевал, скидывал ненужное, оценивал и прикидывал.— А вы-то кем будете?

— Кем буду? — засмеялась я.— Со временем буду бабкой, пенсионеркой, к вам сюда приду отсиживать зарплату... А сейчас я журналистка, корреспондент городской газеты...

Шкурдюк взглядом быстро одел меня снова. Щупание оказалось неуместным, и он растянул в улыбке свой огромный мокрый рот слабого человека.

— О, для нас это большая радость! Внимание прессы к отдыху трудящихся — это первейшее дело...

— Ну да, я уже знаю: массовость — это кассовость!

— Истинно сказано! Га-га-га! — радостно загоготал Шкурдюк.— Давайте я вам продемонстрирую наши достижения. У нас новый аттракцион — потряс! Собирались открыть к началу сезона, да сами знаете, как работают наши герои-строители. Пустили еле-еле в сентябре, а тут и посетители иссякли... И кассовость наша под угрозой!

Шкурдюк показал на циклопическое сооружение, похожее на огромный карусель, но вместо привычных деревянных зверюшек висели на кругу обогреваемые капсулы вроде маленьких самолетных кабинок.

— Давайте я вас прокачу, чтобы вы со знанием дела могли описать наши будни и победы, как полагаются настоящему журналисту.

Он быстро взял меня под руку и, не давая возразить, повел к помосту аттракциона.

— Смотрите, это лицензионный аттракцион, «Энтерпрайз» называется. По-американски обозначает «предприятие». Заплатили за него тысячи неслитанные, а он полгода простоял зазря, окупаемости фондов нет, омертвление капитала налицо, один я душой болею за это. Сколько негоднотанных людей осталось! Да кто же у нас с деньгами-то народными считается!

Шкурдюк щелкнул замком, распахнул стеклянную дверку капсулы, посадил меня в тесное креслице, застегнул на мне ремень безопасности и стал орать куда-то вниз, в машинное отделение:

— Дарья! Дарья Васильевна! Включай, давай прокати нас...

— Счас! Счас! — услышала я голос давешней старухи, называвшей Шкурдюка свиномордом.

Свиноморд, как бывалый пилот-инструктор, уверенно сел на заднее сиденье кабинки, и в это время раздался мощный тяжелый гул. Озноб вибрации передался мне, я ждала с нетерпением, когда двинется в свой круговой быстрый путь карусель, лихо раскручивая кабинки на разных уровнях. Вообще-то эти нынешние аттракционы очень мало походили на невзрачные развлечения нашего детства в парке культуры — иммельман, гигантские шаги, качели. Мрачно гудящий «Энтерпрайз» напоминал не столько развлекательное сооружение, сколько мощную индустриальную конструкцию.

— Готово,— сказал Шкурдюк и крикнул Дарье: — Поехали!..

Медленно завертелись опорные спицы карусели, с нарастающим ревом кабинка поехала по кругу, и вдруг сердце провалилось куда-то вниз, потому что с пол-оборота капсула резко полетела вверх. Мы стремительно описывали восходящую круговую траекторию, от которой у меня все замирало внутри. И когда я взглянула вниз, то с ужасом увидела, что диск карусели неуклонно поднимается на ребро и становится вертикально, превращаясь из карусели в чертovo колесо. Кабинка вращалась одновременно в двух плоскостях, и вместе с этим чудовищным воем росла ее скорость, сиденье ушло из-под меня, и я вдруг

увидела, что земля оказалась у меня над головой — я висела вверх ногами...

А потом я уже ничего не видела — где земля, где небо, вверх, вниз, только уходящее ощущение ужаса и уверенность, что сейчас вся эта завывающая воздушная колесница с ревом и лязгом обрушится вниз, разможив меня на кусочки. Сзади что-то кричал мне Шкурдюк, но я совершенно ополумела от страха, потому что это было какое-то неведомое ощущение полной незащитности перед гибелью...

Почему это — развлечение? Ничего развлекательного и приятного я не испытывала, а только беспорядочная падала наземь, взрывоподобно взлетала куда-то вверх, меня крутило вокруг себя самой, я знала — вот это и есть полная потеря себя, я не принадлежала себе несколько. Меня не было, я превратилась в маленькую живую клетку этой ревушей машины, и воли моей не существовало...

О, жалкая участь куска фарша внутри раскручиваемой на веревке мясорубки.

Не знаю, сколько это длилось. Я чувствовала, что если еще хоть один оборот совершит этот проклятый «Энтерпрайз», меня вырвет. Но неожиданно ужасающий вой и гул, начавшийся таким безобидным густым жужжанием, стал стихать, кабинка в полете выровнялась, и я увидела, что постепенно опорное колесо круговерти стало опадать, опускаться, склоняться к смиренной горизонтали, скорость гасла, пока шум двигателя не стих совсем, и кабинка наконец замерла.

Провальное безвременье обморочного состояния. Не понимаю — где я, что со мной, куда подевался Шкурдюк. Подбитое серой ватой облаков низкое небо, раздерганное ветром мокрые кроны деревьев и участливое лицо Дарьи Васильевны, которая мне говорит: — Непонятные радости нынче у людей стали...

Оперлась на ее руку, вышла на дощатый помост, как сильно пьяная. — Все кружилось перед глазами, меня качало, я бы наверняка упала, если бы не держалась за руку старушки. Пока наконец услышала где-то высоко над собой голос Шкурдюка:

— Э-э, гражданочка, да вы совсем не приспособлены для острых ощущений! Идемте, я вас напою чаем, сразу придете в себя...

Не помню, как мы дошли с ним до алюминиевого вагончика, где размещалась контора Шкурдюка. Он усадил меня за белый пластмассовый стол, на котором стоял китайский термос — недостижимый и розовый, как тропическая птица фламинго.

Я пила горячий крепкий чай, восстанавливалось дыхание, мир прекратил свое безумное кружение вокруг меня. Теплым пытящим половником привалился к моим ногам Мракобес.

А Шкурдюк сетовал на жизнь:

— Нет, что там ни говорите, а в нас, людях образованных, нет прочности наших предков. Чуть что — и в ауте!..

— Это точно, — согласилась я. — Наши предки с утра до ночи гоняли на «Энтерпрайзе» — и хоть бы хны...

— Да разве в этом дело? — махнул рукой Шкурдюк. — Жизненной силы нам не хватает! Мой дед с утра чугуны картошки с салом съедает, а мы уже — не тот компот! Эх, разве бы я тут сидел, если бы меня здоровье так не подводило... Нервы совсем ни к черту!

Глядя на эту сбитую из дикого мяса и лошадиных костей фигуру, было трудно поверить, что там внутри еще есть и нервы.

— А чем же это вы страдаете? — спросила я вежливо.

Шкурдюк подобрался, как для декламации стихов, и значительно, с выражением сообщил:

— У меня вегето-сосудистая дистония с вазомоторными кризами...

Он говорил это старательно, будто долго разучивал по бумажке свой диагноз.

— Это у вас, наверное, от излишнего образования, — предположила я.

А он легко согласился:

— Наверное, скорее всего. — После чего спросил: — А к нам-то вы пришли зачем?

Я допила остаток чая из чашки, потому что знала — теперь уже не предложит, и как можно спокойнее сказала:

— Я бы хотела, чтобы вы мне рассказали о драке, которая произошла несколько дней назад в такси...

— А почему это вас интересует? — спросил Шкурдюк с напором, и глаза его мгновенно выгорели, став из голубых белыми.

Я вздохнула:

— Вы не мальчик, должны понимать, что драка на улице имеет не только личный, но и общественный интерес. Как я слышала, вы избили и оскорбили человека.

— Это я избил человека? — искренне возмутился Шкурдюк. — Да он, подлюга, мне весь хребет переломал, от загривка до унитаза! Его не то что оскорбить, его лучше всего убить надо было!

От нахлынувших воспоминаний, от ярости у него на губах закипали слюны, как пена на краях суповой кастрюли, серые и жирные.

— Если бы не люди вокруг, я его, гадину, вообще бы убил там! Шнифты ему нужно было вырвать на месте!

— А вы еще жаловались на вазомоторную дистонию. — сочувственно сказала я.

— Когда меня обидят, мне на дистонию наплевать. — чистосердечно заявил Шкурдюк.

— Но ведь это же вы первый плюнули ему в лицо. — напомнила я.

— Во-первых, я не плевал, — сказал он быстро и твердо, как отрубил. — А во-вторых, если даже и плюнул, то он тоже мне врезал, подлюга. Вот же придурок, рольмопс малохолный, ему все говорят: «Что ты прешь, как бык на демонстрацию? Давай помиримся по-людски и все закончим». А он вопил: «Я добьюсь, я вас посажу, я вам — то, я вам — се!» Ну вот пусть он теперь отбредивается...

Я спросила его спокойно:

— А вас не смущает, что вы и ваши приятели говорите неправду? Вы ведь врете следствию...

Он весело загоготал:

— Га-га-га! Это все пустые разговоры! Не советую — не проживешь! Знаете, есть такая детская считалочка, на спряжение или на склонение, не помню уж как там: я иду по коврику, ты идешь, пока врешь, он идет, пока врет... Га-га-га-га...

Видимо, сознание, что они крепко, со всех сторон обложили Ларионова, вернуло ему душевное спокойствие. И дистония улеглась.

Понимаю, что я задаю ему дурацкий вопрос, я все-таки не смогла удержаться:

— Скажите, Шкурдюк, а может быть, лучше вам пойти в прокуратуру и рассказать все как было? Это повлечет гораздо меньшие последствия, чем то, что вы заварили...

Шкурдюк вывалял из своих толстых узловатых пальцев замысловатый фигурный кукиш и доброжелательно предложил:

— Накось, выкуси...

Выкусить это было невозможно.

Шкурдюк покачал головой сочувственно и сказал: — Мы ему с самого начала предлагали: давай закончим по-хорошему! А он все упирался, понт свой козлиный давил. Вот, пусть теперь попляшет, пусть знает: первый раз прощается, второй запрещается, а на третий навсегда закрывает ворота. Га-га-га...

Я вздохнула и сказала примирительно:

— Ладно, Шкурдюк, хватит. Нам бессмысленно говорить об этом, мы явно не договоримся. Скажите мне, вы женаты?

Шкурдюк обрадовался:

— Бог миловал! Зачем мне жениться? Сейчас настоящему мужику жениться нет резона. Все, что можно хорошего от бабы получить, она и без женитьбы тебе даст...

— А кто ж эта женщина была с вами в такси?

Шкурдюк оборвал резко смех, как топором отрубил, наклонился ко мне через стол и сказал отчетливо:

— Никакой бабы с нами не было! Нечего выдумывать!

Я встала и сказала:

— Спасибо за катание на «Энтерпрайзе». Мы еще с вами, безусловно, увидимся. Вы идете, пока врете...

Из парка я мчалась в прокуратуру на такси — так не терпелось мне сказать следователю Бурмистрову, что я думаю о Шкурдюке. Я не сомневалась: он меня поймет. Я смогу объяснить ему то, что не может сказать о себе Ларионов, он как-никак участник драки. Я скажу ему все, что я думаю о соблюдении достоинства, о пределах обороны человеческой чести, я скажу ему...

— ...Не жмите мне на сердечные клапаны, Ирина Сергеевна, — сухо улыбнулся Бурмистров. — Вот, взгляните, в протоколе фиолетовым по белому ясно написано: «Ларионов нанес дважды удары тяжелым тупым предметом в лицо Шкурдюку, после чего приемом силовой рукопашной борьбы перебросил через себя Чагина, выбившего головой витрину радиоматериала...»

— Каким еще тяжелым тупым предметом? — насторожилась я.

— А у нас все, что не нож, — тяжелый тупой предмет, — снисходительно пояснил Бурмистров. — Кулак тоже тяжелый предмет. Экспертиза судит по характеру повреждений... Так о какой еще там обороне вы ведете разговоры?

Он улыбнулся, глядя на меня, но улыбка у него была не ехидная и не добродушная, не веселая и не злая — она у него была дрессированная. По незримой команде растягивались бледные полоски губ, обнажая ряд ровных зубов с золотой коронкой сбоку, и эта улыбка не имела отношения ни к настроению, ни к теме разговора, а включалась скорее в его синюю форму с петлицами и зелеными кантами. Когда улыбка изнашивалась, он получал ее вместе с новым кителем на вещевом складе.

— Простите, Николай Степанович, мне захотелось вас спросить: а как бы вы сами поступили на месте Ларионова? Вы нарядный, с букетиком в руках собираетесь в гости или, пуце того, вы с дамой — и какой-то пьяница плюет вам в лицо?

Он насутился и провел рукой по своей тщательно организованной прическе — волосы были выращены в длинную косу на правой стороне головы и бережно разложены волосистой попонкой на гладком куполе плечи. Получался канцелярски-служивый оселедец.

— Я хочу вам напомнить, Ирина Сергеевна, что следственный кабинет не место для строительства беспочвенных гипотез...

— А все-таки? Ведь в жизни всякое может случиться... — напирала я.

— Со мной подобного случиться не может! — отрезал Бурмистров. — Я этого не допущу! Такая ситуация для меня — вещь исключенная!..

От нахлынувшего возбуждения волосики на его макушке растрепались. Я механически подумала, что ему уже давно пора отрезать оселедец и стать нормальным лысым. А может быть, он думает, что все принимают его протезную прическу за настоящие волосы? Может, он уверен, что такая ситуация — быть лысым — для него вещь исключенная?

— Я не понимаю, как вы можете не допустить этого, — сказала я тихо. — Инициатива всегда у хулигана. Или вы утерлись бы тихо? И молча ушли?

Бурмистров наконец рассердился.

— Мне кажется, что вы задаете эти бессмысленные вопросы только для того, чтобы уверить меня в существовании каких-то мифических плевков! Вы хотите затвердить у меня в сознании и в уголовном деле эти несуществовавшие, никем не засвидетельствованные плевки, чтобы вместо реальных обстоятельств и правовых норм мы стали на путь рассуждений об оскорбленных достоинствах, поруганных чести и моральных травмах!

Я смотрела на него и удивлялась: у него не было лица, только металлическая оправа очков на костяной подставочке носа.

— Николай Степанович, а разве закон не стоит на охране достоинства, чести, морали? Разве нет статей в кодексе, которые бы обеспечивали человеку на улице их неприкосновенность?

— Есть! — сердито ответил Бурмистров. — Но человек, который забрасывает в витрину обидчиков своего достоинства, сокрушая попутно морды и телевизоры, нуждается не в защите, а в обуздании! Тоже мне — кавалергардские сатисфакции! Уж если вы так заступаетесь за этого Ларионова, протрудитесь ответить: почему же Ларионов, если бы я даже поверил, что они первыми обидели его, не дал оскорбителю пощечину? А ринулся убивать их?

Действительно, почему? Я представила себе, как Ларионов, утершись, перекалывает в левую руку букет, с правой стягивает перчатку и коротким несильным движением наносит демонстративный жест бесчестия Шкурдюку, секунданты которого — Чагин с Поручиковым — уже включились в дуэль с отбитой бутылкой наперевес... Зрелище, наверное, было бы столь же анекдотическое, как и маловероятное.

— Николай Степанович, мне очень жаль, но пощечины вышли из употребления навсегда. Вы когда-нибудь видели или, может быть, слышали, чтобы мерзавцу дали пощечину? Лично знакомому вам мерзавцу? Не в кино, не в книге? А в жизни? — спросила я, не его спросила, а себя.

— А нет нужды, — успокоившись, сообщил Бурмистров. — Есть милиция, прокуратура, суд. Наконец, существует общественность. А размахивать руками, как бог на душу положит, возбраняется. Нельзя этого делать. У нас суды Линча не в почете. Закон за подобные самосуды строго спрашивает...

— Наверное, закон не может предусмотреть всех жизненных сложностей, — осторожно заметила я. — Ньютон был человек неглупый, резонно говорил: при изучении наук примеры не менее поучительны, чем правила...

— А что же поучительного в нашем примере? Вы хотите, чтобы я, беспристрастный служитель закона, только из-за того, что вы, красивая женщина и корреспондентка, проявляете повышенный интерес к этому Ларионову, наплевал на показания трех потерпевших, заключение судмедэкспертизы и трех сторонних свидетелей? Вы этого хотите?

Ему нравилось, как он говорит. Тембр голоса, формулировки, он наверняка мечтает стать прокурором и выступать в суде.

— Нет, я не хочу, чтобы вы наплевали на что бы то ни было. Мне не нравятся плюющиеся люди. Мне кажется, что трех сторонних свидетелей, которые видели драку, мало...

— Мало? А что вам еще нужно?

— Эти свидетели видели только драку, а не повод, вызвавший ее...

— А кто же видел все с самого начала?

— Таксист, Шофер, уехавший с места происшествия...

— Прекрасно, — кивнул Бурмистров и взял со стола ручку. — Записываю. Номер его машины, фамилию. Что вы еще о нем знаете?

Я покачала головой:

— Ничего не знаю. Я хочу, чтобы вы нашли его...

— Ах, вот как! И много у вас еще подобных указаний для меня?

— Нет. Нужно допросить старуху, продавщицу цветов, она стояла около самой машины и все видела...

— Слушаюсь! Еще? — спросил он, я видела, как у него багровеет кожа на лысине, я боялась, что этот неопрятный пух вспыхнет от раскаляющего Бурмистрова гнева. Но мне уже некуда было отступать.

— Надо разыскать спутницу Шкурдюка и Чагина.

С ними была девушка, ее зовут Рита. Она после драки бесследно исчезла, в милиции ее уже не было. Она пропала не случайно...

— Ага! — крикнул Бурмистров. — Звучит внушительно. А главное, легко исполнимо. В нашем городе живет, наверное, не больше пары тысяч Рит. Ведь нетрудно проверить, кто из них был в машине со Шкурдюком. Но это неважно. У вас все?

— Пока все, — сказала я обреченно, догадываясь, что сделала все возможное, чтобы навредить Ларионову.

— А теперь послушайте меня. Вы отдаете себе отчет в том, что ваше поведение — вопиющая бестактность на грани наглости?

— Почему? — поразила я.

— Вы, козыряя своим удостоверением, приходите ко мне, опытному работнику, и поучаете меня, кого надо допрашивать, кого искать, кого наказывать...

— Разве я вас поучала? Я просила вас...

— Вот именно! — вознесся он серо-синим облаком надо мной. — Вы хотите заранее обвинить меня в тенденциозности и необъективности! А я, к вашему сведению, еще сегодня утром послал в таксопарку запрос с просьбой откликнуться шоферу, участвовавшему в инциденте...

— Я вас не хочу ни в чем обвинять! Я просто боюсь, что энергия искреннего заблуждения уведет вас очень далеко...

— Ага, понятно! Как раньше говорили: ваше дело — восемь, когда надо, спросим! И не учите меня жить и работать! Вы для этого еще вполне молоды! Так что идите и не мешайте мне работать...

Я катастрофически опаздывала. И хоть на посту не оказалась Церберуни — я пулей пролетела от входа до лифта и рысью мчалась по коридору, — но пять минут мне все-таки не хватило. Ворвалась в репортерскую, а Сережка Егоров благословил:

— Ну-ка, бегом к главному! Звонил недавно, разыскивал...

— Что сказал ему?

— Мол, ты где-то здесь бродишь. Не то в машбюро пошла, не то в буфет... Он велел сразу явиться. Ты нигде не прокололась?

— Вроде бы нет. Во всяком случае, пока не знаю...

— Давай газуй тогда быстрее...

Главный говорил по телефону. Он вообще любил говорить в нашем присутствии по телефону, поскольку так уж вышло, что беседовал он по этому красиво-белому аппарату только с начальственными персонами. И разговаривал он так непринужденно-товарищески с невидимыми нам собеседниками, так государственно-озабоченно, с легким вздохом и еле заметной усмешкой, что нам, не имеющим доступа к этому телефону, был очевиден привычно тяжелый груз ответственности, разложенный поровну между главным и его абонентами, и ощутимо было всеисилье их власти, данной этой ответственностью, и виден масштаб дел, которые обсуждались по этому телефону, — всегда спокойно-дружески, доверительно, с ясным пониманием, что громаде этих проблем не решить суется, азартно горячась, задышливо волнуясь.

Главный ни с кем по телефону не ругается, он и насто не ругает, а злопеще журит и грозно-ласково журчит. Этот тон соответствует его внешности — величественного седовласого красавца, донжуира и успешливого ходока по бабам...

— Ты, Полтева, чем занимаешься? — спросил он меня, договорившись по телефону увидеться с кем-то завтра на активе.

— Сдала в секретариат статью о новой коллекции Дома моделей, — нерешительно ответила я. И добавила для внушительности: — А сейчас пишу статью о проблемах молодежного театра...

— Молодежного театра? — прищурился он и усмехнулся. — А мне показалось, что тебя сейчас больше волнуют проблемы юридические. Следственные, так сказать...

Что-то больно екнуло в груди, и меня охватил страх — беспричинный, панический, будто я сделала что-то ужасно постыдное, и эта стыдбушка выплыла на общественный погляд и публичное мое посрамление.

— Ну, ты что молчишь? — Убеждаясь в справедливости своих подозрений, главный чугунел от обиды. — Ты что в прокуратуре делала?

— Я хотела выяснить судьбу одного человека, — заплетаясь языком пробормотала я.

— Какого человека? — Главный говорил тоном и словами, которыми, по моим представлениям, и должен говорить следователь, — при всех обстоятельствах у него звучало все убедительнее, чем невнятное бекотание Бурмистрова. — Кто этот человек?

— Кто человек? — переспросила я и подумала, что мне никогда не объяснить ему, кто такой Ларионов, какое он имеет отношение ко мне и почему я им занимаюсь. — Человек этот штурман, приезжий, приличный человек. И влип...

— А кто тебе поручал ходатайствовать за него? — наливался пенящимся гневом, как пивом, главный. — Ты понимаешь, что всех нас подводишь?

— Почему? — запоздало возмутилась я. — Я ходила туда вовсе не от имени газеты...

— Вот это ты брось! От своего имени ты бы там с дворником говорила, а не со следователем по делу! И нечего фигурировать званием корреспондента газеты! Если я еще раз хоть что-то подобное узнаю, ты у меня, Ирина Прекрасная, в два счета вылетит в корректуры! И не забывай никогда, что у тебя свое имя есть дома на кухне, а в любом учреждении ты представитель органа печати!

— Хорошо, не буду забывать, — покорно кивнула я. — У меня к вам просьба...

— Слушаю...

— Вы не можете сами поинтересоваться судьбой этого дела у следователя Бурмистрова?

— В этом нет никакой необходимости. Бурмистров — опытный специалист и объективный человек...

— Понятно, — кивнула я. — Тогда разрешите мне взять интервью у Барабанова...

Он посмотрел на меня с сочувствием:

— Ты, наверное, с ума сошла...

О, великое кошмарное празднество Труса! Я ехала на свидание к Ларионову и чувствовала, что весь мой организм отравлен ядом страха. Меня снаedal стыд за это позорное самочувствие, но ничего не могла я с собой поделать — тошило просто, как с похмелья. Всаывающая пустота под ложечкой, и сердечный ритм — как рваная перфорация.

Глупость, конечно, но главный меня напугал. Я знала, что, если он захочет, вышибит ему меня со службы ничего не стоит, не такой уж я незаменимый работник редакции. А работой своей — какая там она ни пустяковая — я очень дорожила. А теперь, когда Витечка ушел от нас преодолевать с Гейл Шиихи свой кризис, моя микроскопическая журналистика — единственный источник кормежки для нас всех.

Я стыдилась своего страха, а пыталась уговорить себя, что стыжусь за поведение главного. Так было морально легче, и ненависть к своей физиологии, не подчиняющейся соображениям о собственном достоинстве, становилась меньше.

Страх и стыд можно уговорить, как разбалававшего ребенка.

И поэтому решила позвонить Чагину. Скажу, чтобы они угомонились, а я по-хорошему постараюсь уговорить Ларионова. Кончать надо это дело. Иначе они походя оторвут приличному мужику голову. А если я буду и дальше путаться у них под ногами — отшвырнут пинком. Или наступят.

Когда следователь Бурмистров еще не понял, что я пришла защищать Ларионова, он широко раскладывал на столе бумаги из папки, и на милицейском протоколе опроса Чагина я рассмотрела телефон. Их там было два номера, но один был прикрыт верхним листом. А второй я разглядела хорошо. Неизвестно только, служебный или домашний?

А, неважно! Или сейчас, или вечером, или завтра я застану его по этому номеру и постараюсь прекратить эту историю. И поймала себя на мысли, что ни на секунду не сомневаюсь: если Чагин со своей гопой попросит Бурмистрова не очень сильно наказывать Ларионова, то следователь, безусловно, прислушается.

Сошла с троллейбуса и рядом с остановкой увидела пустую телефонную будку. Вот и позвоню прямо сейчас, нечего откладывать. Я шарила по карманам, в кошельке в поисках двушки, не нашла и опустила в щель гривенник.

В трубке металлически-сочно чвакнуло, и женский голос ответил:

— Слушаю...

Гривенник нырнул в щель, и я попросила:

— Позовите, пожалуйста, Владимира Петровича...

— Слушаю вас... Говорите...

— Владимира Петровича...

— Я вас слушаю... Говорите...

Реле не замкнулось, соединения не произошло, меня там не слышали, но я знала, что у меня больше

нет монет, и кричала в микрофон, надеясь преодолеть электронное упрямство машины:

— Владимир Петрович мне нужен...

— Алло... Алло... Вы чего молчите?..

Как мне дать знать, что я не молчу, а кричу? Что это меня просто не слышат? Может быть, действительно рубль, если он даже давно устарел, и не бумажный, а металлический и называется гривенник, может, он не соединяет?

А на том конце провода женский голос окреп и налил ярьостью:

— Ты чего там дышишь? Ты что молчишь, гадина? Ты думаешь, я не знаю, кто звонит? Грязная тварь!.. Сколько раз тебе говорили, чтобы ты номер этот забыла? Если ты, мерзкая подстилка, еще раз позвонишь сюда, я тебе морду разобью... Дрянь подзаборная!.. Потаскуха!..

Ту-ту-ту-ту-ту... Я обескураженно держала трубку в руках, не замечая, что ухо у меня не озябло, а горит огнем.

Господи боже мой, это кто, я — подстилка мерзкая? Я — подзаборная дрянь?

Что это меня сегодня волтуют непрерывно? И хотелось бы узнать — за что? И когда это мне говорили, чтобы я этот номер забыла? И откуда известно, что это звоню я?

Ба-ба-ба-ба! Это же не со мной говорили! То есть со мной, но принимали там меня за кого-то другого! За другую. И эта другая, видимо, сильно достала женщину на чагинском телефоне. Вряд ли его секретарша имеет полномочия с кем бы то ни было разговаривать так по телефону. Значит, жена. Очень интересно...

Меня охватило чисто женское сплетническое возмущение. Я чувствовала, что неожиданно и совершенно случайно получила какую-то очень важную для меня информацию.

— А вы, однако, увлеклись разговором... — услышала я голос Ларионова за спиной.

Оглянулась, а он, улыбаясь, показал мне глазами на телефонную трубку, которую я все еще держала в руках.

— Да, хорошо поговорили, душевно, — кивнула я, повесила трубку на рычаг и вышла из будки. — Я с женой Чагина говорила...

— Чагина-а? — поразила Ларионова. — Почему? Почему вы с ней говорили?

— Потому что она сняла трубку, — честно разъяснила я. — Она приняла меня за какую-то другую женщину, видимо, подругу своего замечательного супруга, и чудовищно лаяла меня... Я не знаю, кого она так поливала, но и она не узнает, кому это все досталось...

Как всегда напористо и не спеша, Ларионов спокойно сообщил:

— Я думаю, что она чесала так строго Риту...

— Кого? Риту?

— Ну, да! Ту самую девицу, которая была с ними в машине, а потом скорострительно исчезла...

— Почему вы решили?

— Я думаю, что само по себе ее присутствие в этой компании недопустимо. Она никак не должна фигурировать в скандале, иначе зачем им надо дружно врать, что никакой женщины с ними не было. И, кстати говоря, лишать себя еще одного свидетеля...

— Вон, оказывается, какой вы Шерлок Холмс, — протянула я недоверчиво. — А может быть, это девушка Шкурдюка? Или Поручикова?

— Шкурдюка — не может. Нет необходимости ее скрывать: Шкурдюк — свободный, холостой мужчина, тротуарный ковбой, с кем хочет, с тем и хороводится. А Поручикова — может... Но только он весь махонький, незаметный, сизо-серый, такая шикарная девица не для него... Это скорее калибр жизнелюба Чагина...

— Вы хотите сказать, что чагинская жена знает об этой девушке? — спросила я. — То есть, попав в скандал, они быстро сплывили девушку, чтобы не открывать второй фронт в тылу у Чагина?

— Ну конечно! — засмеялся Ларионов. — Это же так понятно... Он дома раньше засветился своими походами «налево», а с женой лишнего ссориться неохота, там есть паланька грозный. Если рассердить сильно, может через себя кинуть хуже, чем я...

— Вон, оказывается, какой расклад мы имеем. — Я вдруг обнаружила, что страх, терзавший меня, как боль, бесследно исчез. — А как вы относитесь к тому, чтобы поохотиться в их угодьях?

— В каком смысле? — не понял Ларионов.

— Они все время врут. И почему-то так выходит, что это грязное лгание все принимают как правду. Может быть, надо попробовать заставить их силой сказать какую-то правду?

— Есть только одна такая сила — страх, — пожал плечами Ларионов. — Страх, что может неожиданно всплыть какая-то другая, гораздо более неприятная правда.

— Поехали на стадион, — схватила я Ларионова за рукав и потащила к остановке. — Ничего он мне не сделает... Побойтся...

— Кто? Чагин?..

— Я о своем главном говорю... Побойтся он связываться с Барабановым... Судя по разговорам, Барабанов может и его нашлапать чувствительно...

Бор. ЛЕОНОВ

ПОЗЫВНЫЕ ИСТОРИИ

У советской многонациональной литературы немало богатых и плодотворных традиций. Одна из них — стремление писателей рассказать о жизни родного края или республики, о плодотворных переменах, происшедших на земле предков в ходе созидания нового общества, о рождении человека социалистической формации. Судьба земляков в писательском слове неотторжима от судьбы всего советского народа, а день нынешний воссоздается как звено в истории. У истоков этой традиции был Максим Горький. И как редактор журнала «Наши достижения», и как автор страстной и впечатляющей книги очерков «По Союзу Советов», в которой ярко и энергично зазвучали позывные революции.

Побывав в самых разных республиках, на заводах и фабриках, в деревнях, переустройствающихся на новый лад, Горький засвидетельствовал множество талантов, вызванных к жизни нашей эпохой, подлинную красоту жизни, воскрешенной или воссозданной живительной силой Великого Октября. Его призывы 30-х годов к писателям — рассказать «многомиллионному читателю обо всем, что создается его энергией на всем огромном пространстве Союза Советов, на всех точках приложения творческой энергии рабочего класса» — нашел горячий отклик в среде творческой интеллигенции всех братских республик.

О своих земляках, о красивых и гордых людях, трудом которых утверждалась социальная новь жизни, писали те, кто именуется нами зачинателями советской многонациональной литературы. Среди них таджик Садриддин Айни и армянин Егише Чаренц, узбек Хамза Хаким-заде Ниязи и белорус Якуб Колас, грузин Галактион Табидзе и казах Сакен Сейфуллин, украинец Андрей Головки и многие другие. Эту эстафету органично восприняли писатели следующих поколений, которые не только учились у мастеров, но и привносили в их опыт дыхание нового времени.

Кто нынче не знает таких произведений о своей родине, как, скажем, «Владимирские проселки» Вл. Солоухина или «Мой Дагестан» Расула Гамзатова, или книг о возрождении к жизни народов Севера Ю. Рытхэу, Вл. Санги, Ю. Шесталова, М. Юхмы?! Каждая из них — признание художника в любви к малой своей родине, с которой начиналась и начинается для человека любовь к Стране Советов, к социалистическому Отечеству. Если нет у человека на земле своей деревни или кишлака, своей улицы, поселка или города, проблематично появление у него конкретного осознания себя причастным к судьбе народной. Лишенный малой родины, человек лишается корневой связи с понятием национального самосознания, через которое только и пролегал путь к межнациональным связям, к глубокому пониманию человеческого единства. Вот еще чем опасны неистовые сокрушители старины, сноса переспективных деревень, переименования улиц и городов.

Счастье встречаться с родными местами на протяжении всей жизни, видеть воочию, на примере родных мест, обновление бытия земляков и судеб все новых поколений составляет главный источник любви человека к Родине. Пронизанное чувством благодарности за помощь других народов и гордости за достигнутые успехи, качественно иным становится отношение человека к другим странам, в нем пробуждается дух интернационалиста. Такова основная мысль и книги народного писателя Туркмении Рахима Эсенова «Весна пришла с Севера», вышедшей в издательстве «Мысль» в год семидесятилетия нашей революции.

Рахим Эсенов вслед за своими старшими товарищами по литературе — Б. Кербабаевым, Н. Сарыхановым и другими — по-своему рассказал о своем народе, о тех местах на туркменской земле, которые с детства вошли в его сердце и остались там навсегда «метами» всей республики. И это естественно. Нельзя любить Родину, не любя отчего дома, нельзя любить человечество, не любя человека. Поэтому, рассказывая о республике, о ее природных богатствах и достижениях в самых разных областях — в экономике, науке и культуре, Эсенов непременно

возвращается к родным местам, к городу Красноводску на Каспии, где формировался мир его души.

В памяти остались картины домашнего быта. В частности, моменты, когда мать приносила из магазина буханку свежего хлеба с румяной корочкой. После завтрака отец брал в руки оставшийся хлеб и жадно нюхал его. Мать, смущаясь, говорила: «Не рыба это, а хлеб», — на что отец отвечал: «Потому и нюхаю. Сыт, а глаза голодные». Спустя годы, признается писатель, «я понял, что отец до революции так наголодался, что и теперь, видя вдоволь хлеба, глазам своим не верил и, видимо, долго ощущал это унизительное чувство «голодных глаз».

Именно это личное, изведенное и пережитое, вынесенное из дома отца и обретенное дальнейшим жизненным опытом, составляет одно из очевидных достоинств книги писателя о республике, истории своего народа. Личностное отношение ко всему, о чем бы он ни рассказывал читателю, пригласив того в путешествие по родной Туркмении, позволяет Рахиму Эсенову с успехом преодолевать неизбежную в подобных повествованиях информативность, суховатую поэзию статистики, а также органично соединять историческую хронику с живой плотью старинных легенд и со словом современника о происходящих переменах в жизни республики, того или иного города, знаменитого Кара-Богаз-Гола. Писатель умеет незаметно превращать сугубо научные данные в живую плоть реального мира, а старинное предание вплести в ткань публицистического разговора, скажем, о судьбе челекенской нефти. Связать рассказ о днях советской литературы конца 70-х годов с информацией о поездке в 1930 году по инициативе Горького «первой ударной» бригады писателей на юг республики. Результатом поездки были яркие произведения Н. Тихонова и Вс. Иванова, Л. Леонова и Вл. Луговского, П. Павленко и Гр. Санникова.

Желание как можно полнее представить республику всесоюзному читателю определило сам жанр повествования — это путевые заметки, подобные традиционным «хождениям». Вот откуда в повествовании набирает силу, эмоциональную энергию образ дороги, сотканный из самых разных оттенков впечатлений от увиденного и услышанного во время пребывания в аулах Копетдага, в субтропиках юго-запада республики, в рыбацком поселке Гасан-Кули и на высоком каменном плато Устюрта, в просторах Каракумов и в легендарной Кушке. Смена красок природы как бы отражается в различии ритмов сказаний и легенд, а каждое перемещение связано с новыми встречами, открытиями. Все это напоминает смену рисунков на ковре, искусством создания которого до сих пор владеют женщины Туркестана.

Да, поистине большой труд стоит за этой книгой, труд, может быть, равновеликий всей прожитой писателем жизни. И начинаешь понимать, что совершить такое путешествие в роли гида по силам человеку, страстно влюбленному в землю предков, в живое древо национального искусства, питающегося плодами высших достижений культур всех братских народов. Поражаешься богатству самых разных фактов из биографии народа, какими располагает писатель, его эрудированности и осведомленности, широте его взглядов на историю национальную и мировую. Надо щедро и самоотверженно любить свою землю, страну, чтобы не просто обладать богатством познания, но талантливо, вдохновенно делиться им. Вот основной вывод, какой можно сделать после прочтения серьезной и увлекательной книги Рахима Эсенова о Туркмении. Убежден, книга эта, продолжая горьковскую традицию в советской литературе, не только не минует внимания читателей, но не пройдет бесследно и для писателей других республик, которые должны будут поддержать начинание редакции географической литературы издательства «Мысль» и создадут свои книги о своих республиках. Из них со временем сложится богатейшая документально-публицистическая библиотека с названием «История государства Советского». Адресованная прежде всего молодежи, она, несомненно, сыграет действенную роль в воспитании высоких чувств советского патриотизма и социалистического интернационализма.

Читайте в ближайших номерах:

Дипломник семнадцати лет. Фотоочерк.

Реформа цен. Мнение экономиста.

Юрий Нагибин представляет американского писателя Лорена Айзли

Капитан сборной СССР по хоккею Вячеслав Фетисов: перед Калгари.

Писатель Виктор Потанин о художнике Юрии Ракше.

Подписка на «Смену» не закончилась, она продолжается. Вы можете выписать журнал в любом почтовом отделении, в агентстве «Союзпечати» до 1-го числа предподписного месяца. В розницу журнал поступает в ограниченном количестве.

30-я шахматная олимпиада

Под редакцией гроссмейстера Виктора ЧЕПИЖНОГО

С целью расширения кругозора участников нашей олимпиады мы будем предварять каждый тур каким-нибудь произведением из классического наследия отечественных шахматных композиторов. Особенно рекомендуем обратить на эти композиции внимание тем, кто сам пробует составлять шахматные задачи.

А. Галицкий
1897 г.

Мат в 3 хода

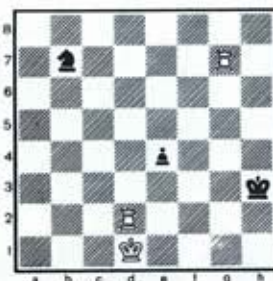
1. Kph2! — цугцванг! 1... Kpd1 2. Фd4 Kр:c1 3. Фа1x, 2... Kpe1 3. Фg1x, 1... f3 2. Фе3+ Kpd1 3. Фg1x, 1... Kpf2 2. Ф:d2+ Kpf3 3. Фе2x, 1... Kpf1 2. Фf3+ Kpe1 3. Фе2x.

Прекрасный первый ход, освобождающий два поля для черного короля, вызывает живую игру. Три первых мата — правильные.

Второй тур

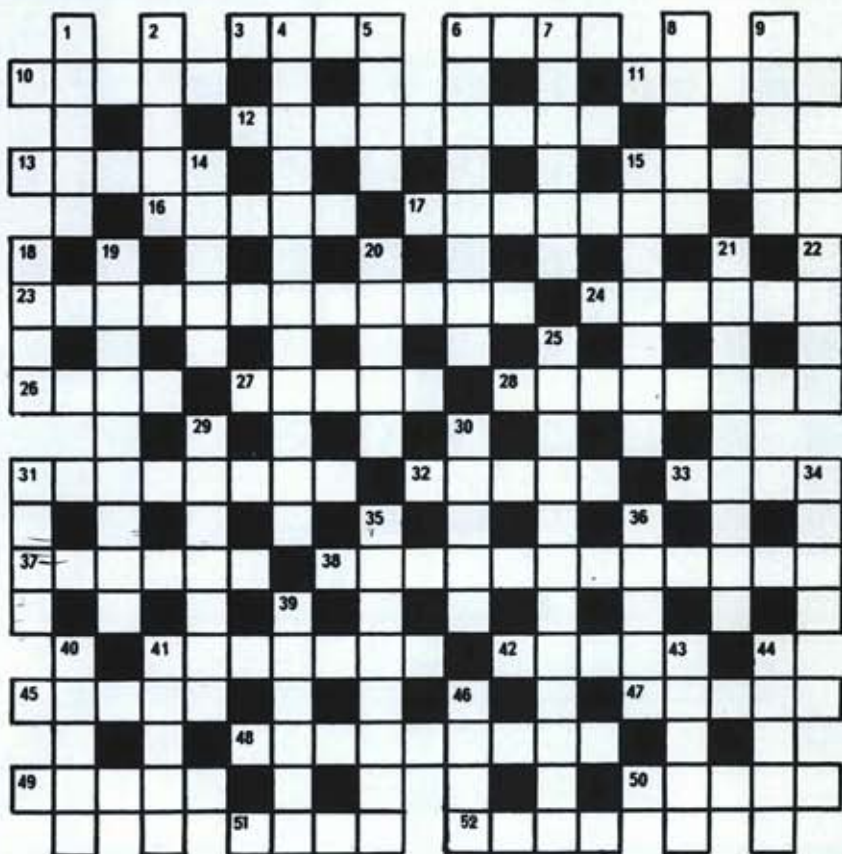
Белые: Kph8, Фе3, Лh6, Сg3, Кf6 (5)
Черные: Kр7, п. e7 (2)
Мат в 2 хода (1 балл)

Белые: Kpd1, Лd2, Лg7 (3)
Черные: Kрh3, Кb7, п. e4 (3)
Мат в 3 хода (3 балла)

Ответы на задания присылайте только на открытках (без конвертов!) с пометкой «30-я шахматная олимпиада. 2-й тур». Последний срок отсылки ответов по почтовому штемпелю — 15 марта.

КРОССВОРД

КОНКУРС КРОССВОРДИСТОВ
Первое задание

По этой довольно простой сетке, которую мы предлагаем вам, составьте кроссворд, ни в чем не отступающий от правил, напечатанных в № 4 «Смены» за прошлый год. В частности, слова надо загадывать в единственном числе именительного падежа (в цитатах возможен и винительный). Во множественном числе можно загадывать слова, у которых нет единственного, а также парные предметы, названия народов и жителей государств, городов и т. д. Названия произведений в одно слово можно брать в любой форме.

Нельзя загадывать названия болезней, телевизоров и других бытовых приборов, малых планет, чисто религиозные и монархические слова; кроме того, слова неблагозвучные и вызывающие неприятные ассоциации.

На одну букву при этой сетке нельзя брать больше пяти слов. Не больше 28 слов должно быть с правильным чередованием гласных и согласных (отара, рынок). Предельное число имен собственных — 18. (Советуем тем читателям, которые нечетко знают, что это такое, обратиться к учебникам или энциклопедии «Русский язык».) В качестве личных можно брать только имена персонажей произведений либо принадлежащие известным людям.

Не берите больше трех слов одного ряда (птиц, городов). Никакое загаданное слово или однокоренное с ним не должно встречаться ни в одном из определений. В ответах не может стоять рядом больше двух слов на одну букву.

А теперь суть задания: в кроссворд надо постараться включить как можно больше слов на тему «Первый, первая, первое». Например, первый русский человек, увидевший Байкал; первый европеец, ступивший на берег Австралии; первый город, в котором построили метрополитен; самоцвет, который пер-

вым начали добывать на Руси; первое одомашненное человеком животное. Поле для поисков тут обширное, занимательное и в то же время полезное, познавательное.

Фамилий или имен людей, бывших в чем-то первыми, в кроссворд нельзя включать больше десяти.

Победителей жюри определит по набранным очкам. При этом за каждую фамилию или имя в чем-то первого человека будет начислено одно очко, за другие имена собственные (названия городов, планет и т. д.) — по три очка, за нарицательные слова — по пять очков. Уточняем, что очки будут начислены только за слова по названной выше теме.

Загадываемые слова надо стараться пересекать на согласных буквах. Особенно следует подумать над определениями. Они должны быть разнообразными и интересными. Как оформлять работу, читайте в № 4 «Смены» за прошлый год. При этом совершенно обязательно надо указать источники (вплоть до страницы издания) к каждому определению.

К сетке, заполненной загаданными словами, надо приложить саму работу, а также листок с проставленной крупно суммой набранных очков, системой подсчета и выписанными в три столбца одно-, трех- и пятичковыми словами.

Одну или две лучшие работы «Смены» напечатает. Их авторам и еще четверым участникам редакция предоставит право напечатать вне очереди обычный кроссворд, составленный по обычным для «Смены» правилам, и наградит книгами и дипломами. Дипломы будут высланы в адрес еще пятерых победителей.

Последний срок отсылки конкурсной работы — 10 мая. На конверте (бандероли, свернутые трубочкой, не посылать!) пометьте: «Конкурс кроссвордистов-88. 1-е задание».

Ответы на кроссворд, опубликованный в № 1

По горизонтали:

1. Физалия.
6. Юпитер.
10. Щука.
11. Дыхание.
12. Черкес.
13. Роль.
14. Тарелки.
15. Шебека.
18. Цепь.
19. Ларин.
20. Виверра.
25. Горечавка.
26. Экзекутор.
27. Мустанг.
31. «Жница».
34. Яшма.
35. Ладакх.
36. Наметка.
37. ...очаг...
38. Кросно.
39. «Уэверли».
40. Хиос.
41. Огаста.
42. Торбаса.

По вертикали:

1. Федотов.
2. Захаров.
3. Лендлер.
4. Ящерица.
5. Скульптор.
7. Предел.
8. Таккер.
9. Ростан.
16. Бакаут.
17. Кинкан.
21. Иткина.
22. Езерца.
23. Раус.
24. Зебу.
25. Горшечник.
27. Мангуст.
28. Самовар.
29. Астарта.
30. Графика.
31. Жлукто.
32. Идиома.
33. Аконит.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 2 (1456)

январь 1988

Москва, издательство «Правда»

Главный редактор
Альберт ЛИХАНОВ

Редколлегия:

- Валерий ВИНОКУРОВ
- Борис ДАНИШЕВСКИЙ (ответственный секретарь)
- Владимир ДЕСЯТЕРИК
- Михаил КИЗИЛОВ (заместитель главного редактора)
- Александр КУЛЕШОВ
- Иосиф ОРДЖОНИКИДЗЕ
- Юрий РАГОЗИН
- Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ
- Евгений РЯБЧИКОВ
- Вадим САЮШЕВ
- Виталий СЕВАСТЬЯНОВ
- Владислав СЕРИКОВ
- Виталий ФЕДОРОВ (главный художник)
- Олег ШЕСТИНСКИЙ

Художник
Владимир ЗАЙЦЕВ
Технический редактор
Александра ГУСЕВА

101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14

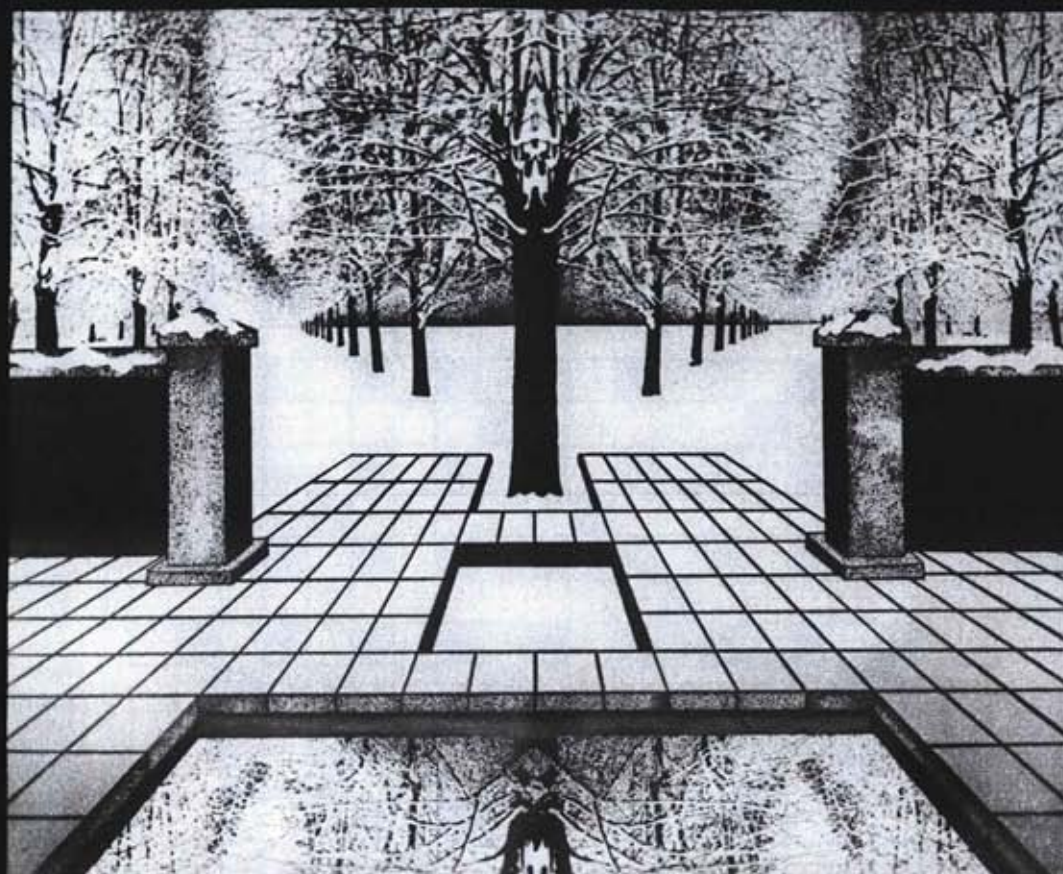

212-15-07 — для справок. Отделы:
212-21-59 — рабочей молодежи и науки,
250-29-39 — коммунистического воспитания,
251-32-84 — фотоочерка,
212-21-38 — военно-спортивный,
212-13-19 — международной жизни,
251-04-10 — литературы и искусства,
212-11-27 — писем и массовой работы.

Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.
Рукописи объемом более одного авторского листа (24 машинописные страницы) редакцией не рассматриваются.

Издательство «Правда»
«Смена», 1988 г.

Сдано в набор 04.12.87.
Подписано к печати 17.12.87.
А 05184. Формат 70x108½.
Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60.
Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 21,7.
Тираж 1 975 000 экз.
Заказ № 1701.
Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

ПАЛИТРА
ЛИТВИ

Генрикас РАТКЯВИЧУС
Парк

Грюшис ПРАНАС.
Оркестр-86.

Окончание. Начало см. на 12-й стр.

Этот своеобразный «клаипедский симпозиум» на открытом воздухе помог выявить новые грани таланта таким художникам, как Новалис, Ярошеваите, Босас, Райцявичус... Жаль, что на выставке их работы представлены в слайдах. Но даже и эта не самая лучшая форма знакомства с их скульптурами позволяет оценить поразительную связь «искусственной» плоти с естественной плотью природы, самобытность и притягательность их пластики.

Выставка изобразительного искусства Литвы убеждает: богата талантами литовская земля в самых разных областях художественного творчества. Невозможно рассказать о всех работах литовских мастеров. И дело не в масштабности выставки. Многие произведения дают простор нашему воображению, пробуждают чувства, мысли. А это и есть большое настоящее искусство.

«Дело художника — выразить, дело зрителя — понять».

Мария БОРОДИНА

